Badisch

1815

I202
1815

PTK Gr I 63/1815

PI202
PKCp I 63/1815

ЗАБАВНИКЪ
ЗА ГОДИНУ
1815.

ДИМИТРІЕМЪ ДАВІДОВИЧЕМЪ,

СОУЧРЕДНИКОМЪ НОВИНА

СЕРБСКИХЪ,

СОЧИНЕЊЕ.

У ВІЕНИИ

ПИСМЕНЫ Г. ІОАННА ШНИРЕРА.

СИ. 481
1013
1.
КЊИЖНИЦА
ТЕКЕЛИЈИНА ЗАВОДА

49199

49199

213 A 79

Martinovits

3343

К. Найденовъ рѣз.

ЗАБАВНИКЪ

ЗА

1815 годину

СЕРБЛЬМЪ и СЕРБКИНЯМЪ

ПОСВЯЩЕНЪ.

*

ПОСВЯЩЕНИЕ

СЕЛЬСКИЙ И СЕЛЬСКИНЯ

БЛАГОНАКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЮ!

И ЧИТАТЕЛЬИЦЕ!

Представљямъ Вамъ, по обѣщанїю момъ, забавникъ, кой самъ за 1815 годину изъ иностранныхъ Списателя собрао и издао. Намѣреніе мое познати' ћете лако изъ самогъ содержанїя говогъ; я самъ се трудїо, не само обиче
пребы, кою опъ мѣсецослова имамо,
но и оно у нѣга ставити, што бы къ
вкуса, облагорожденїю сердца
ной забави Сербљемъ и С
жити могло. А єли зато
лезанъ, то ћете сами
їошть радуемъ, што
момъ, и мужескогъ
вище благонаравныхъ
телныхъ повѣстїй и
ћи, ако сваке године
сочинити и издати узмо
себи приписуемъ, што є
да и у томъ Роду нашемъ усл

Пріимите само, молимъ Васъ! забавникъ о-
вай съ онымъ усердіемъ, съ коимъ га Вамъ
посвећуемъ. Удостоите га читаня Вашегъ; и
желаніе мое быт' ће испуњено, ако отъ Васъ
упи узмогу, да сте съ њимъ задовольно вре-
пробавили. Издитель истогъ забавника
ми є забраніо, да књижицу ову њговому
односимъ, но Вамъ да ю посветимъ:
игра онъ радости, кадъ што на
писано види; онъ жели, да се
множи; и жертвовао бы полъ
се Родъ нашъ просвѣти.
й первый предстабля
е храмъ премудрости;
и зраке, зраке просвѣ-
на страни градъ єданъ
ножію пакъ горе рѣка
изъ града истокъ отъ
вежества перу, и опраный ста-

зомъ єдномъ искривуданомъ къ храму премудросши иду: двойца измежду ньи нису се са свимъ добро опрали, и зато имъ є сунце очи засѣнило, и тога ради заклоніосе єданъ одѣломъ своимъ, а другій є очи рукама запушіо, немогући блестина зрака просвѣщенія сносити. Съ ове стране воде єданъ окупанъ сѣди, и неће на ону страну къ стази да иде, видећи, да ће му тежко быти, узъ гору пенятисе; друга два пакъ стое, и пытаю, ели оно стаза къ храму, што се тамо види, но убоявшіисе, да нећею успѣти, воледу и не кушати срећу къ храму ити, зато іошть обученых на овой страни воде стое. Узъ стазу већ ньи тройца иду, и къ храму се приближую, хотя да є путъ къ премудросши доста попежакъ.

Што погрѣшака и недостатака у забавнику овомъ найдете, изволите ихъ Благонаклонныи Читашельи! и Благонаклонне Читашельице! ве-

ликодушно опростити; увѣравамъ Васъ, да ће догодишньій забавникъ много совершенній, пуній, и већшій быти.

Благодаримъ Вамъ на ревностномъ Вашемъ спомоществованію; о кадъ бы Вамъ, на жертвеннику благодарности све оно изразити могао, што чувствуемъ! и кадъ бы при почетку новогъ лѣта више што отъ простыхъ желанія поднети у состоянію быо! отъ желанія сирѣчь, да здравыи и здраве, веселыи и веселе, дуголѣтныи и дуголѣтне будете, и у сваком Вашемъ благомъ предпріятію, по желанію Вашемъ, успѣте! Въ прочемъ извините слабо мое перо, кое оно подробно описати не зна, што сердце чувствуе.

У Бїенни 1га Януара 1815.

Вашегъ покорнѣйшегъ

ДИМИТРІА ДАВІДОВИЧА,

Соучредника Сербскихъ

Новина.

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЕ
ПАМЯТОДОСТОЙНЫХЪ ВЕЩІЙ.

Отъ створенїя мїра по счисленїю восточне
церкве има лѣта 7323
— — — — — римске церкве 5764
— — — — — єврейске церкве 5576
Отъ рождества Хрїстова 1815
— Почетка Мачжарскога Кралѣвства . 815
— соєдиненїя Славонїе и Далмацїе съ Мачжарскомъ 795
— Постатка града Вїенне 715
— Постатка Турскогъ Царства . . . 512
— Паденїя Сербскогъ Кралѣвства, после битве на полю Косову съ Турцы Юнїа 15гъ 1389 год. бывше, у коїой є Кнезь Лазаръ погинуо 425
— Изобрѣтенїя печатнѣ 375
— — — Америке 375
— Рожденїя Императора нашегъ Франца I. 47
— Почетка владѣнїя Нѣговогъ 23

Отъ Воздвиженїя Славено - Сербске, Валахїйске и прочихъ восточныхъ єзыка Печатнѣ или Тїпографїе 44
— основанїя училища у Карловцы (у Срему) Митрополїтомъ Сербскимъ и Архїепїскопомъ Карловачкимъ, Г. Стефаномъ Стратимировичемъ Кулпинскимъ заведеныхъ . . . 23

УВѢДОМЛЕНІЕ

о години 1815.

Година 1815 єсть проста, т. є. има 365 дана.

О царствующей звѣзди.

Год. 1815 царствуе звѣзда, коя се зове Венера: мы ю называмо звѣздомъ Данницомъ — зорнячомъ — Вечернячомъ: Данницомъ зато, што се она найдуже отъ свїю звѣзда предъ зору и предъ исхожденїемъ сунца види; а Вечернячомъ зато, што перва отъ свїю у вечеръ изидье, када сунце заилази. Лѣпота, зракъ и блистанѣ нѣно ссу свима добро познана, зато Сербьи за лѣпу жену кажу, „лѣпа Ти є, као звѣзда Данница.“ Венера теченїе свое сваке године свершуе за 224 дана; опъ сунца 21 миллїонъ миля отстои. Година, у коїой Венера царствуе, обычествуе више влажномъ, негол' сувомъ, но и запарномъ и доста жаркомъ быти.

Венера єсть мало маня опъ землѣ наше. Знакъ нѣнъ у Астрономїи єсть знакъ мѣди, или пи бакра ♀.

О Зими.

Зима се за год. 1815 їошть 10гѣ Декемвра год. 1814 започела; онда є сунце до небесногѣ знака хладногѣ илити сѣверногѣ Козерога доперло, и дань найкраћшїй а ноћ найдужшу причинило. Зима ће до 9га Марта ове године траяти. Она ће быти умѣренна, сѣ почетка студенна и непрїятна, а после иѣкогѣ времена боля, около конца пакѣ весма студенца.

О Пролѣтїю илити Весни.

Пролѣтїе ће се Марта 9га започети; онда ће Сунце до небесногѣ знака зовомогѣ Ованѣ дойти, и онда первый путѣ дань ноћи раванѣ учинити. Пролѣтїе ово быти ће умѣренно и умилно, и за све плодове добро.

О Лѣту.

Лѣто ће се 10га Юнїа започети, када сунце у знакѣ небесный рака ступи, и найдужшїй дань, а найкраћшу ноћ причини. Ако обычна влажность пролѣтна дуго не устрае, то ће топло и запарно лѣто быти; ако ли у пролѣћу доста кише узбуде, то ће лѣто суво и жарко быти, зато ће, у томѣ случаю, вїно добро быти, но жита и прочи плодови зерненныи быти ћею слабыи и небогатоплодныи.

О Єсени.

Єсень ће 12га Септемвра наступити, када сунце у знакъ небесный вѣсїй — кантара — ступи, и вторый путъ ове године дань ноћи равань учини. Као што є обычно, почети' ће єсень съ пріятномъ погодомъ, но неће тако задуго трајати. У год. овой мразъ вїноградомъ не вредьа, и вїно ће весма добро быти, хотя да ће доста гроздьа иструнути. Вїномъ и житомъ добро да се састарамо, ибо ћею три послабе године єдна за другомъ дойти. Єсень ова быт' ће бурна, и кишовита.

О помраченїю Сунца и мѣсеца.

Год. 1815 сбыти ћею се три помраченїя сунца, а два помраченїя мѣсеца. Отъ свїю овыхъ помраченїя мы ћемо само єдно помраченїе мѣсеца и то на концу видити, кое ће се 9га Юнїа догодити. Мы ћемо га єданъ часъ после исхожденїя мѣсеца видити.

Знацы четвертїй мѣсечныхъ.

Новъ мѣсецъ има знакъ овай: . . . . . ●
Перва четвертъ . . . . . ☽
Пунъ мѣсецъ . . . . . ☺
Послѣдня четвертъ . . . . . ☾

Кодѣ коихѣ дана овыи знацы находилисе буду, у оне дане сбывасе такоречена мѣна.

Знацы Праздника и недѣлныхѣ дана.

Недѣлныи и праздничныи дани ссу червенны, тежашныи пакѣ черны писмены печатаныи.

Означенїе Числа на десной страни између две пруге стоећа.

Число између две пруге на десной страни стоеће означуе дань мѣсецослова новогѣ илипи римскогѣ.

ЯНУАРЪ има 31 данъ.

Пет.	1	Обрѣзаніе Господ.	13	Нов. Януар.
Суб.	2	Сїлвестра Папе Р.	14	

У Нед. предъ Просвѣщ., Еванг. отъ Мар. зач. 1.

Нед.	3	Малахїа, и Гордїа	15	
Пон.	4	Соборъ 70 апостол.	16	
Вто.	5	Θеопемпта и Θеон.	17	
Сред.	6	Богоявленїе Господ.	18	
Чет.	7	Іоанна крестителя	19	
Пет.	8	Георгїа и Емїлїана	20	
Суб.	9	Полїевкта мученик.	21	

У Нед. по просвѣщенїю Еванг. отъ Матеа зач. 8.

Нед.	10	Григорїа епїс. Нїс.	22	
Пон.	11	Θеодосїа преподоб.	23	
Вто.	12	Татїане мученице	24	
Сред.	13	Ермїла, и Страт.	25	
Чет.	14	Савве Арх. Серб.	26	
Пет.	15	Павла Θивейскаго	27	
Суб.	16	Ап. Петра верига	28	

У Недѣлю 30. Евангелїе отъ Луке зачало 93.

Нед.	17	Антонїа великога	29	
Пон.	18	Аθанасїа, и Кїрїлла	30	
Вто.	19	Макарїа Егїптян.	31	
Сред.	20	Евтїмїа великогъ	1	Февр.
Чет.	21	Максїма исповѣдн.	2	Срѣтеніе.
Пет.	22	Тїмоθеа и Анастасїа	3	
Суб.	23	Климента епїс. Агк.	4	

У Недѣлю 31. Евангелїе отъ Луке зачало 94.

Нед.	24	Преп. матер. Ксенїе	5	
Пон.	25	Григорїа богослова	6	
Вто.	26	Ксенофонта и друж.	7	
Сред.	27	Іоанна Златоуст. м.	8	
Чет.	8	Ефрема Сїрїна	9	
Пет.	29	Преп. мч. Ігнатїа	10	
Суб.	30	Еѳлит. Іерарховъ	11	

У Нед. 32. Хананки, Еванг. отъ Матоеа зач. 62.

Нед.	31	Кїра и Іоанна	12	

ФЕВРУАРЪ има 28 дана.

Пон.	1	Трїфона мученика	13	Нов.Февруар.
Вто.	2	Срѣтеніе Господ.	14	
Сред.	3	Сїмеона богопрїим.	15	
Чет.	4	Ісїдора Пїлусїотска	16	
Пет.	5	Агаѳїи мученице	17	
Суб.	6	Вукола епїс. Смїрн.	18	

У Нед. 33. о Мытари и Фарїсеи, отъ Луке зач. 89.

Нед.	7	Параѳенїа еп. Лампс.	19	
Пон.	8	Ѳеод. Страт. и Зах.	20	
Вто.	9	Нїкифора мученика	21	
Сред.	10	Харалампїа мучен.	22	
Чет.	11	Власїа священомуч.	23	
Пет.	12	Мелетїа Патр. Ант.	24	
Суб.	13	Мартїнїана и Свм. С.	25	

УНед. 34. о блудномъ сыну, Еванг. отъ Луке зач. 79.

Нед.	14	Авксентїа преподоб.	26	
Пон.	15	Онисїма апостола	27	
Вто.	16	Памфїла мученика	28	
Сред.	17	Ѳеодора Тїрона	1	Мар.
Чет.	18	Лва Папе Римскогъ	2	
Пет.	19	Архїппа апостола	3	
Суб.	20	Лва епїскопа Катан.	4	

У Нед. месопустну, Еванг. отъ Матѳ. зач. 106.

Нед.	21	Тїмоѳеа преподоб.	5	
Пон.	22	Обрѣтеніе мщ. Евг.	6	
Вто.	23	Полїкарпа еп. Смвр.	7	
Сред.	24	Обр. гл. Іоанна крес.	8	
Чет.	25	Тарасїа патр. Конс.	9	
Пет.	26	Порфїрїа епїс. Газ.	10	
Суб.	27	Прокопїа Декапол.	11	

У Нед. сыропустну Еванг. отъ Матѳ. зач. 17.

Нед.	28	Васїлїа Спостника	12	

МАРТЪ има 31 дань.

Пон.	1	Евдокіе преподобм.	13	Нов. Мартъ.
Вто.	2	Θеодота еп. Кіріи.	14	
Сред.	3	Евтропіа мученика	15	
Чет.	4	Герасіма преподоб.	16	
Пет.	5	Конона мученика	17	
Суб.	6	Свят. 42 мученикъ	18	

У Нед. 1. великога поста, Еванг. отъ Іоанна зач. 5.

Нед.	7	Священном. въ Хер.	19	
Пон.	8	Θеофілакта еп. Нік.	20	
Вто.	9	40. Мучениковъ	21	
Сред.	10	Кодрата и дру. его.	22	
Чет.	11	Софронія Патріарх.	23	
Пет.	12	Преподоб. Θеофана	24	
Суб.	13	Преп. мч. Нікифора	25	☉ Благовѣщ.

УНед. 2. тогоже, Еванг. отъ Мар. зач. 7. и Іоан. зач. 36.

Нед.	14	Венедіікта преподоб.	26	Роспр. Хр.
Пон.	15	Агапіа мученика	27	Вос. пок.
Вто.	16	Савіна и Папе	28	
Сред.	17	Алексіа чел. Божія	29	
Чет.	18	Кіріілла Архіеп. Іерл.	30	
Пет.	19	Хріісанѳа, и Даріи	31	
Суб.	20	У обители с. Саввы	1	☾ Апр.

У Нед. 3. тогоже, Евангеліе отъ Марка зач. 37.

Нед.	21	Іакова епіскопа	2	
Пон.	22	Васіліа пресвітера	3	
Вто.	23	Нікона преподобна	4	
Сред.	24	Артемія еп. Θесс.	5	
Чет.	25	Благовѣщеніе В.	6	
Пет.	26	Собор. Арх. Гаврііла	7	
Суб.	27	Матроне матере	8	

У Нед. 4. тогоже, Еванг. отъ Мар. зач. 40. и Матѳ. 10.

Нед.	28	Іларіона и Стеф. чуд.	9	●
Пон.	29	Марка Еп. и Кіріілла	10	
Вто.	30	Іоанна лѣствичника	11	
Сред.	31	Іпатіа епіс. Гаггр.	12	

АПРІЛЪ има 30 дана.

Чет.	1	Прен. Маріе Егіпт.	13	Нов. АпрїлЬ.
Пет.	2	Преп. Тїта чудотв:	14	
Суб.	3	Преп. Нїкиты исп.	15	

У Нед. 5. тогожде, Еванг. отЬ Мар. зач. 47. и Луке 33.

Нед.	4	Іосифа, и Георг. М.	16	
Пон.	5	Ѳеодула и Агахоп.	17	
Вто.	6	Евтїхїа Архїеп. Кп.	18	
Сред.	7	Георгїа еп. Мелїт.	19	
Чет.	8	Апостол. Продїона	20	
Пет.	9	Мученика Евпсїхїа	21	
Суб.	10	Муч. Терен. и друж.	22	

У Нед. 6. цвѢтоносну, Еванг. отЬ Іоанна зач. 41.

Нед.	11	Антїпе Е. Перг. Ас.	23	
Пон.	12	Васїлїа Епїс. Парїйс.	24	
Вто.	13	Артемона Священм.	25	
Сред.	14	Мартїна папе Рим.	26	
Чет.	15	Арїст. Пуда и Троф.	27	
Пет.	16	Агапїи, Ірины и Хїо.	28	
Суб.	17	Сїмеона Персїдска	29	

У святу велику Нед. Пасхе, Еванг. опїЬ Іоан. зач. 1.

Нед.	18	Роскресенїе Хрїс.	30	
Пон.	19	Воскресн. Понед.	1	☾ Маїй
Вто.	20	Преп. отца Ѳеодора	2	
Сред.	21	Януара и Александ.	3	
Чет.	22	Ѳеодора Сїкеота пр.	4	Вознес.
Пет.	23	Георгїа великом.	5	
Суб.	24	Муч. Савы Страт.	6	

У Нед. 2. о Ѳоми, Евангелїе отЬ Іоанна зачало 65.

Нед.	25	Евангелїста Марка	7	
Пон.	26	Сїящм. Васїлїа Е. А.	8	
Вто.	27	Свмеона сред. Госп.	9	
Сред.	28	Іасона и Сосїпатра	10	
Чет.	29	СвятыхЬ 9. мучен.	11	
Пет.	30	Іакова брата Іоанна	12	

ЮЛІЙ има 31 данъ.

Чет.	1	Космє, и Дамїана	13	Нов. Юліи.
Пет.	2	Положенїе ризы Бц.	14	
Суб.	3	Вакїноа мученика	15	

У НедѢлю 4. Евангеліе отъ Матѳеа зачало 25.

Нед.	4	Андреа Крит. Архїп.	16	
Пон.	5	Аѳанасїа Аѳонска.	17	
Вто.	6	Сїсоа великаго	18	
Сред.	7	Ооме у Мал.	19	
Чет.	8	Прокопїя великомуч.	20	
Пет.	9	Панкратїа Еп. Тавр.	21	
Суб.	10	45 муч. у Нїкоп. Ар.	22	

У НедѢлю 5. Евангеліе отъ Матѳеа зачало 28.

Нед.	11	Евфимїе мученице	23	
Пон.	12	Прокла, и Іларїа	24	
Вто.	13	Собор. арх. Гавріила	25	
Сред.	14	Акїле апостола	26	
Чет.	15	Кирїка, и Юліитте	27	
Пет.	16	Аѳиногена свящ. муч.	28	
Суб.	17	Маріне вел. мучце.	29	

У Нед. 6. Еванг. отъ Матѳ. зач. 29. и Іоанна зач. 56.

Нед.	18	Вакїноа и Емїліана	30	
Пон.	19	Макріне сеспир. в. В.	31	
Вто.	20	Пророка Иліе	1	Августъ.
Сред.	21	Сїмеона и Іоанна	2	
Чет.	22	Маріе Магдалине.	3	
Пет.	23	Трофїма и Ѳеофїла	4	
Суб.	24	Хрїстїне мученице	5	

У НедѢлю 7. Евангеліе отъ Матѳеа зачало 33.

Нед.	25	Успенїе свят. Анне	6	
Пон.	26	Ермолаа священнм.	7	
Вто.	27	Пантелеимон. велик.	8	
Сред.	28	Прохора и Нїканора	9	
Чет.	29	Каллїнїка мученика	10	
Пет.	30	Сїлѣ, и Аггел. Десп.	11	
Суб.	31	Евдокїма праведна	12	

АВГУСТЪ има 31 дань.

У Нед. 8, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 58.

Нед.	1	Происхож. чєстн. †	13	Нов. Августъ.
Пон.	2	Мощи с. Стефана	14	
Вто.	3	Ісаакія и Фавста	15	Успен. Б.
Сред.	4	7 Отроковъ у Ефес.	16	
Чет.	5	Евсігнія мученика	17	
Пет.	6	Преображ. Хрїс.	18	
Суб.	7	Домет. Пулхерїе ц.	19	

У Недѣлю 9, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 59.

Нед.	8	Емїліана Епїс. Кїзїч.	20	☺ Стеф. Кр.
Пон.	9	Матѳїа апостола	21	
Вто.	10	Лаврентїа архїдїак.	22	
Сред.	11	Евпла муч. и дїак.	23	
Чет.	12	Фотїа, и Анїките	24	
Пет.	13	Максїма исповѣдн.	25	
Суб.	14	Мїхеа пророка	26	

У Недѣлю 10, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 72.

Нед.	15	Успеніе Богород.	27	☾
Пон.	16	Святаго Убруса	28	
Вто.	17	Мїрона мученика	29	
Сред.	18	Флора и Лавра м.	30	
Чет.	19	Андреа Стратилат.	31	
Пет.	20	Самуила пророка	1	Септемвр.
Суб.	21	Ѳаддеа апостола	2	

У Нед. 11, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 77.

Нед.	22	Агаѳоника мученик.	3	●
Пон.	23	Луппа мученика	4	
Вто.	24	Евтїха священном.	5	
Сред.	25	Варѳол. апос. и Тїта	6	
Чет.	26	Адрїана, и Наталїе	7	
Пет.	27	Преподобн. Пїмена	8	Рожд. Бог.
Суб.	28	Пр. Мойсеа Муріна	9	

У Нед. 12, Евангеліе отъ Матѳеа зачало 79.

Нед.	29	Усѣк. Іоанна кре.	10	☽
Пон.	30	Алексан. и Іоан. Пат.	11	
Вто.	31	Честног. пояса Богр.	12	

МАІЙ има 31 день.

Суб.	1	Пророка Іереміе	13	Новый Маій.

У Нед. 3 о Мїроносицахъ, Еванг. отъ Мар. зач. 69.

Нед.	2	Аѳанасїа патр. Але.	14	Духовы.
Пон.	3	Тїмоѳеа, и Мавре	15	Духов. пон.
Вто.	4	Пред. мучц. Пелагїе	16	
Сред.	5	Ірине мученице	17	
Чет.	6	Іова многострадал.	18	
Пет.	7	Акакїа Мученика	19	
Суб.	8	Іоанна Еванг. и Арсен.	20	

УНед. 4. о Разслабленномъ, Еванг. отъ Іоан. зач. 14.

Нед.	9	Исаїи и мщ. с. Нїкол.	21	Пресв. Тр.
Пон.	10	Ап. Сїмона Зилота	22	
Вто.	11	Мокїа, и Меѳод. Еп.	23	
Сред.	12	Епїфанїа и Германа	24	
Чет.	13	Мученице Глїкерїе	25	Брашанчево.
Пет.	14	Мученика Ісїдора	26	
Суб.	15	Преподоб. Пахомїа	27	

У Нед. 5 о Самарянынки, Еванг. отъ Іонна зач. 12.

Нед.	16	Ѳеодора освященна	28	
Пон.	17	Андронїка Апостола	29	
Вто.	18	Ѳеодота Мученика	30	
Сред.	19	Патрїкїа Епїс. Прус.	31	
Чет.	20	Мученика Ѳалалеа	1	Іонїй.
Пет.	21	Конст. и Елене	2	
Суб.	22	Васїлїска мученика	3	

У Нед. 6. о Слѣпомъ, Еванг. отъ Іоанна зачало 34.

Нед.	23	Мїхаила Еп. Слнад.	4	
Пон.	24	Сїмеона на дивн.	5	
Вто.	25	Ш. обрѣт. главе Пр.	6	
Сред.	26	Апостола Карпа.	7	
Чет.	27	Вознесенїе Хрїстн.	8	
Пет.	28	Нїкиты Еп. Халкид.	9	
Суб.	29	Мучц Ѳеодосїе дѣве	10	

У Нед. 7 святыхъ отпца, Еванг. отъ Іоанна зач. 56.

Нед.	30	Ісаакїа преподобна.	11	
Пон.	31	Ермїа, и Ермеа	12	

ЮНІЙ имa 30 дана.

Вто.	1	Юстїна Мч. Фїлос.	13	Нов. Юнїй.
Сред.	2	Нїкифора П. Конст.	14	
Чет.	3	Лукїллїана мучен.	15	
Пет.	4	Мїнрофана Патр.	16	
Суб.	5	Дорооеа Еп. Тїтска	17	

У Нед. 8 Пятдесятнице, Еванг. отъ Іоанна зач. 27.

Нед.	6	Сошест. ст. Духа	18	
Пон.	7	Духов. Понедѣл.	19	
Вто.	8	Оеодора Стратил.	20	
Сред.	9	Кїрїлла Архїеп. Алек.	21	
Чет.	10	Тїмооеа Еп. Прусска.	22	
Пет.	11	Варооломм. и Варнав.	23	
Суб.	12	Онуфрїа великогъ	24	

У Нед. 1 сви святыхъ, Еванг. отъ Матѳ. зач. 38.

Нед.	13	Мученице Акїлїне	25	
Пон.	14	Елїсеа прор. и Меѳ.	26	
Вто.	15	Амоса пр. и К. Лазар.	27	
Сред.	16	Святаго Тїхона	28	
Чет.	17	Мануила и Савела	29	☾ Петра и П.
Пет.	18	Леонтїа мученика	30	
Суб.	19	Юде брата Господ.	1	Юлїй

У Недѣлю 2 Евангелїе отъ Матѳеа зачало 9.

Нед.	20	Меѳодїа Епїс. Пат.	2	
Пон.	21	Юлїана муч. Тарсїй.	3	
Вто.	22	Евсевїа Еп. Самосад.	4	
Сред.	23	Агрїппїне мученце	5	
Чет.	24	Рождес. Іоан. кр.	6	
Пет.	25	Февронїе мученице	7	●
Суб.	26	Преподобн. Давїда	8	

У Недѣлю 3 Евангелїе отъ Матѳеа зачало 18.

Нед.	27	Сампсона страни.	9	
Пон.	28	Кїра, и Іоанна безср.	10	
Вто	29	Ап. Петра и Пав.	11	
Сред.	30	Соборъ 12 апостол.	12	

СЕПТЕМВРІЙ има 30 дни.

Сред.	1	Сїмеона и Марое	13	Нов. Септ.
Чет.	2	Маманта мученика	14	
Пет.	3	Аноїма и Θеоктїст.	15	
Суб.	4	Вавїлы Епїс. и Мовс.	16	

У Недѣлю 13, Евангелїе отъ Матѳеа зачало 87.

Нед.	5	Захарїа пр. и Єлїсав.	17	
Пон.	6	Евдоксїа мученика	18	
Вто.	7	Созонта мученика	19	
Сред.	8	Рожд. Богородиц	20	
Чет.	9	Іоакїма и Анне	21	
Пет.	10	Минодоре, и Митр.	22	
Суб.	11	Преподоб. Θеодоре	23	

У Нед. предъ воздвиженїемъ, Еванг. отъ Іоан. зач. 9.

Нед.	12	Автонома священм.	24	
Пон.	13	Корнилїа сотника	25	
Вто.	14	Воздвиж. честн. †	26	†
Сред.	15	Нїките великомуч.	27	
Чет.	16	Евфимїе великомчц.	28	
Пет.	17	Софїе и чадъ нѣи.	29	
Суб.	18	Евменїа Еп. Горгїи.	30	

У Нед. по воздвиженїю, Еванг. отъ Марка зач. 37.

Нед.	19	Трофїма и Савват.	1	Октоврїй.
Пон.	20	Евстаѳїа великом.	2	
Вто.	21	Кодрата апостола	3	
Сред.	22	Фоке и прор. Іоне	4	
Чет.	23	Зачатїе Іоанна крес.	5	
Пет.	24	Θекл. и Сїм. К. Серб.	6	
Суб.	25	Препод. Евфросїнїе	7	

У Нед. 16, Евангелїе отъ Луке зачало 17.

Нед.	26	Престав. Еванг. Іоан.	8	
Пон.	27	Каллїстрата муч.	9	
Вто.	28	Препод. Харїтона	10	
Сред.	29	Преподобн. Кїрїака	11	
Чет.	30	Григорїа в. Арменїи	12	

ОКТОВРІЙ има 31 дань.

Пет.	1	Покровъ Богородиц.	13	Нов. Окт.
Суб.	2	Кіпріана и Юстіне	14	

У Нед. 17, Евангеліе отъ Луке зачало 26.

Нед.	3	Діонісіа Ареопагіт.	15	
Пон.	4	Ієроѳ. и Стеф. Щил.	16	
Вто.	5	Харіттіне мученице	17	
Сред.	6	Ооме апостола	18	
Чет.	7	Сергіа, и Вакха	19	
Пет.	8	Преподобн. Пелагіе	20	
Суб.	9	Іакова ап. и Стеф. Д.	21	

У Нед. 18, Еванг. отъ Іоанна зач. 56, и Луке зач. 30.

Нед.	10	Евлампіа мученика	22	
Пон.	11	Філіппа апостола	23	
Вто.	12	Прова, Тараха муч.	24	
Сред.	13	Карпа и Папіле	25	
Чет.	14	Прен. Параскеве	26	
Пет.	15	Евоїмїа и Лукіана	27	
Суб.	16	Логгіна мученика	28	

У Нед. 19, Евангеліе отъ Луке зачало 35.

Нед.	17	Осіи пророка	29	
Пон.	18	Евангелїста Луке.	30	
Вто.	19	Іоиля пророка.	31	
Сред.	20	Артемїа великомуч.	1	● Ноемвра.
Чет.	21	Іларіона преподобн.	2	
Пет.	22	Аверкіа Епіс. Ієрап.	3	
Суб.	23	Іакова брата Господ.	4	

У Недѣлю 20, Евангеліе отъ Луке зачало 83.

Нед.	24	Ареѳе мученика	5	
Пон.	25	Маркіана и Мартір.	6	
Вто.	26	Димитріа велик.	7	
Сред.	27	Нестора мученика	8	
Чет.	28	Терентіа, Арсенїа А.	9	
Пет.	29	Анастасіе мученицъ.	10	
Суб.	30	Зинов. и Милут. К.	11	

У Нед. 21, Евангеліе отъ Луке зачало 38.

Нед.	31	Стахіа, и Амплїа	12	

НОЕМВРІЙ има 30 дана.

Пон.	1	Косме и Дамїана	13	Нов. Ноемвр.
Вто.	2	Акїндїна, и Пигасїа	14	
Сред.	3	Акепсїме, и Іосифа	15	
Чет.	4	Прп. Іоаннїкїа Вел.	16	
Пет.	5	Галактїона, и Епїс.	17	
Суб.	6	Павла Архїеп. Кпол.	18	

У НедѢлю 22, Евангелїе отъ Луке зачало 39.

Нед.	7	33 Мучен. у Мелїт.	19	
Пом.	8	Міхаила Архїст.	20	
Вто.	9	Онисифора, и Порф.	21	
Сред.	10	Еразма, и Олїмпа	22	
Чет.	11	Мине, и Стеф. Деч.	23	
Пет.	12	Іоанна милостивогъ	24	
Суб.	13	Іоанна Златоуста	25	

У НедѢлю 23, Евангелїе отъ Луке зачало 53.

Нед.	14	Фїлїппа апос. и Пок.	26	
Пон.	15	Гурїа, постъ Р. Х.	27	
Вто.	16	Матѳеа Евангелїст.	28	
Сред.	17	Григорїа Епїскопа	29	
Чет.	18	Платона и Романа	30	
Пет.	19	Авдїа пророка	1	● Декемвр.
Суб.	20	Григорїа Декапол.	2	

У НедѢлю 24, Евангелїе отъ Луке зачало 66.

Нед.	21	Входъ Богород.	3	
Пон.	22	Фїлимона апостола	4	
Вто.	23	Амфїлох. Еп. Іконїйс.	5	
Сред.	24	Екатерїне великом.	6	
Чет.	25	Клименма Папе Р.	7	
Пет.	26	Преподобн. Аліпїа	8	☽ Зачат. Вог.
Суб.	27	Іакова Персянина	9	

У НедѢлю 25, Евангелїе отъ Луке зачало 71.

Нед.	28	Стефана Новогъ	10	
Пон.	29	Парамона мученика	11	
Вто.	30	Андреа первозванна	12	

ДЕКЕМВРІЙ има 31 день.

Сред.	1	Наума пророка	13	Нов. Декемв.
Чет.	2	Аввакума и Уроша	14	
Пет.	3	Софонїа пророка	15	
Суб.	4	Варваре великомуч.	16	

У Недѣлю 26, Евангеліе отъ Луке, зачало 25.

Нед.	5	Саввe освященногъ	17	
Пон.	6	Свят. Николая	18	
Вто.	7	Амвросїа Епїс. Мед.	19	
Сред.	8	Преподоб. Патапїа	20	
Чет.	9	Зачатїе Богородице	21	
Пет.	10	Ермогена и Іоан. Д.	22	
Суб.	11	Данїила Столпника	23	

У Недѣлю 27, Евангеліе отъ Луке зачало 76.

Нед.	12	Спїрїдона Еп. Трїм.	24	Рожд. Христ.
Пон.	13	Евстратїа и Авксен.	25	Стефана.
Вто.	14	Оїрса, Левкїа и Фїл.	26	
Сред.	15	Елевѳерїа священм.	27	
Чет.	16	Аггеа Пророка	28	
Пет.	17	Данїила пророка	29	
Суб.	18	Севастїана мученик.	30	

УНед. предъ Рожд. Христов., Еванг. отъ Матѳ. зач. 1.

Нед.	19	Вонїфатїа мученика	31	Ново лѣто.
Пон.	20	Ігнатїа богоносца	1	
Вто.	21	Юлїанїе мученице	2	
Сред.	22	Анастасїе великом.	3	
Чет.	23	10 Муч. у Критѣ.	4	
Пет.	24	Евгенїе мученице	5	
Суб.	25	Рождество Хр.	6	Ш. Крала.

УНед. по Рожд. Христову, Еванг. отъ Матѳ. зач. 4.

Нед.	26	Соборъ Богород.	7	
Пон.	27	Стефана Арх.	8	
Вто.	28	Дву тму мучениковъ	9	
Сред.	29	14 тысящъ младенц.	10	
Чет.	30	Анїсїе мученице	11	
Пет.	31	Преподоб. Меланїи	12	

РОДОСЛОВІЕ.

Садашньихъ Владѣтеля у Европи.

Царства.

АУСТРІА.

Францъ I. Наслѣдственный Императоръ Аустрїйскїй, Краль Мачжарскїй и Бемскїй. Рожденъ 31га Януара год. 1768. ступїо на престолъ свїю наслѣдственныхъ Аустрїйскихъ Держава 18га Февр. 1792.

Марїа Лудовика, Императрица и Кральица, рождена 2га Декемвра 1787; Сестра отъ Тетке Є. В. Императора; ступила у бракъ съ Є. В. Императоромъ 25га Декемвра 1808: трећа Супруга Императорова.

Чада Є. В. Императора и Краля.

Сва отъ втората брака съ Марїомъ Терезїомъ, блаженопочившомъ. И убо:

Марїа Луиза, Императрица Французска, Супруга Императора Наполеона, садашня Херцогиня Пармїйска и Пяченцска: рожд. 30 Ноем. 1791.

Фердинандъ Каролъ Леополдъ Іосифъ, Наслѣдникъ Царства, рожд. 7/19га Апрїла 1793.

Леополдина Каролина, рожд. 9/22га Января 1797.

Марїа Клементїна, рожд. 18га Февруара 1798.

Каролина Фердинанда, рожд. 15/27га Марта 1801.

Францъ Каролъ Іосифъ, рожд. 13/25га Ноемвра 1802.

Марїа Анна Францїска Терезїа, рожд. 15/27га Маїа 1804.

Браћа Є. В. Императора.

Фердинандъ Іосифъ, бывшїй Князь великїй Вырцбургскїй, сада Тосканскїй, рожд. 1/24га Апрїла 1796.

Каролъ Лудовикъ, рожд. 10/24га Авг. 1771.

Іосифъ Антонїй, Палатинъ Мачжарскїй, рожд. 14/27га Апрїла 1776.

Антонїй Викторъ, рожденъ 18/31га Юлїа 1779.

Іоаннъ Баптїстъ, рожд. 20га Января 1782.

Райнерѣ Іосифѣ, рожд. 17/30га Септемвра 1783.

Лудовикѣ Іосифѣ, рожд. 14га Декемвра 1784.

Рудолфѣ Іоаннѣ Іосифѣ, рожд. 12га Јануара 1788.

Сестра Є. Величества.

Марїа Терезїа, за Кралѣмѣ Саксонскимѣ, рожд. 18га Октовра 1746.

Маши Єя В. Императрице.

МарїаБеатрикѕѣ, Княгиня Моденска, рожд. 1780.

Браћа Єя В. Императрице.

Францѣ Іосифѣ Каролѣ, рожд. 24га Септемвра 1779.

Фердинандѣ Каролѣ Іосифѣ, рожд. 24га Апрїла 1781.

Максїмїлїанѣ Іосифѣ, рожд. 14га Јулїа 1781.

Сестре Єя В. Императрице.

Марїа Терезїа, рожд. 20га Окт. 1773. за Кралѣмѣ Сардинскимѣ Викторомѣ.

Марїа Леополдина Анна, рожд. 28га Ноем. 1776 удова Княгиня Пфалцска.

РОССІА.

Александеръ Павловичь I. Императоръ Всея Россіи, рожд. 23га Декем. 1777. на престолъ ступіо 24га Марта 1801.

Єлисавета Алексіевна, Императрица Всея Россіи, рождена кѣи Наслѣднога Княза Баденскогъ: вѣнчаласе съ Императоромъ Александромъ 9га Окш. 1793.

Мати Є. В. Императора.

Маріа Феодоровна, Госпожа Мати и Императрица.

Браћа Є. В. Императора.

Константіинъ Цесаревичь, великій Князь, рожд. 28га Маіа 1779.

Ніколай Павловичь, рожд. 2га Юліа 1796.

Міхаилъ Павловичь, рожд. 8га Февруара 1799.

Сестре Є. В. Императора.

Маріа Павловна, рожд. 1786 год. Херцогиня Ваймарска.

Катарина Павловна, рожд. 1788 год. Херцогиня удова Олденбургска.

Анна Павловна, рожд. 1795 год. неудата.

ТУРСКА.

Махмудъ, рожд. 1785. ступїо на престолъ год. 1810.

Кралѣвства.

ЕНГЛЕЗСКА.

Георгїй III. Краль Енглезскїй, рожд. 4га Юнїа 1738; ступїо на престолъ 25га Окт. 1760.

Софїа Каролина, Кральица, рожд. 19га Маїа 1744.

Откако є Краль болестанъ, управля дѣлы державны Прїнцъ Регентъ Георгїй Фридрихъ Августъ, аки Наслѣдныїй Князь Енглезскїй, рожд. 12га Авг. 1762.

ПРАЙЗСКА.

Фридрихъ Вилхелмъ III. Краль Прайзскїй, рожд. 3га Авг. 1770, ступїо на престолъ 16га Ноемвра 1797.

Удовъ.

Наслѣдныїй Князь Фридрихъ Вилхелмъ, рожд. 15га Октовра 1795.

ФРАНЦУЗСКА.

Лудовикъ XVIII. Краль Французскїй и Наваррскїй, рожд. 1755 год. ступїо на пре-

столъ год. 1814 у мѣсецу Юлїю, после двадесетогодишнѣга своегъ отсутствїя.

Удовъ, и безъ дѣце.

СПАНІА.

Фердинандъ VII. Краль Спанскїй, рожд. 14га Окт. 1784. ступїо на престолъ год. 1814 у мѣсецу Юлїю, шесть година у Француской съ Отцемъ своимъ Кароломъ IV. у робству пробавившїй. Пре нѣга быо є Кралѣмъ Іосифъ Бонапарте.

Марїа Антоніїйна Терезїа, Кральица, кѣи Фердинанда IV. Краля обе Сїцїлїе.

Безчадныи.

ДАНСКА.

Фридрихъ VI. рожд. 28га Януара 1768; ступїо на престолъ їошть год. 1784. кадъ є заєдно съ покойнымъ своимъ Отцемъ Христїаномъ VII. владати почео.

Марїа Софїа, Кральица, рожд. Княгиня Хессен-Касселска.

Фридрихъ Хрїстїанъ, Сыновацъ и Наслѣдникъ, рожд. 1753 год.

ШВЕДСКА и НОРВЕГСКА.

Каролъ XIII. Краль Шведскїй и Норвегскїй, рожд. 1748 год. ступїо на престолъ 1809 год. после сбаченогъ Густава IV.

Хедвига Єлисавета, Кральица, рождена кѣи Херцога Холштайнско-Олденбургскогѣ и Епїскопа Любечскогѣ.

Карольѣ Іоаннѣ, Наслѣдникѣ, рожд. 1774 год. посынѣнѣ.

БАВАРСКА.

Максѣ Іосифѣ, Краль Баварскїй, рожд. 1756. ступїо на престолѣ Кралѣвскїй 1807, дотле Курфырстѣ само бывшый.

Фридерика Вилхелмїйна Каролина, Кральица, рожд. Княгиня Баденска.

Карольѣ Лудовикѣ, Наслѣдникѣ, рожд. 25га Августа 1786.

ВЫРТЕМБЕРГСКА.

Фридрихѣ II. рожд. 1754 год., ступїо на престолѣ Кралѣвскїй 1807, дотле чрезь 4 године Курфырстѣ бывшый.

Каролина Августа Матилда, рожд. Княгиня Енглезска.

Фридрихѣ Вилхелмѣ Карольѣ, рожд. 1781. Наслѣдникѣ.

СІЦІЛІА.

Фердинандѣ IV. Краль Сїцїлїйскїй, рожд. 12га Януара 1751. ступїо на престолѣ 6га Октовра 1795.

Удовъ отъ год 1814.
Францъ, Наслѣдникъ, рожд. 7га Авг. 1777.

САРДІНІА.

Викторъ Емманулъ, Краль Сардїнїйскїй, рожд. 11/24га Юлїа 1759; ступїо на престолъ год. 1759. кадъ се Братъ Каролъ Емануилъ престола 1802 год. отрекао.

Терезїа, Кральица, кћи Ерцхерцога Фердинанда.

НЕАПОЛИТАНСКА.

Іоакїмъ Наполеонъ, Краль Неаполитанскїй, рожд. 1771; ступїо на престолъ 1807.

ПОРТУГАЛЛІА.

Маріа Францїска, Кральица Португалска, рожд. 17га Декем. 1734, ступила на престолъ год. 1777.

Іоаннъ Максїмїлїанъ Лудовикъ Іосифъ, Наслѣдникъ и Регентъ, рожд. 13га Маїа 1767.

ДЕРЖАВА РИМСКА.

Пїюсъ VII. Папа Римскїй, пре тога Григорїй Варнава Карамонтїй званъ, рожд. 14га Авг. 1742. изабранъ у Млетцкамъ (Венецїи) 14га Марта 1800.

ВЫШША ДУХОВНА ДОСТОИНСТВА ВОСТОЧНЕ ЦЕРКВЕ.

Архїепїскопъ и Митрополїтъ.

Є. Превосходителство, Высокопреосвященнѣйшій и Высокодостойнѣйшій Г. Стефанъ Стратимировичъ Кулпинскій, православный Архїепїскопъ Карловачкій, и цѣлогъ у Державамъ К. К. находящегсе народа Сербскогъ и Валахійскогъ Митрополитъ, Ордена Импер. Австрїйскогъ Леополдовогъ великога Креста Кавалѣръ, и дѣйствителный тайный Совѣтникъ Є. К. К. и А. Величества.

ГГ. Епїскопи.

Г. Павелъ Аввакумовичъ, Епїскопъ Арадскїй.

Г. Данїилъ Влаховичъ, Епїскопъ Буковинскїй.

Г. Дїонїсїй Поповичь, Епїскопъ Будимскїй.

Є. Превосход. Г. Стефанъ Аввакумовичь, Епїскопъ Темишварскїй, и Є. К. К. В. дѣйствит. Тайный Совѣтникъ.

Є. Превосход. Г. Петръ Іоанновичь Видакъ, Епїскопъ Вершачкїй, и Є. К. К. В. дѣйствит. тайный Совѣтникъ.

Г. Гедеонъ Петровичь, Епїскогъ Бачкїй.

Г. Іосифъ Путникъ, Епїскопъ Пакрачкїй и Вараждинскїй.

Є. Превосх. Г. Мойсей Мїоковичь, Епїскопъ Карлштадтскїй, К. К. Тайный Совѣтникъ.

Г. Васїлїй Мога, Епїскогъ Ердельскїй.

ГГ. Архїмандрїти.

Г. Ісаїй Георгїевичь Балашескулъ, Архїмандрїтъ Монастыра Драгомирне, у Буковини.

Г. Павелъ Кенгелацъ, Архїмандр. Св. Георгїа у Темишварской Епархїи, Присѣдатель Консїсторїума Епархїалногъ.

Г. Прокопїй Боличь, Архїмандр. Мон. Раковца у Епархїи Архїепїскопской, Консїсторїума исте Епархїе, и Вармедьа Темишварске, Крашовске и Сремске Присѣдатель.

Г. Сїнесїй Радивоевичь, Архїмандрїтъ

Мон. Месића у Епархїи Вершачкой, Малогъ Креста Ордена Леополдова Кавалѣръ, и Консїсторїума, и Вармедье Темишварске Присѣдатель.

Г. Павелъ Хажићь, Архїмандр. Мон. Гергетега у Епархїи Архїепїскопской, Консїсторїума и Вармедье Сремске Присѣдатель.

Г. Лукїанъ Мушицкїй, Архїмандр. Мон. Шишатовца у Архїепїскопской Епархїи, Консїсторїалный Присѣдатель.

Г. Августїнъ Петровичь, Архїмандр. Мон. Бездина у Епархїи Темишварской, и Консїсторїума Епархїалногъ Присѣдатель.

Г. Димитрїй Крестичь, Архїмандрїтъ Мон. Крушедола у Епархїи Архїепїскопской: и Консїсторїе Присѣдатель.

Г. Мойсей Мануйловичь Архїм. Мон. Ходоша у Епархїи Арадской Конс. Присѣд.

Архїмандрїство Монастыра Опова, Грабовца, Ковиля и Ораовице їошть удово стои.

Назначеніе торговъ илити вашара.

У АУСТРІИ.

У Вїенни, 1 Понедѣльника по Юбилати
2 дана после сви светыхъ } по 30 дана
О Маргарети, 14 дана

У Градцу у первой половини поста } 3 седмице.
О Егїди.

У Линцу 1 Понедѣльникъ по воскресенїю рим: и
16 Августа. Свакїй по 3 седмице.

У БЕМСКОЙ.

У Прагу у среди поста великогъ, и
О свет. Вѣнцеславу. Свакїй по 3 седмице.

У МОРАВСКОЙ.

У Брынину (Брню) 1 Понедѣлникъ по пепелявой
среди.
У Понедѣлникъ по брашанчеву.
3га Септемвра.
У Понедѣлникъ после зачатїя Хрїстова, Свакїй по 3 седмице.

У ШЛЕЗІИ.

У Тропави 1га Февр. трае 14 дана.
1га Маїа — 8 —
1га Авг. — 14 —
1га Ноем. — 18 —
Свагда єданъ дань пре марвенный торгъ.

У МАЧЖАРСКОЙ.

У Араду, 1 Марта, 29 Януара, 1 Августа, и 4 Ноемвра.

У Баи Бачке Вармедье, на 1 данъ напредъ марвеный вашаръ быва, 22 Юліа, 21 Септемвра и 6 Декемвра.

* У Броду 10 Януара, 14 Апрїлїа, 10 Юліа, и 8 Октовра.

У Будиму, 1 Марта, 27 Юніа, 14 Септемвра, и 30 Ноемвра.

У Ваџу, 25 Февруара, на єданъ дань предъ цвѣти, 2 Юліа, 16 Октовра, на недѣлю дана предъ рождествомъ Хрїстовымъ.

* У Вершцу, у Недѣлю цвѣтну восточне цркве, и 28 Октовра.

У Весприму, 6 Януара, 12 Марта, 10 Августа, и 6 Декемвра.

* У Винковцы, 22 Януара, и 22 Юліа.

* У Вуковару, 1 Маїа.

* * *

У Гачу, 25 Јануара, на великїй Понедѣлникѣ, 15 Юлїа, 1 Септемвра, 25 Ноемвра, и 13 Декемвра.

У Градишки Новой, о Рождеству пресвите Богородице по нашему Календару, и 15 Октовра.

* У Градишки старой, 29 Септемвра.

У Гьармату, 2 Февруара, у 4 ту Недѣлю Четыредесятнице, 1 Маїа, 20 Августа, и 29 Септемвра.

У Гьуру, у 2-ру Недѣлю четыредесятницо, у Среду по Благовѣщенїю, у Среду предъ Брашанчево, 22 Юлїа, 8 Септемвра, и 19 Ноемвра.

У Дебреџїну, на 3 Краля, 24 Апрїлїа, 15 Августа, и 9 Октовра.

У Егри Хевешке Вармедье, 10 Јануара, 12 Маїа, 29 Јунїа, 7 Юлїа, и 29 Септемвра.

У Еперѣшу, 27 Јануара, у Недѣлю пресвяте Троице, 10 Августа, и 30 Ноемвра.

* У Земуну, 24 Февруара.

* У Іригу, прежде на 1 день марвеный вашарь, 3 Февруара, 24 Апрїлїа, 8 Септемвра, и 25 Ноемвра.

* У Іллоку, 13 Јунїа, 2 Авг., и 23 Октов.

У Каньижи, 1 Маїа и 19 Септемвра.

У Кежмарку, у 1-ву Недѣлю четыредесятнице, у 1-ву Недѣлю по недѣли пресвяте Троице, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 13 Декемвра.

У Кечкемету, 12 Марта, 10 Маїа, 10 Августа, 26 Септемвра, и 25 Ноемвра.

* У Кикинди, о Рождеству пресвяте Богородице по нашему Календару.

У Коморану, 1 Маїа, 29 Юніа, 4 Октовра, и 30 Ноемвра.

У Кракови, о Мїholю дну.

У Кремницу, 4 Маїа, и 2 Августа, и у четвертакЪ по Мїholю дну.

У Левчи у Цїпской, 1 Яиуара у 5-ту НедЋлю по Воскресенїю, 25 Юліа, и 16 Октовра.

* У Лугошу у Банашу Крашовске Вармедье, 10 Февруаріа, 10 Маїа, 2 Юліа, и 21 Октовра.

* У Митровицы, у НедЋлю цвЋтну по нашемЪ Календару, о Вознесенїю ГосподиЋмЪ такожде по нашемЪ; О Петрову дану восточне цркве, и 29 Септемвра.

У Мохачу, 25 Февруара, 17 Апрїлїа, 24 Юніа, 11 Ноемвра, и 21 Декемвра.

У Ораовицы у Банату, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 25 Ноемвра.

* У Осекю, 20 Яиуара, 24 Апрїлїа, и 30 Юлїа.

У Острогону, 12 Марта, 25 Маїа, 10 Августа, и 1 Ноемвра.

* У Панчеву, о Петрову дану восточне цркве, и о Рождеству пресвяте Богородице восточне цркве.

У Петроварадину, 25 Февр., и о Петрову дну.

У Печую, 2 Февруара, о Духови. 27 Августа, 25 Ноемвра, на 2 дана прежде марвеный вашарЪ.

У Пешти, 19 Марта, 8 Юніа, 29 Августа, и 15 Ноемвра.

У Пожеги, 17 Јануара; У НедЂлю цвЂтну. О Духови, 23 Јуніа, 10 Августа, и 15 Октоврa.

* У Раковцу, О Преображенїю восточне цркве, и 27 Септемвра.

У Рима Сомбату (Großsteffelsdorf) у ХонтЪ Вармедьи, 6 Јануара, 15 Маіа, 13 Јулїа, 29 Августа, и 21 Октоврa.

* У Руми, у НедЂлю цвЂтну восточне цркве. О Вознесенїю ГосподнемЪ, 29 Јуніа, и 29 Септемвра.

У Сегедину, 24 Апрїлїа, 31 Јулїа, 29 Септемвра, и 30 Ноемвра.

У СентЪ-Андреи близу Будима, 5 Маіа, 1 Августа, и 20 Октоврa, прежде на 1 день марвеный вашарЪ.

У Сенти, 17 Августа, и 19 Ноемвра.

У Сомбору, 25 Марта. О Вознесенїю ГосподнЂмЪ восточне цркве. О Успенїю БогородичномЪ восточне цркве, и 1 Ноемвра.

У СтолномЪ БЂограду, у 1-ву НедЂлю четыредесятнице, 24 Апрїлїа, 24 Јуніа, 24 Августа, и 26 Октоврa, свагда у ВторникЪ.

У Тапи Коморанске Вармедье, у 1 Недѣлю по Пасцы. У Недѣлю пресвяте Троице, 29 Августа, и 5 Ноемвра.

* У Темишвару, 19 Марта, 1 Іонїа, 29 Септемвра, и 17 Декемвра.

У Токаю, 25 Марта, 24 Іонїа, 26 Іолїа, 21 Септемвра, 26 Октовра, и 21 Декемвра.

У Турскомъ Бечею, у Недѣлю цвѣтну, 7 Августа, и 3 Октовра.

У Трнави, 22 Јануара, у 1-ву Недѣлю четыредесятнице, 24 Апрїлїа, 15 Іонїа, 25 Іолїа, у Недѣлю по Рождеству Богородичномъ, 28 Октовра, и 6 Декемвра.

У Фїуми, 15 Іонїа.

* У Франьови у Банату о пророку Іеремїи восточне церкве.

У Фупоку Бачке Вармедье, 5 Апрїлїа, о Благовѣщенїю восточне церкве, 26 Маїа, о Духовы восточне церкве, и Митрову дну восточне церкве, на 1 дань прежде марвеный вашаръ быва.

* У Чакови у Банату, 30 Марта, о Мїхолю дну восточне церкве, и 11 Ноемвра.

У Шїклошу, у Недѣлю пресвяте Троице, и 30 Ноемвра.

У Шопроню, у вторникъ 1-ве Седмице четыредесятнице, 1 Маїа, 13 Іолїа, 6 Августа, и 19 Ноемвра.

СПИСАКЪ.

Поглавитыхъ купеческихъ или прговачкихъ градова:

Амстердамъ и Антверпенъ (у Холландской).
Аугсбургъ (у Швабской).
Берлїнъ (у Прайзской).
Ботценъ (у Тиролской).
Брауншвайгъ (у Нѣмецкой).
Бременъ (у Нѣмецкой).
Вратиславъ — Бреслау — (у Шлезской).
Вїенна (у Аустрїи).
Гдаискъ — Данцїгъ — (у Прайзской).
Генуа (у Италїи).
Копенхагенъ (у Данской).
Кралѣво — Кенигсбергъ — (у Прайзской).
Ливорно (у Италїи).
Липско — Лайпсикъ — (у Саксонской).
Лисавонъ (у Португаллской).
Лондонъ (у Енглезской).
Любека — Лыбекъ — (у Нѣмецкой).

Мадридъ (у Спенїи).
Магдебургъ (у Нѣмецкой).
Мемелъ (у Прайзской)
Милано — Маиландъ — (у Италїи).
Москва (у Россїи).
Неапель (у Неаполитанской).
Нырнбергъ (у Баварской).
Парижъ (у Французской).
Петербургъ (у Россїи).
Прагъ (у Бемской)
Ревалъ (у Россїи).
Рига (у Россїи).
Римъ (у Италїи).
Ростокъ (у Нѣмецкой).
Стралсундъ (у Померанїи Шведской).
Трїестъ (у Илліріи)
Штеттинъ (у Нѣмецкой).
Штокхолмъ (у Шведской).
Франкфутъ на Майни, а другїй на Одри (у Нѣмецкой).
Хамбургъ (у Нѣмецкой).

Г. Г. ПРЕНУМЕРАНТИ.

Є. Превосходителство Г. Стефанъ Стратимировичь Кулпинскїй, православный Архїепїскопъ Карловачкїй и Митрополитъ Сербскїй и Валахїйскїй, К. К. Тайный Совѣтникъ, и Велико-Кресташъ Ордена Леополдова. . . 50

Є. Превосход. Г. Мойсей Мїоковичъ, Епїскопъ Карлштадтскїй, и К. К. тайный Совѣтникъ. 20

Є. Преосвящ. Г. Гедеонъ Петровичь, Епїскопъ Н. Садскїй. 30

Ада.

Г. Максїмъ Райковичь, Нотаръ.

Арадъ.

Господа:

Преч. Мойсей Мануиловичь, Архїманд. Ходошскїй. Савва отъ Арсичь, Быргермайстеръ, и Супруга Евстахїа отъ Арсичь. Георгїй Янковичь, Іосифъ Орловичь, Георгїй Мїяновчь и Нїколай Поповичь — Сенатори. — Еммануилъ Пульо, Великїй Нотаръ. Георгїй Фруша, Касса-Перцепторъ. Димитрїй Андрашичь, Лїетнантъ. Георгїй И-

личь, Туторъ. Павелъ Марковичь, Мїхаилъ Іовица, Мїхаилъ Крестичь, Димитрїй Груичь, Георгїй Крестичь, Косма Дьукичь, Еммануилъ Хажичь, Савва Мїхаиловичь, Петръ Стояновичь, Георгїй Брашованъ, Георгїй Петровичь, Димитрїй Константїновичь, Еммануилъ Іоанновичь, Димитрїй Тенецкїй, Марко Георгїевичь, Павелъ Онуловъ, и Теодоръ Павловъ, Членови Коммунитета. Петръ Огнановичь, купецъ. Савва Огнановичь, купледѣй. Іоаннъ Николичь, ученикъ.

Госпожа.

Єлена Лазаръ.

Бечей.

Г. Лука Кисичь 7.

В. Бечкерекъ.

Г. Еммануилъ Іоаннъ Георгїевичь.

Винковцы.

Господа:

Прeч. Теодоръ Ендеричь, Протопресвитеръ. Георгїй Поповичь, Учитель. Сїмеонъ Комичь, Числитель. Янко Поповичь, Констант. Іо. Мандровичь, и Іоаннъ Станиславъ Поповичь — Трговцы —.

Вїенна.

Господа:

Мїхаилъ Бояджїй — Учитель — Благор. Георгїй отъ Диванъ, Землѣд. Падокїй — 10 —. Алекс. Милуновичь, Лѣкарь. Сїмеонъ Яконичь, Стефанъ

Константїновичь, Георгїй Іоановъ, Братїя Владиславъ, и Петръ Вулко — Трговцы —

Г. Г. Еммануилъ Іоаннъ Георгїевичь, и Георгїй Кажимиръ 3 — Купледѣи —

Войловица.

Г. Ч. Іоанникїй Милковъ, Игуманъ.

Вуковаръ.

Г. Нїколай Плавшичь 4, и Васїлїй Лазаревичь 4. Трговцы.

Выллово.

Г. Благород. Гаврїилъ отъ Чебацъ, Капитанъ Шайкашкогъ баталл. Іоаннъ Костичь — Трговацъ —

Габошъ.

Г. Ч. Кириллъ Гаврїиловичь, Парохъ.

Гардиновцы.

Господа:

Ч. Павелъ Белянскїй, Парохъ. Андрей Станимировичь, Учитель. Марко Марковичь — Трговацъ — Дамянъ Обреновъ, Надзир. шум. Іоанникїй Храниславлѣвъ, Корпоралъ Економическїй.

Георгїево.

Господа:

ЧЧ. Іоаннъ Поповичь и Алексїй Васичь, Пароси. Лука Спойшичь, Спражмецеръ Економич., Тїмотей Отичь, и Теодоръ Сазданичь, Корпорали — Нїколай Живковичь, Учитель — Косма Мале-

ювичь и Євтїмій Максїмовичь, Купцы — Станое Радосављпъ — Ковачъ —

Донауфелдваръ.

Г. Мїхаилъ Янковичь, Купецъ — 10.

Загребъ.

Господа:

Мировичь и Поповичь — 10 — Кїрїлъ Сукнянчь — 5 —. Данїилъ Якшичь — 3. Димитрїй Новаковичь — 3 —

Задаръ.

Г. Преч. Герасимъ Зеличь, Архїмандрїтъ Мон. Крупе.

Земунъ.

Господа:

Сїмеонъ Кудичь, Стражмещеръ — 50 — Іоаннъ Милетичь, Купецъ — 8 — Гавріилъ Ковачевичь, Књиговезацъ — 6 — Мїхаилъ Павковичь — 5 — Нїколай Мариновичь — 2 — Живко Стойковичь, Купецъ — 6 — Васїлїй Васїлїевичь — 2 — Константїнъ Леко, Матей Марковичь, Нїколай Нїколичь, Іоаннъ Вукасъ, Нїколай Кучепина, Александеръ Іоанновичь, Георгїй Льопичь, Константїнъ Катана, Георгїй Хажи-Батутъ, Пантелеимонъ Томичь, Тома Томичь, Константїнъ Іоанновичь, Фїлїппъ Карамать, Теодоръ Георгїевичь, Мойсей Павловичь, Атанасїй Петровичь, Георгїй Кїро, Васїлїй Марковичь, и Стефанъ Романовичь,

—Купцы—. Іоаннъ Митровичъ, Лебцелтеръ. Лазарь Костичъ, Кроячъ. Іоаннъ Петровичъ, Ковачъ — 2 —

Карловцы.

Господа:

Ч. Іриней Радичъ, Іеромонахъ и Арїхїепїскоп. Митропол. Капелланъ — 9 — Евпїмїй Славковичъ, Книгопродавацъ — 10 — Васїлїи Лазаревичъ — 2 — Ч. Арсенїевичъ, Парохъ. Ч. Аксентїй Поповичъ, Дїаконъ. Григорїй Стаматовичъ, Учитель. Павелъ Ангеличъ Учитель Андрей Костичъ, Соларъ. Алексїй Живковичъ, Сенаторъ. Савва Коларовичъ, Іоаннъ, Петръ и Павелъ Маринковичи, Стефанъ Гаврїиловичъ, Гаврїилъ Стефановичъ, Іоаннъ Обрадовичъ, Васїлїй Кнежевичъ; Андрей Сарапиличъ, Іоаннъ Шевичъ, Гаврїилъ Вуяновскїй, Теодоръ и Петръ Радослави, Петръ Петровичъ, Ігнятъ Цветковичъ, Павелъ Гойковичъ, Матей Живойновичъ, Петаръ и Илїа Сланкаменцы, Нїколай Василковичъ, Ісаакъ Поповичъ, Атанасїй Звонаркичъ, Димитрїй Нїколичъ, Гаврїилъ Іоанновичъ, Теодоръ Іоанновичъ, Димитрїй Лазаревичъ, Трифунъ Суботичъ, Кїрїлъ Павловичъ, Теодоръ Вучковичъ, Андрей Кїрїловичъ, Іосифъ Матичъ, Арсенїй Балтовичъ, Теодоръ Стефановичъ, Васїлїй Никифоръ Іоанновичъ, Іоаннъ Никифоръ Іоанновичъ, Лазаръ Никифоръ Іоанновичъ, Евпи-

ий Христичь, Васїлїй Шерогличь, Павелъ Радо-
вановичь, Нїколай Мїхаиловичь, Іоаннъ Лукичь,
Константинъ Ристичь, Іоаннъ Поповичь, Павелъ
Кнежевичь, Стефанъ Кнежевичь, Євтїмїй Здрав-
ковичь, Савва Георгїевичь, Алексїй Поповичь,
Стефанъ Кнежевичь, Мїхаилъ Новаковичь, Павелъ
Панаотовичь, Алексїй Маринковичь, Мїхаилъ Ру-
довичь, Васїлїй Радославъ, и Тїмотей Сибинкичь
— Купцы и Домостронтельи. —

Карлштадтъ.

Господа:

Прeч. Іосифъ Раячичь, Архїм. Гомирскїй, Іоаннъ
Славничь, Будачкїй, и Васїлїй Вуяклїя, Карлштадт-
скїй —Протоpесвїтери—. Лазаръ Полояцъ, Намѣ-
стникъ, Васїлїй Бастаичь, Лѣничкїй, Савва Ча-
брая, Стипаначкїй, Гавріилъ Мириловичь Курин-
скїй, Нїколай Іоанновичь, Бовићскїй, Савва Як-
шичь, Чемерничскїй, Марко Богдановичь, Топу-
скїй, Стефанъ Лапчевичь, Бернявачкїй, и Ма-
тей Бѣличь, Славопольскїй — Пароси — Арсенїй
Жакуля, Славопольскїй, Симеонъ Видовичь, Сти-
паначкїй, Яковъ Меркшичь, Чемерничкїй, и Тома
Браићшевичь, Бернявачкїй — Капеллани — Мїхаилъ
Владиславъ Зо Димитрїй Муссулинъ 2. Сїмеонъ
Кисичь — Купцы —

Монаст. Кувеждинъ.

Ч. Г. Генадїй Кїрилловичь, Игуменъ.

****

Львовъ или Лембергъ.

Г. Станиславъ Античь, Трговацъ.

Мохачъ.

Господа:

Ч. Г. Іоаннъ Живковичь — Парохъ — Іоаннъ Димитрїевичь, и Теофїлъ Іоанновичь — Купцы — Петръ Стаевичь, Ученикъ.

Госпоже:

Евфросинїа Димитрїевичь, рожд. Станковичь; Маріа Димитрїевичь, рожд. Косма. Анна Стаевичь, рожд Поповичь. Софїа Веселиновичь, рожд. Димитрїевичь. Софїа Димитрїевичь, рожд. Лукичь. Маріа Поповичь, Ученица.

Мошоринъ.

Господа:

Ч. Г. Теофанъ Малетичь — Парохъ — Аксентїй Зубовичь — Учитель —

Оршава.

Г. Яковъ Павловичь — 12 —

Панчево.

Г. Г. Арсенїй Янковичь. Повелъ Димовичь, и Васїлїй Живковичь — Трговцы —

Пешта.

Господа:

Косма Іосичь, Професоръ — 7 — Міхаилъ Іоанновичь — 60 — Александеръ Марковичь — 2 — Стефанъ Лазаръ Іоанновичь — 2 —

Госпоже:

Рахиля Іоанновичь; Єлисавета, Єлена и Софїа Дїемандїйне.

Пожега.

Г. Евпимїй Стефановичь — 30 —

Монастп. Раковацъ.

Господа:

Ч. ГГ. Сїнесїй Косаничь, и Теофилъ Ковачевичь — Іеромонаси —

Рума.

Господа:

Ч. Г. Васїлїй Крестичь, Парохъ Румскїй, и Намѣстникъ Дмитровачкїй. Максїмъ Атанацковичь, Воганскїй, Лазарь Янковичь, Румскїй, Іоннъ Крестичь, Добриначкїй — Пароси — Савва отъ Младеновичь, Павелъ Камберъ — Соларъ — Александеръ Радовановичь — Учитель — Евпимїй Стаичь, Сїмсонъ Стаичь, Іванъ Іоанновичь, Стаиче Іоанновичь, Стефанъ Ратковичь, и Стефанъ Лукачевичь — Купцы — Іоаннъ Пантелиичь — Живописацъ — Павелъ Петровичь — Ковачъ — Радованъ Єлисевичь — Кроячъ — Георгїй Димитрїевичь — Кожухарь — Іванъ Романовичь — Опанчарь — Іоаннъ Георгїевичь, Нїколай Пантелиичь, Стефанъ Милисавлѣвичь, и Пантелеймонъ Атанацковичь — Ученицы —

Сегединъ.

Господа:

Аксентїй Андреевичь отъ Присаке — 10 — Гаврїилъ Іоанновичь — 5 — Нїколай Чаковацъ — 4 — Димитрїй Льотичь — 2 — Теодоръ Стойковичь — 2 — Алексїй Чивичь — 2 — Іосифъ Миловукъ — 2 — Іоаннъ Поповичь, Софронїй Стойшичь, Георгїй Добричь, Іосифъ Миловукъ, Дамянъ Кеаиовичь, Самуилъ Стефановичь, Романъ Сремчевичь, Нїколай Котуляръ, Стефанъ Савичь, Мїхаилъ Живановичь — Купцы —

Сень.

Г. Теодоръ Милсуеничь, Мїхаилъ Тербоевичь, и Стефанъ Рашевичь — Трговцы —

Сомборъ.

Г. Іоаннъ Стаичь — Купледѣй —. Савва Папхазїй — 10.

Стапаръ.

Господа:

Ч. Г Антонїй Стойшичь, и Петръ Поповичь — Пароси — Стефанъ Сїмеоновичь — Учитель — Григорїй Исааковичь — Учитель Байскїй — Давїдъ Мердьановъ — Кнезь — Давидъ Ковачевъ — Пономарь — Григорїй Цвеяновичь и Мойсей Стойшичь — Трговцы — Марко Ковачевъ, Реля Лазичь, Землѣдѣлацъ. Сїмеонъ Павковъ, и Илїа Пизичь, Овчари. Іоакїмъ Стоичичь и Игнятъ Петровичь, Ученицы —

Тителъ.

Г. Георгїй Георгїевичь — Трговацъ — 18.

Монаст. Фенекъ.

Преч. Г. Мелентїй Никшичь, Архїмандр. Студеничкїй — 20 —

Чачово.

Господа:

Димитрїй Антоновичь, Георгїй Фларичь, Аѳанасїй Величковичь, Теодоръ Конспантїновичь, Нїколай Гьоничь, Нїколай Стурана, Еммануилъ Нїколичь, Константїнъ Дина, Димитрїй Нанта Тїролъ и Мїхаилъ Трандафїловичь — Трговцы —

Єгаръ.

Господа:

Ч. Г. Гаврїилъ Грегоровичь, Парохъ. Нїколай Поповичь, А. Є. Соларъ.

М. Оерссїопель.

Господа:

Ч. Г. Іоаннъ Вуичь, Парохъ. Іоаннъ Пачичь, пенсїонир. Капит: — Іоаннъ Милосавлъвичь, Купецъ и общества Сочленъ. Васїлїй Нинковичь, Мїхаилъ Петровичь, и Фїлїппъ Заричь — Купцы —

Господже:

Маріа Арадскїй Господичне: Софїа отъ Поповичь, Ѳересїа Спойковичь, Екатерина Спойковичь, Єлисавета Арадскїй, и Екатерина Христина Влагоевичь.

РОССІА.

Ст. Петерсбургъ.

Є. Превосход. Г. Разумовскїй Министеръ Просвѣщенїя. Є Превосход. Г. Графъ Черныщевъ, Генерал-Адютантъ Є. В. Императора Всероссїйскогъ и Г. Генералъ Сїмеоновичь — Кавилъри —

Г. Андрей Петровичъ, Капитанъ Фелдѣзерскогъ Корпуса. Г. Романъ Гаврїилов-Соколовичъ, Тїтуларный Совѣтникъ Кньигохранилище Академїе Ст. Петеребургске.

Алибунаръ.

Г. Нїколай Стояновичъ — Соларъ —

Вершацъ.

Г. Іоаннъ Стояновичъ — Трговацъ —

Избище.

Г. Антонїй Стояновичъ — Трговацъ —

Мача.

Г. Благор. Арсенїй отъ Чарноевичъ — Землѣд. Мачскїи — 5.

Шопронь.

Г. Г. Константїнъ Дунча и Григорїй Баичъ — Трговцы —.

СЕРБІА.

Бѣоградъ.

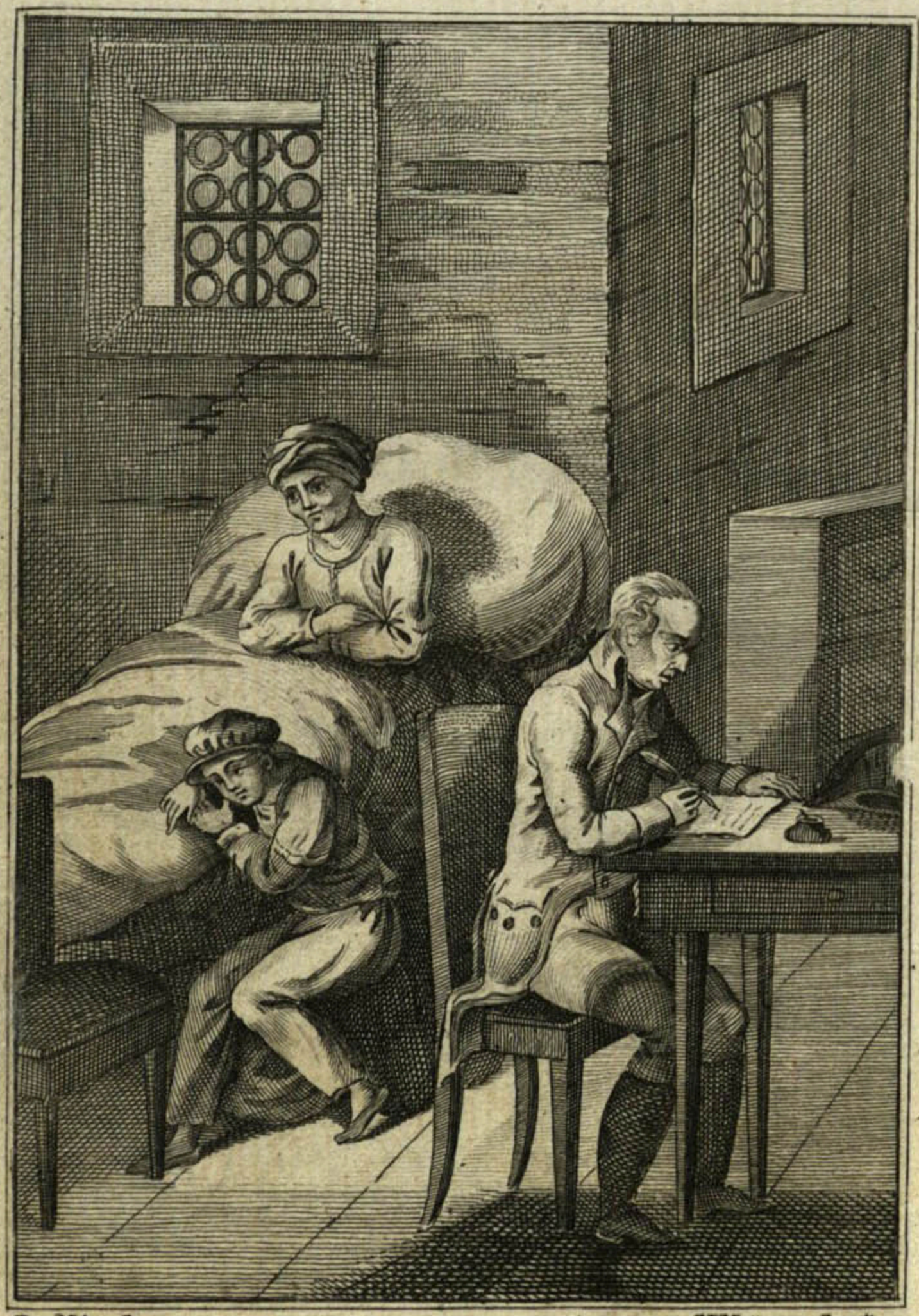
Господа:

Преч. Матей Ненадовичъ и Нїколай Смиляничъ, Протопр. — 2 — Петръ Николаевичъ — Живописацъ — Іовица Милутиновичъ, Капитанъ. Сїмеонъ Ненадовичъ Максїмъ Крестичъ, Войв. — Евтїмїй Савичъ, Совѣт. Серб. — Боя А. Богичевичъ, Войв — Георгъ Ставро, Васїлїй Романовичъ, Мїхаилъ Стефановичъ, Лазаръ Томичъ, Нїколай Констант. Берзакъ, Янко Пепковичъ, Бранко Марковичъ Павелъ Сретеновичъ и Мирко Апосполовичъ — Трговцы — Георгїй Димитрїевичъ — Писаръ —

Болгарїа.

Г. Г. Братїя Милановичъ — 6 —

55



Фи. Кбжехъ черт. К.Майоловетъ рѣз.

БОЛЕСТНА УДОВИЦА.

Сладка є свагда страждущему помоћ ч'ловѣческа, но їошть сладьа, када изненада быва.

У ютру єданъ путь знаменитый єданъ Господинъ, но непознанъ и самъ самцытъ у предградїе єдно Бїенско изиде, и дѣте нѣко около деветь година старо упази; дѣте ово плачући и съ страшльивымъ и дерктаюћимъ гласомъ замоли га, да му што удѣли. Благородный начинъ, съ коимъ є дѣте милостыню отъ нѣга искало, нѣговъ стасъ, стыдъ, отъ кога му се лице нѣгово заруменило было, сузе, кое су му блистаюћисе изъ очїю нѣговыхъ рониле, страшльивость нѣка на нѣму, и отъ шежкога єцаня заплетаюћїй гласъ коснусе сердца великога тога мужа.

Не чини ми се, Любимый мой! рекне му Господинъ истый, да си Ты отъ постатка Твога непрестанно тако несрећанъ. Не има тому много времена, отговори му дѣте, како смо мы сви весма срећныи были, Отацъ є мой велику єдну и красну кућу имао; онъ є мени и момъ Брату све давао, што смо потребовали, и весма насъ є любїо. „А тко є Твой Отацъ?“ упыта га Господинъ. О Боже мой! отговори му дѣте, нѣга не има више на свѣту, онъ є отъ тежке туге умрао: їошть се добро дана оногъ опоминѣмъ, кадъ є нещастїе наше започело. Отацъ мой са свимъ изванъ себе дома дойде, и рекне намъ: све самъ изгубїо, што самъ имао, скоро ћею люди другїи у кућу дойти, и све намъ узети. Онъ є сирома матерь нашу гопово изван себе бывшу мѣшїо, а насъ, дѣцу свою, къ жалостивымъ отеческимъ персима приписквао, герлїо и любїо: мы смо сви плакали, и Бога єдинногъ молили, да насъ отъ пропасти спасе, коя намъ на насъ зїяюћи угрожаваше. И заиста се скоро сбуде, као што намъ онъ рече: мы смо бѣдныи и убогїи изъ куће наше отити морали, а тако смо пре тога срећныи у ньой были. Я самъ то чуо, гди су говорили, да є Трговацъ єданъ Отцу момъ много дуканъ био, а платити ни є могао, и да є то узрокъ па-

деніа нашегѣ быо. Отацѣ мой ни є дуго после ове несреће живїо. По нѣговой смерти узме мене старый єданѣ пріятель мога Отца кѣ себи, а Мати моя ранила є себе и могѣ манѣѣ Брата своимѣ рукама, тудье радећи, со тимѣ є єдва крај сѣ краемѣ саставити могла. Но ноћась се на єданѣ путь яко разболе, и каже, да ће скоро за Отцемѣ моимѣ отити. Богѣ самѣ зна, да бы я радо и радо мѣсто нѣ умрео; я бы їой радо помогао, но ништ' у руку не имамѣ. Зато самь хотѣо да просимѣ, и люде, да їой помогну, да молимѣ, но то ми є весма тежко отѣ руке ишло; я самь много людіи досадѣ сусрео, но како бы хотѣо, кога да замолимѣ, да се матере мое смилуе, таки бы духомѣ пао, и све самь се дотле заустезао, докле сви покрай мене не пройдоше; а када самь Васѣ, милостивый Господине! упазїо, таки самь повѣреніе нѣко у сердцу момѣ почувствовао, и помыслїо, Вы ћете ми Спаситель мой быти. О заиста! Вы ћете се матере мое смиловати.

То рекшїй сузама се облїе, сузе су ове на сердце Господина истогѣ пале. Єли далеко Твоя Мати отавде? упыта дѣте. — Ево близу овде на краю улице ове, у послѣдной кући на лѣво, у трећемѣ спрату (кату). — А єли већ лѣкара каквогѣ дозвала? — Ни є їоште, овай часѣ хотѣо

самъ къ лѣкару каквомъ да идемъ, но мы ништ' не имамо, а не знамо, ни съ чимъ бы лѣкове платити могли. — Ево Ти, рекне му Господинъ, нѣколико талира, и иди, и дозови Лѣкара. Єдва є дѣте съ сузама благодарность свою изразити могло, и таки по Лѣкара отиде,

Между тимъ Господинъ истый науми, самъ нещастну ту Фамилїю да види. Попнесе горе узъ степене, и у малу мрачну собицу уиде; у собицы овой мало само покућїя найде, какоти: прво єданъ столъ, спаръ орманъ, постелю, у коїой є болестница лежала, и їошть єдну малу постельицу покрай нѣ. Мати се туги и жалости са свимъ предала была, на блѣдомъ нѣномъ образу были су знацы страданїя претерпѣныхъ начертаныи, нѣжно но жалолостиво погледала є она на Сына своґъ манѣґъ, кой є главу свою на нѣну постелю наслоніо быо, и плакао. Господинъ се постельи нѣной приближи, и запыта ю, єли каквоґъ лѣкара за совѣтъ пыпала. Ахъ, отговори болестница, болесть моя тако є дубока, да художество Лѣкара никако до нѣ допрети не може. Я самъ Мати, и нещастна Мати два сожалѣнїя достойна дѣтета. Жалость ме є за судбиномъ моґъ Супруга тако изнурила, да ми се помоћи не може: смерть єдинна може страданїя моя окончати, но и нѣ се

боимъ, кадъ на дѣцу мою помыслимъ, кою у сиромашству и на другимъ людма оставити морамъ. Нещастна Мати утоплявалась у сузама.

По томъ повѣсть о страданїямъ своима непознанномъ овомъ Господину искаже, Господинъ їой ни є открїо, да ю већ зна. Изъ лица нѣговогъ топлѣйше участїе и сожалѣнїе о ньой свѣтляшесе. Не отчаявайте, рекне їой, небо ће Вамъ заиста помоћи, оно добродѣтельне люде види, и неће ихъ оставити. Не отбацуйте сву надежду, и содержите Вашъ животъ, кой дѣце Ваше ради обдержати имате. Заиште бумаге — папїра — да нѣшто напише, дѣте мало съ пытолюбствомъ допле часъ Господина тога, а часъ матерь свою погледавше, притерчи, и парче бумаге донесе. Господинъ на ньой нѣшто напише, говорећи, надамсе, да ће Вамъ средство ово помоћи, и мыслимъ, да ће Васъ исцѣлити. И друга ћу їоште употребити средства, коя ћею Вамъ їоште цѣлителнїя быти.

Бумагу исту на столу остави, и отиде, и не чекаюћи, да му страждуща удовица съ Сыномъ своимъ благодари.

Мало после тога старїй Сынъ дойде. Мати Мати! їошть предъ дверма повикне, изъ очїю нѣговыхъ чиста радость блисташесе, онъ Ма-

тери своїой талпре покаже, и рекне їой; то ми є Господинъ єданъ дао. Како самъ ихъ добїо, таки самъ къ Лѣкару єдномъ отишао, садъ ће таки дойти. Не плачите више мила Майко Моя! О Сыне Мой! Сыне! повикне Мапи изванъ себе бївша, и къ персима своимъ пригерли га, Богъ є добаръ Твое невинности ради. Онъ благодѣяніе то Господину оному нек' награди. Но овай часъ быо є єданъ Лѣкаръ кодъ мене, я га не познаемъ. Погледай, тамо на столу бумага лежи, нѣшто ми є прописао, иди, и подай лѣкъ прописанъ начинити.

Сынъ бумагу узме, и запыта, єли та, Мати на нію погледи, и упази, да ни є онако исписана, као што Лѣкари писати обычествую, кадъ лѣкове прописую, заниште бумагу отъ Сына, прочита ю, и єдва очима своима вѣровати може, прочита ю їошть єданъ путь, и викне: о Боже! то є самъ Императоръ быо. Бумага їой изъ руку испадне, безсовѣстна на постелю легне, єдва є нову неожидаему срећу и понятн могла, коя ю є на єданъ путъ, као отъ волшебства каквогъ дошавша, озарила. Обое дѣце около нѣ быяху, са свимъ уплашенна, мислећи, да имъ є Матн у несвѣсть пала. Но наскоро опеть къ себи дойде, дѣчицы своїой при-

ключившасе искаже, и дѣчица Благодѣтеля свога изъ гласа хвалити и узвышавати почну.

На бумаги той стояла є уредба єдна Императора Іосифа II. по коїой ће удовица та изъ собственогъ нѣговогъ имѣнїя повелику суму новаца на ужитакъ свой получавати. Задовольство и радость болестницу опораве и предигну. Кромѣ тога страосе Императоръ за воспитанїе дѣчино, и када су отрастла, обое ихъ съ богатомъ и пристойномъ службомъ снабдѣ.

Тако є безсмертный Іосифъ II. не само о щастїю цѣлогъ народа, но и о щастїю єдинственыхъ лица стараюћисе, Фамїлїю єдну тудьомъ виномъ осиромашившу отъ конечногъ паденїя избавїо и спасао.

(Изъ Г. Соава.)

ШУПАЉ РАСТЪ.

У времена Сердара — Ритттера — Сербскихъ, нѣколико година пре паденїа Сербскогъ Кралѣвства подъ Князомъ Лазаромъ живїо є Сердарь єданъ Сербскїй, именемъ Чедомиль Добротовичь. Онъ є са Супругомъ своїомъ Любицомъ петнадесетъ већ година у найзадовольнїемъ супружеству живїо у селу своме Трновцу, на рѣцы Тимоку близу границе Бугарске прибываюћи. Два сына и три кћери били су имъ плодови срећногъ ньиногъ супружескогъ союза. И кадъ бы Добротовичь нашъ са Любицомъ и съ дѣчицомъ у дань недѣлный за трапезомъ своїомъ сѣдїо, и назиме, или у празднике ягнѣкое съ ньима єо, чинило му се, да є онъ найсрећнїй човѣкъ на свѣту, и да много више отъ Государа своегъ, Кнеза Лазара сѣди, кой

се пре нѣколико година на престолъ Владѣнїя Сербскогъ попео био.

У таквомъ магновенїю домашнѣга увеселенїя Добротовичь Любицу свою єданъ путъ по ланита — образы — удари, и рекне їой: Любезна и добра Супруго моя! Ты си ме найщаспильивїимъ Супругомъ и найсрећнїимъ Отцемъ учинила; зато ће Те Богъ вышнїй у раю наградити. Любица га на то загерли, и полюби, и отговори му: искренный мой Чедомилю! ево већ толико година, како ме Ты срећномъ чинишь, не знамъ, єли небо їоште што радости за ме на овому свѣту оставило.

Іошть ће и мало другоячїе быти, дода на то Добротовичь, причекай само нѣко време, онда ћемо сви заєдно бреме наше носити, дѣца наша мораю поредъ насъ ићи, и ако насъ бреме къ земльи оборити усхтѣ, то ћею намъ и она сва, сва Любице мила! у помоћ доћи, и гледати, да намъ га старимъ раменамъ нашимъ оплакшаю. О! то хоћемо милый Отче! отговори му найстарїй Сынъ Миланъ; (нѣга є Отацъ као очи свое у глави миловао) или не! не! мы ћемо цѣло бреме то на наша рамена упертити, и сами га носити.

Миланъ є топервъ на четырнадесету годину настао быо, но већ є могао дивїегъ

коїя отчинога укротити, и са берзымъ еленомъ утеркиватисе.

Добротовичь овай єсть истина отъ спаре и храбре Сербске Фамїлїе быо, но ни є тако велика богатства притяжавао, ибо су му села нѣгова близу границе и у самымъ горама лежала; и тако свакомъ разграбленїю у време рата изложена была. Но будући да є са Любицомъ своїомъ весма щедлывъ, а при тому не и сребролюбивъ быо, то се чинило, да у дому нѣговому нѣко изобилїе царствуе, коему су се прїятелыи нѣговыи зѣло радовали, а непрїятелыи му завидили.

Єданъ дань у мракъ већ унесу му челядъ савїенъ нѣкїй пергаментъ, и кажу му, да га имъ є пустынньикъ єданъ дао, и заповѣдїо, Господину своме да даду. Чедомиль пергаментъ тай развїе, и у нѣму ове рѣчи найде: „Ако Чедомилю Добротовићу! пре Петрова данка сто дуката пустынньику Богољубу у шуми Клисурской не положи, то ће му се дворъ нѣговъ спалити; и ако Чедомилю преши после положеногъ новца тога рѣчь єдну кому о томъ каже, то да зна, да ће смертїю умрети.“

Чедомиль писмо прочита, опетъ га савіе, и у ковчегъ — сандукъ — свой метне, мы-

слећи, писмо е то отъ разбойника — пустаїа — кои су се у шуми Клисурской огласили были. Но ничега се не боећи, а ни волѣ не имаюћи, новце речене да даде, нимало се о претньи тэй ни брину о ни є: а цѣо случай супруги своїой не открїе, хотя да дотле ништа отъ нѣ заташвао ни є.

Уречено време приспѣ, и їошть другихъ деветь дана пройде, а пророчество речено не буде испуньно. Но десетый данъ полноћи превали, и Чедомиль са Любицомъ и садѣцомъ своїомъ спавати отиде; у єданъ путь се лупа нѣка зачуе, у звона дворска зазвоне, стражаръ на кули дворской у рогъ задува, и цѣо дворъ у єдномъ магновенїю ока у пламену стояше. Єдва се Чедомиль са Супругомъ и са дѣцомъ у особито єдно и мало зданїе спасти могаше, у кому є пре тога челядь прибывала. Миланъ у кошульи само у шталогъ исперчи, и коня опчина изведе, кой му є као ягнѣ мирно слѣдовао. Любица са найстарїомъ кћерю ковчежчић — сандучић — отъ ораова древета счепа, у коемъ су доказателства Фамїлїе ньине и друге разне драгоцѣнне утвари стояле.

Чедомиль є нещастїе свое мужественно сносїо. Любица є нѣгова съ ньимъ постоянство нѣгово дѣлила, и дѣцы своїой уливала.

Прахѣ и пепео палежанѣ разгерну, и нѣколико посленника на двору на ново радити почну. Єданѣ путѣ Чедомиль коня свога оседла, да бы у шуми своїой идући кѣ Клисури нѣколико растова за греде и за рогове на кући забележїо. Полдне већ превали, и Чедомиля їошть не има. Сумрачисе, и Чедомиля никако. Сѣ свакимѣ часомѣ растло є неспокойство Любичино, и у отчаяніе претворисе, када ноћ прођде, а Чедомиля нѣногѣ ни откуда не има. Єдва зора заплави, и Любица слуге свое на све стране разашиљѣ, Чедомиля да траже, но сви се дома врате, и ни єданѣ о нѣмѣ ништ' казати не зна. Осамь дана єдно за другимѣ Любица Чедомиля свога по цѣломѣ предѣлу тражаше, по Чедомилю ни трага ни гласа; Любица сѣ дѣцомѣ своїомѣ непрестанно тужаше, и плакаше, и последня искра надежде нѣне већ се угасила быяше. Тако Любица неутѣшимой дѣцы своїой овако говорити почне: „Я ћу се отправити, Отца вашегѣ да тражимѣ, и ако се їошть гди на земльи находи, то ћу га заиста найти.“ И я ћу сѣ Вама ићи, мила Майко! рекне їой на то Миланѣ, дозволите ми само, да Васѣ и я тратити могу, и да самѣ троеглавный пасѣ Отца мога у ями каквой чува, їоште ћу га изѣ нокшїю нѣговыхѣ избавити. Любица ковчежчић

онай отъ ораовине отпвори, да спвари нѣке и мало новца за прошакъ са собомъ узме: а када га отпвори, найде у нѣмъ писмо разбойника оныхъ, прочита га, и сва се сиротица стресе; но у єданъ путъ їой душу нѣну новъ зракъ надежде огране; и овако говораше у себи: Чедомиль є мой разбойникомъ тимъ у руке пао, шо ће ме Пустынньикъ Боголюбъ, о комъ се у писму овомъ говори, найболѣ извѣстити моћи, гди они пребываю; може быти, да су они Чедомиля мога запо само затворили, да онъ ныма оныхъ сто дукапа даде. Со тимъ дѣцу свою жени чувара дворскогъ препоручи, и сутрадань съ зоромъ са Миланомъ своимъ къ пещери Самца и Пустынньика Боголюба пойде; пещера є ова две милѣ отъ двора ньиногъ у Трновцу далеко была.

За петъ часова обое у обытель Боголюбову приспѣю. Боголюбъ ихъ прїятельски дочека и благослови, Любица му рекне, честный Оче! я самь къ Теби дошла, да судъ ил' живота или смерти мое отъ Те ицемъ. Приповѣди му двогубо свое нещастїе, и укаже му писмо оно на пергаменту. Заиста є, вели, Супругъ мой убїйцамъ тимъ у руке пао, Ты ћеш ми, може быти, казати моћи, гди ћу га найти. Боголюбъ руке къ небу подигне, отъ страха

и трепета ни рѣчи проговорити не може: кѣ себи дошавшій страшльивымъ гласомъ повикне: сли могуће, да одѣло смиренности покрываломъ порока быти може? пре мѣсецъ дана дойде ми єданъ Пустыньникъ, и рекне ми: Старыно! на Петровъ дань положит' ће Теби Сердаръ єданъ Сербскій сто дукапа, онъ ихъ на покаяніе свое опредѣлює: задержи ихъ дотле кодъ себе, докле я по ньи не дойдемъ. Я му се обѣщамъ, да ћу му то учинити. На осамь дана после Петрова дана онећь кѣ мени дойде; и кадъ му я рекнемъ, да никаквыхъ новаца пріимїо нисамь, а онъ ми рекне: Богъ ће єдинный тогъ грѣшника казнити, и со шимъ отиде, више га нисамь видїо.

Рѣчи ове Боголюбове Любицу до отчаянїя доведу. Добрый Пустыньникъ свакояко се прудїо, да ю утѣши, и нудїо ю, да што єде, но све всуе; Любица ништа друго ни є радила, но све єднакъ плакала и єцала, на образъ распятїя Христова на стѣни бывшій гледаюћи. Миланъ пакъ подобро се подкрѣпи, нѣколико ябука у телећакъ свой узме, и предъ пещеру Боголюбову изиде. У мысли тако погруженъ шуми клисурской кудравой приближисе, коя є на нѣколико стотина кораклая отъ пещере удалѣна была. Ту подъ древо єдно сѣдне,

и за Отцемъ своимъ мыслећи горко исплачесе. У єданъ путъ нѣшто и за нѣга зашушти, и онъ се окрене, а кадъ тамо, а оно млада єдна лисица мимо нѣга протерчи, и далѣ у шуму уйде. Миланъ лисицу видећи на Отца мало као и заборави, и за њомъ потерчи; тако є способно за њомъ терчао, да ю умал' ухватїо ни є: и тек' што штапъ свой подигне, да ю удари; а она ти у растъ єданъ побѣгне: растъ є овай шупаль бьо. Миланъ се ни є дуго мыслїо, шта да ради, дупля доста повелика, а растъ отвећ дебео: зато се унупра увуче, и на све стране пипати почне, едали ће што найти. Пипаюћи тако иза себе удубљїе нѣко на-пипа, и већ у себи помысли, да ће ту заиста добитъ свою найти. Но тек' што на мѣсто єдно у дупльи наиде, а дупля се провали, и онъ у дубоку и мрачну бездну падне: и со тимъ се на нѣколико магновенїя онесвѣсти. Када о-петь къ себи дойде, сва чувствованїя на нѣга найду, коя на жива закопана човѣка наплазити обычествую, кадъ се у черномъ крылу землѣ пробуди, и види, да є отъ прочега єстества отдѣлѣнъ. Савъ се уздркће и престраши, и почне се по хладномъ дну пропасти валяти, найпосле и викати стане; и учини му се, као да му нѣкїй загушльивый отзывъ изъ дубльина

отговара; савъ претерне, но отъ радости: и рикъ самогъ лава бы га у пропасти овой обрадовао, и лавъ бы жива тварь было, а у предълы смерти свака жива тварь постае намъ и братомъ и сестромъ. Берже болѣ къ предълу оиомъ отпузи, откуда є гласъ онай чуо было. Узкимъ єднымъ ходникомъ — гангомъ — напредъ мало пойде, и на пространну єдну яму наиде, у коіой є такожде мерклый мракъ было, ту є мало свободніе дыхати могао, и на ноге се уздигнути. Тек' што на ноге устане, а изъ угля — буджака — єдногъ отзывъ нѣкій почуе. Може быти, да тко овде умире, самъ у себи говораше, и то помысливши савъ се уздеркне, и отъ страха повикне. На то гласъ овай чуе: тко є то? тко то хоће свидѣтелѣмъ смерти мое да буде? Миланъ се охрабри, и рекне му: я самъ! я! небойсе! но кажи ми, молимъ Те. гди самъ я садъ? Тко си Ты? — О предивный Боже! повикне онай изъ несвѣсти пробудьенъ гласъ, ты ми ангела шилѣшь, да ме укрѣпи, и даешь му гласъ моегъ сына и первенца. — Ахъ Отче мой! Отче! повикне му сада Миланъ, гласъ Отца своегъ познавши, Ты си, о Ты си єдинный Бабо мой! — Сыне! Милане! откудъ ми Ты амо дойде? зарь су и Тебе звѣропи они и нелюди ухватили, и амо довели?

Миланъ Отцу свомъ онако у мраку полети, сама природа вукла га є къ ономъ мѣсту, на коемъ є Отацъ нѣговъ лежао. Миланъ Отца своґъ загерли, и о вратъ му се обѣси, но Отацъ нѣга, прелюбимо Чадо свое, никако загердити не може. Руке су му у оковы свезане быле, а около тербуа великимъ ланцемъ опасанъ быяше, ланацъ овай у стѣни є великомъ каримомъ утвердьенъ быо. О Отче! прелюбезный Отче! єцаше Миланъ предъ Чедомилѣмъ, осамь дана веће како Васъ Мати тражи, и данась се сама са миномъ на путъ отправила, нисмо могли дуже кодъ куће остати и безъ Васъ быти. — Добра Супруго! добро Чадо Мое! рекше Чедомиль на то, Боже! Боже! Но како Ты Милане! амо у яму убійца дойде? Миланъ му приключенія своя проповѣди. О добро дѣте мое! рекше му Отацъ, самъ Ангелъ Хранитель амо Те є донео, да ме отъ смерти избавишь, и моима напрагъ повратишь.

Чедомиль Сыну своґъ каже, да су га разбойницы у шуми нѣговой ухватили, и у яму ту увукли. Боећисе, вели, да имъ се я за сажеженъ дворъ мой не осветимъ, отсуде ме, да имъ као робъ у ужасной пещери служимъ. Када они на мерзско свое дѣло изилазе, свагда ме у окове метну; Предъ вечерь бы свагда или

свй четворица или само двóйца Ѣнапрагъ долазили. Но отъ прекоючерь ни єднога їошть не има, а я ни залогая хлѣба окусїо нисамь. Милань се у телећакъ свой маши, и нѣколико ябука извади, кое є са трапезе Боголюбове узео быо, разсѣче ихъ, и Оцу залогай по залогай у уста метати почне. Богъ да Ти за оправленїе ово Сынко! плати, рекне Чедомиль, и бризне плакати. Но у єданъ путъ се савъ отъ страха стресе, и Сыну рекне: Бѣжи! бѣжи Сыне мой любезный! тко зна, када Ѣею злодѣи они напрагъ дойти.

Мил. Я бѣгати нећу безъ Васъ любезный Бабо! или Васъ отавде да избавимъ, или и я єъ Вама да погинемъ.

Чедом. О дѣте мое! како Ѣешь ме избавити, када ништ' кодъ себе не имашь, чимъ свезе мое и окове да разбїешь, или поне раку ову да освѣтлишь?

Мил. Имамъ Бабо! кресиво єдно, Мати ми га є на путь дала, говорећи: што знашь Сыне! гди Ѣешь га потребовати моћи.

Чедом. Благо ньой! благо тако доброй матери! предосторожность и промотривость нѣна може насъ избавити. На лѣво ту стои жижакъ єданъ на столу, а до нѣга керчагъ са

єлеемъ, жижакъ ми се ючерь ѓоште угасїо, чувай, да га какогодь не свалишь.

Миланъ за нѣколико мїнута жижакъ запали, и сву внутренность яме те разбойничке увиди. Множество драгоцѣнныхъ стварїй было є у ньой наслагано, о зыдовы є найманъ двадесеть отъ крови укоченыхъ одѣла висило. Но онъ се само обазрео, и веће є све ове предмете прегледао. Узъ стѣну яме увиди велик' єданъ маль отъ гвоздья, и съ ньимъ локотъ разбїе, што є на оковы отчины висїо: тако Отца свога освободи.

Чедомиль освобожденъ на колѣна клекне, и отечене свое руке къ небу подигне, ништа не говорећи, но у чувствованїю само упоплявающисе; за тимъ Милана своѓъ загерли, и крѣпко къ отеческимъ своимъ персима привуче. После тога съ Миланомъ у другу маню яму уйде, у коїой су разбойницы єла и пиће держали: ту по єдну чашу вїна попїю, и Чедомиль съ великомъ предосторожностю нѣколико залогаїй хлѣба за вїномъ изеде, бѣде оне добро познаваюћи, у кое гладанъ човѣкъ пасти може, када нагло єде. Айде Милане! да бѣгамо, рекне сыну своему, да идемо, док' є заранїе, и док' разбойницы они нису дошли. Свакїй по єданъ мачъ и по єданъ запалѣнъ жижакъ узму, и тако све хо-

дникомъ єднымъ идући до мѣста оногъ дойду, гди є Миланъ у яму упао быо. Дугачка лѣствица — мердевине — отъ ужета съ квакама отъ гвоздья висила є о стѣни — дувару — яме. Чедомиль Сыну рекне, напредъ да иде. Миланъ га у томъ послушати не хтѣде, но када га Отацъ именемъ Божїимъ заклинати почне, да то учини, напредъ пойде, свакїй часъ обзирућисе, да види, иде ли му Отацъ за ньимъ: тако Миланъ на отдушку дупльъ дойде, ту стане, и Отца своъ очекиваше, боећисе, да га веће избавлѣна какогодь не изгуби. И тек' када главу Отца свога упази, гди се изъ яме помолила, онда му топерьв сердце тише куцати почне. Миланъ кору растову мачемъ своимъ отсѣче, и дуплю за Отца распространн.

Кадъ се Чедомиль већ избавлѣнъ надъ земльомъ и у прекрасномъ божїемъ вертy — башчи — види, безсовѣстанъ на землю падне; тако су воздухъ и сунце силу живота ньговогъ надвладали. Миланъ на Отца своъ падне, блѣде устне исцѣлуе му, и съ ладномъ земльомъ слѣпе очи пропре му. Наскоро га повратн, и штапъ свой дода му, кой є їошть у корову лежао быо. И тако се и Отацъ и Сынъ на путъ отправе. Ньколико коракляя прошавшїй рекне Чедомиль: дай да съ мачевы нашы улазакъ овай

назначимо, да са сосѣдма — комшїяма — моима вооружаписе, и на злодѣе ше ударишк узмогу. И тако уза сваку стопину кораѣляя по єдно парче коре отъ дрвета єдногъ отсѣку, и после полъ часа изъ шуме изиду, ту Миланъ обытель Боголюбову Отцу своме изъ далека укаже, у ньой му є Мати нѣгова остала была.

Любица между тимъ кодъ Боголюба бывши ни примѣтила ни є, да їой дѣтета не има; утѣшителныи разговори Пустыньика цѣло вниманїе нѣно заузели быяху. Но кадъ се єданъ путъ обазре, и Сына не види, устрашенно запыта: гди є Миланъ мой?.. Валя да ѣе на полю быти, отговори їой Боголюбъ, ил' се по зелени овой прохода, или гди у сѣнки оппочива. Любица, као да є крила добила, наполѣ полети, и Милана пражити стане, но никако га видити не може: у цѣлой поляни ни трага ни гласа Милану не има. Толико путїй по имену га викне, и никаквога отговора на то не добїе. У перси рукама бїюћисе далѣ у шуму уйде, и съ поячшїимъ гласомъ викати почне: Милане! Милане! но отзывъ — ехо — само Милане! поштораваше. Любица слаба и немоћна на черну землю падне, и на подобїе черва гмизаюћегъ валяшисе и савїати почне, кукаюћи и за чадомъ своимъ запѣваюћи. Пустыньикъ їой приперчи,

но сва утѣшенїя нѣгова не успѣду. Цѣо часъ бѣдна мати съ отчаянїемъ борећисе мало засни, состраданителный Боголюбъ у сну ю остави, ибо ю тако свакогъ чувствованїя лишаваше.

После нѣколико минута бѣдна Любица пробудисе, и за Пустынньикомъ съ полузатвореныма очима пойде, ништа не говорећи, но и не уздышући, и перси їой већ са свимъ клонуле бияху. Боголюбъ ю на постелю свою отъ сува лисћа метне, и чашу воде їой донесе, но Любица му чашу изъ руку избїе.

У истый махъ Миланъ съ Отцемъ своимъ на двери уйде; Любица ихъ съ укоченыма очима погледи, мало устане, и веле-но страшногласно повикне: ево ихъ обойце, иду, да ме у обыталища мертвыхъ отведу: како є блѣдъ, каколи є опао бѣдный мой Доброповичь! што є дуже отъ Милана мога у гробу лежао: о красный Сыне! їошть на теби ружице, ружице младости и невинности ангелске цвѣтаю. Чедомиль на то къ ньой потерчи: Любице! Любице! я самъ живъ, обойца смо живыи, Миланъ є мой избавитель! Миланъ хладну руку Матере свое ухвати, и съ неизброимы полюбцы огрѣе.

Дуго време лежала є Любица у обятїямъ

Чедомилѣвымъ и Милановымъ, докле къ себи ни є дошла; а кадъ къ себи дойде, онда єдинно само чувствованїе имаде, и то чувствованїе єсть найкраснїе торжество супружеске и матернѣ любве. Уста нѣна само су се насмѣявала, но сузе радости, и презѣлне радости потокомъ їой потеку. Да бы ю Чедомиль мало къ себи довео, проповѣди їой своя страданїя, а Миланъ повѣсть дода, како га є изъ робства избавїо. Сви се у восхищенїю утопе. У тай часъ Странствователь єданъ дойде, и ньи за милостыню замоли. Любица дукатъ єданъ изьади, и даде му. Боголюбъ га запыта, откудъ тако иде. — Изъ Крагоевца, отговори Странствователь. Шта є тамо ново? упыта га Боголюбъ. Свашта доста, рекне му Странствователь: ономадне четыри разбойника у путничко одѣло обучена на три трговца ударе, но ови се отбране, и сву четворицу смакну. Светый Боже! то су... рекне Чедомиль, но таки престане говорити. А кадъ Странствователь опиде, а онъ Боголюбу каже, то су они разбойницы, што су мене у тамницы держали: они су се у одѣло странствователя обукли, и тако изъ пещере ньине отишли, мачеве свое сакрили су у дугачке свое рукаве. Они велико сокровище у ями своїой имаю; само я и мой Сынъ

знамо га найти. Кажи ми Пречестный Отче! шта сь ньимь да радимо. Пустынникь се мало помысли, и овако му отговори: разбойницы су дворь Твой спалили, и Тебе у окове метнули, зато Теби отъ сокровища тога толико принадлежи, колико Ти потребуе, дворь Твой да сазидашь. Што остане, то на двое да се раздѣли, єдна часть Теби за поднешена страданїя принадлежи, а са другомь, ако хоћешь, цркву єдну да сазидамо.

Чедомилю се совѣтъ овай допадне. И сутрадань яму разбойническу испраздне. Богољубь зиданѣ церкве на се узме; а Чедомиль се са Љубицомь и сь Миланомь у Трноваць свой врати; ту ихь дѣца ньина сь восторгомь невинности дочекаю. Друге године пакь на Петровь дань Богољубь и цркву и дворь Добротовичевь осветн, и Љубица све єиромахе предѣла оногь дань тай почасти. Надь дверма даде Чедомиль лисицу єдну на корену раста у камену изсѣћи, и унуцы нѣговыи проповѣдали су свакомь кь ньима долазећемь Сердару повѣсть дѣде свога Чедомила. (Но какогодь што ни другимь Сербскимь важностемь садь ни трага ни гласан е има, тако се и двору овомь Добротовичевомь ни мѣсца не зна, гди є стояо.)

ИБРАИМЪ
(повѣсть Персїйска.)

Дугїй миръ и покой царствовао с у южной часши Персїе, зовомой Скирвану. Подъ благимъ скиптромъ правдолюбивога и доброга Владѣтеля уживали су Скирванцы щастїе, ное имъ с мудрость нѣгова подавала. Сви су Ибраима Княземъ Богоданымъ называли. Онъ с само посредствомъ закона владао, и ньима всемогуштество свое ублажавао. Подъ нѣговымъ покровителствомъ ишла є правда постоянымъ своимъ и непремѣнымъ путемъ. За щастїе само свїю и свакога живећи, знао є Ибраимъ неусипнымъ трудомъ землѣдѣлїе подићи, художества узвысити, и мудромъ рукомъ награждавати и казнити. А што є їоште већше дѣйствїе отъ самога награждавања и казненя производило, то є био примѣръ доброте и правдолюбїя,

кой є Ибраимъ са престола свога народу нѣга обожаваюћемъ подавао.

Но изненада и область Скирванъ стрепити почне. Тамерланъ, смѣлый онай освоитель, власть свою съ мачемъ далѣ и далѣ распростирући границамъ Скирванскимъ са великомъ войскомъ приближисе. Сви отъ неожиданогъ овогъ приключенїя преперну. И Ибраимъ види, да ће му рука Освоителя и Разорителя овогъ цѣло зданїе щастїя народнѣга срушити, кое є онъ са толикимъ трудомъ сазидао био. Берже болѣ заповѣди Поглаваромъ царства, да се сви скупе, да се съ ньима о найбольїимъ средствамъ договори, коима бы народъ свой отъ порабощенїя спасао. Османъ, верховный Повелитель надъ войскомъ овако говорити почне: „Государу! съ оружїемъ само бѣду ову отъ насъ удалити можемо: Нека само дойде, превысокоумный тай Тамерланъ; овде ће граница освоенїямъ нѣговымъ быти, мы сви готовы есмо, кровь нашу за Те пролити. Тамерланъ ће овде искусити, како є тежко, народъ онай покорити, кой се за Владѣтеля свогъ жертвуе.“

Усбекъ, Сохранитель сокровища кралѣвскогъ устане, и овако говорити почне: „Я самъ первый Кралю и Государу мой! кой ћу животъ мой за Те и за Отечество жертвовати,

како само всеобще благо жертву ту узиште. Но како се мы надати можемо, да ћемо войску толикимъ побѣдама веће увѣнчану и опїену съ шакомъ наше войске узбити, коя се толико време у миру находећисе отъ воеваня отучила. Мы бы требало миръ да желимо, кадъ бы знали, да ће намъ га Тамерланъ дати, а насъ све подъ иго робства не метнути. Я никаквога другогъ средства не знамъ, но да бѣгамо. Ты упеци съ сокровищемъ Твоимъ у тудьу землю, и мы ћемо сви за Тобомъ, Государу! ити, кудъ насъ Ты узведешь. Тамерланъ се неће дуго у земльи праздной задержавати, онъ ће опеть на нова освоенїя ити, и ако мы у малому опстоянїю будући бурю ову, да пройде, пропустимо, то ће намъ, може бити, небо вышнъ дозволити, да се опеть у обыталища Праотаца нашыхъ повратити можемо."

Сви присутствующи мыслили су єданъ овако, другїй онако. Єдныи су мыслили, да сили нападника силомъ противустану, другїи су держали, да ће найболъ бити, изъ Отечества своегъ изселитисе. Ибраимъ найпосле распру ныну съ овымъ рѣчма оконча: „Я похвалюемъ храбрость и дерзновенность, коя за содержанїе престола ни живота своегъ не штеди, и у среди бурѣ ове утѣшава ме любовь ваша, о коїой сам

сада новъ знакъ получїо; но я то допустити не могу, да се кровь народа могъ, кровь мени тако драга, за мене пролива. Бѣгство бы мене испинда спасти могло, но оно бы гнѣвъ и ярость Тамерланову їошше већма поджегло, и гнѣвъ бы се нѣговъ їошше већма на оне излїо, кои бы овде заостали. Благодаримъ Богу єдинному, кой ми є друго средство дао, коимъ ће се бытїе и содержанїе свїю насъ издѣйствовати. Скоро ће-ше све искусити.“

Соборъ се разидье, и Ибраимъ найбогатїе поклоне преправи, съ коима є Тамерлану на суретъ изити, и со шимъ нѣга намолити хотѣо, да му само народъ пошшеди. У двору Тамерланову было є утверждено, да сви поклони, кои бы му се доносили, числомъ девешь быти мораю. Тога се садъ и Ибраимъ держао, и Тамерлану девешь златомъ и бисеромъ искићеныхъ коня, девешь препитомлѣныхъ ловитви обученыхъ и са златны ланцы извѣшаныхъ Леопарда, девешь найкрасніихъ индїйскихъ понява удивителнымъ художествомъ начинѣныхъ, девешь златныхъ драгимъ каменѣмъ украшеныхъ сосуда, и толико свиленныхъ златомъ и сребромъ испканыхъ шатора съ многимъ другимъ поклонма поднесе, коима су художество и рѣдкость велику цѣну подавала. Найпосле му и нѣколико ро-

бова, но само 8 ньи изведе. А гди Ти є деветїй робъ, запыта га яростно Тамерланъ. Ево га, отговори му Ибраимъ, у самому мени, со шимъ предъ Тамерлана на колѣна клекне: „Никадъ нећешь Тамерлану! вѣрнїега и покорнїега роба имати отъ мене, окови ћею се мени лакїи чинити, ако съ ньимъ окове съ народа могъ скинути узмогу. О добаръ є то народъ! и на мою главу гнѣвъ Твой да се излїе.“ Тамерланъ рѣчи Ибраимове саслушавшїй величественность пожертвованїя Ибраимова ощути, и рекне му: тако велика добродѣтель не треба у одѣлу робскомъ да иде. Ако ме за пријателя Твогъ узети усхтѣшь, то ће ми любовь Твоя мѣсто отчине и брапинске любве быти. Иди Ибраиме! Твомъ народу, и гледай, те га и у напредакъ щастльивымъ чини. Кадъ мене судба моя на освоенїя вукла не бы, то бы мени найвећа моя слава была, Твомъ примѣру слѣдовати.

ТАМЕРЛАНЪ.

Тамерланъ, Царъ Тартарскїй быо є безпрекословно найвећшїй, найнеукротимїй, и за кровлю чловѣческомъ найжедньй Освоитель овогъ свѣта. Онъ є све съ освоенїя на освоенїе ишао, и щастїе му є свуда добро служило. Кадъ бы

градъ каковъ обколѣвао, то бы первый данъ бѣлу хоругву — барякъ — на шаторъ свой изнео, за знакъ, да є готовъ, съ оныма, кои му се предаду, благо и милостиво поступаши. Супрадань бы на шаторъ свой червенну хоругву забоо, и со тимъ означїо, да кровь чловѣческу захпева, но да ће се само са смертїю Управителя и Началника, и оттмѣнитихъ Офїцїра обколѣна града удоволити. А трећїй дань развїо бы черну хоругву, за знакъ, да ће све житељ града безъ свакога изятїя погубити, и градъ съ земльомъ сравнити, и коимъ му драго начиномъ градъ тай освоїо. — Кадъ му се градъ єданъ у области Коразанской, у Асїи измежду мора Каспїйскогъ и Татарске, противїо, заповѣди Тамерланъ, да се цѣо гарнизонъ 2000 Войника силанъ у дубоке яме бацы, каменѣмъ и кречемъ поспе, тако живъ закопа, и по томъ коньма расдрузга. Изъ блата тога више кула сазидати даде, да бы со тимъ воспоминанїе побѣда своихъ вѣчнымъ учинїо. — Кадъ є у область Испаханску такожде у Асїи и Персїи упао, назначи цѣну свакомъ, кой му главу Персїанина єдногъ донесе. И тако му Татари нѣговыи више отъ 70,000 глава донесу; главе ове Тамерланъ све єдну на другу наслаже, и со тимъ знаменїе побѣде остави. — Неисчислимо множество робова, кое

в, сватда са собомъ водїо, учини му се, да войсцы нѣговой пагубно быти може: зато своима дозволи, све да ихъ побїю. Сто тысяща Индїанаца было є у равницу єдну велику сатераю, и ни часъ єданъ прошао ни є, а сви су погублѣныи были. — У престолномъ граду Индостанскомъ, у Делхїю, све Житељ, безъ изятїя и безъ разлике вѣка и пола удавити заповѣди, а градъ савъ спали. — На градъ Мирту ударїо є онъ на юришъ, и заповѣдїо, да се сви Обожатељи сунца на огню спале. — Кадъ є тако Индїю већ освоїо, окренесе къ Сирїи иъ граду Байди, кой се прошивъ нѣга узбунїо быо; све Житељ превеликогъ овогъ града, 800,000 ньи удави, и градъ до основанїя разори. — Но Грецы му летенъ нѣгово побѣдоносно прекрате; на Греке є онда Баязитъ, Турскїй Императоръ, пошао быо, Грецы Посланнике Тамерлану пошлю, и моле га, да имъ у помоћ прошивъ Турчина дойде, кой є Цариградъ. — Константїнопль — обколїо быо. Тамерланъ Баязита позове, да отъ града отиде, но Баязитъ то не учини, и Тамерланъ на нѣга пойде. Обе войске састанусе год. 1403 у равница Анцырскихъ у Фригїи: и ту се найужаснїя битва започне. Баязитъ буде побїенъ и заробльнъ. Высокоумный Побѣдитель даде у окове метута Юнака Баязита предасе

довести; дуго и остро на нѣга погледавшій свое Дворяне запыта: „Єли то гордый онай Баязитъ, кой се усудїо, мени противитисе?“ — „Я самъ тай, отговори му Баязитъ, и непристои Ти се Тамерлану! мени да се подсмѣваш, кога є щаспїе изневѣрило.“ Тамерланъ га далѣ запыта, шта бы онъ съ нимъ радїо, да є нѣга какогодь ухватїо. Баязитъ му отговори, да бы га у кавезъ єданъ какогодь птицу какву затворїо. Тамерланъ заповѣди, да Татари Баязита таки у кавезъ затворе, и мервама хлѣба рaане. Кадъ бы годь Тамерланъ на коня уседао, свагда бы му кавезъ онай съ Баязитомъ доносили, и Тамерланъ бы му се свагда ругао, ногомъ о главу нѣгову отупреосе, и тако на коня узяшїо. Баязитъ поликимъ поруганїяма огорченъ у отчаянїе падне, и главу тако о твоздье ударати почне, да ю є сву разлупао. Приключенїе ово нимало Тамерлана подражило ни є, но онъ їошше Баязитову Султанку (кѣерь Кнеза Сербскогъ Лазара и Милице Милеву:) натера, да га до кукова гола нага около трапезе као робкиня служи. Тамерланъ є весма спаръ умрео, 36 година кровождынымъ скиптромъ владѣвшїй. Половина свѣта, кою є онъ ограбїо, опустошїо, и сажегао, проклињала є Тамерлана, бичемъ своимъ называ-

ћћи га, коимъ є небо гнѣвно грѣсы преиспунѣно человѣчество казнити, и за столѣтїя отъ грѣха очистити хотѣло. Тамерлановъ символъ быо є овай: „Престолъ євладѣтеля єдногъ онда само постоянъ и безбѣданъ, кадъ около нѣга мерцы леже, и ноге нѣгове у крови человѣческой стое.“ — (Читай благонаклонный Читателю! повѣсть ову живота Тамерланова; проли сузу топлу страдавшему человѣчеству, и цѣни и уважавай ова времена, у коима подъ благимъ скиптромъ владѣтеля нашыхъ живимо!!!)

РОБОВИ.

ГЛАВА ПЕРВА.

Октавїй Негроніїй быо є славанъ Адвокатъ у Неаполю. Супруга му рано умре, и двое дѣце, Сына Франческа, и кћерь Росалію по себи оставши. Росалїа є онда у десетой години была: као цвѣтаюћа любичица лѣпа и красна, душа є нѣна обыталища свога са свимъ достойна была. Отацъ Росаліїнъ имадяше сестру здну у Палерму, зѣло богату удовицу; сестра та поиште Росалїю къ себи; Отацъ посла довольно кое у собственны свои кое у тудьи дѣлы имаюћи радо и радо сестри своїой Балбїнїнїцы — тако се удовица та звала — удовлетвори, и Росалїю їой, аки Тетки своїой радо преда: Балбїнїнїца Росалїю са великомъ радостю и нѣжностю прїими и до-

чека, она їой є морала мѣсто сына нѣногѣ Антонїа быпи, Антоній є пре тога на дуго времеу Леванту отишао быо. Будући да є мужѣ Балбїнїнїчинѣ трговацѣ на гласу быо, и са Енглезы и сѣ Француэы трговину велику водїо, по є Балбїнїнїца довольно прилике имала, духѣ свой просвѣтити: со симѣ и сестричини своїой Росалїи воспитаніе много болѣ пода, негол' што є онда у Сїцїлїи обычно было, кѣеремѣ своимѣ подавати. Ни єдно поученіе нѣно Росалї а пропустила ни є, да га не запамти. Душа є нѣна разумомѣ, какогодь и пѣло лѣпотомѣ и красотомѣ, непрестанно сазрѣвала Но Балбїнїнїца, втора мапи Росалїйна, суву болесть добїе, и данѣ по данѣ већма и већма венути почне: между тимѣ се и Антонїй изѣ Леванте напраѣ врапи. Основанїя єднака, воспитаніе єднако подѣ надзирателствомѣ Балбїнїнїце и Антонїю и Росалїи подано, сообращеніе и састанакѣ повседневанѣ, све є то у оба ова млада сердца толико дѣйствовало, да єдно за другимѣ чезнупи почну, и да се єдно у друго залюбе. Балбїнїнїца є то добро примѣтила, и ни є хотѣла обое њи скорбити, препятствующи имѣ, да се нелюбе.

Балбїнїнїца се отѣ дана до дана више и више смерти приближавала. Дѣца су неире-

сиянно около нѣ была, приспѣ їой и данъ и часъ умерлый. Антоній и Росалїа неутѣшимыи при кревету нѣномъ горко плакаху, у сузама за тако благомъ матеромъ утопляваюћисе. Мапи осетивши, да їой се часъ издыханїя приближуе, подигнесе мало, руке обоихъ узме, и саставивши ихъ рекне имъ: я самъ на васъ дѣцо моя! позорствовала, Вы се любите, любовь та Ваша желанїе мое послѣднѣ испунява, кое ми є їошше овогъ свѣта заостало: отпре самъ Ти Росалїе! Отцу Твому писала, и онъ дозволява, да се Вы союзите. Кадъ се на момъ гробу веће исплачете, а Вы се онда вѣнчаште, и будите єдносъ другимъ срећныи. Я вамъ довольно наслѣдствїя по мени оставлямъ; о да бы га за дуго и са благословомъ уживали. Отацъ твой Росалїе! ни є богатъ, но я самъ му у тестаменту момъ 6000 цекина оставила, да ихъ ужива; сумма ће та после смерти нѣгове сыну нѣговому, а твомъ Брату Францеску припасти. Ни є Вамъ то противно?

Антоній и Росалїа падну їой около врата, плакаюћи сузе жалости и благодарности, кое осушене груди нѣне орошаваху. Другїй данъ мапи имъ умре, и пристойно погребена буде. Антоній и Росалїа Отцу свому Октавїю смерть матере свое обяве; и О-

ктавїй сына свога Франческа у Палермо пошлѣ, наслѣдствїе оно речено мѣсто нѣга да узме, и Росалїю у Неапель да доведе: Октавїй бы самъ у Палермо отишао био; но костоболя му не допусти, да се на море навезе. Антонїй є веће пунолѣтанъ био, зато є волю послѣдню матере свое таки у дѣйствїе привести могао: и после нѣколико седмица са невѣстомъ своїомъ Росалїомъ и са братомъ нѣнымъ Франческомъ на малтїйску єдну галїю навезесе, коя є у Неапель иѣи намѣравала.

Тек' што се галїа на море навезе, а противанъ вѣтаръ дуне, отъ стазе ньине отбацы ихъ, и къ иримориїю Афрїканскомъ оттера. — По приморїямъ тимъ пловїо є Корзаръ или морскїй разбойникъ єданъ Трїполїтанскїй — изъ Афрїке —; овай на галїю ньину смѣло и жестоко удари, и шестъ часова съ ньима борившїйсе, Капитана галїе съ повећшомъ частю ладьара нѣговыхъ убїе, и галїю освои. Антонїй и Франческо борилисусе покрай Капитана галїе исте съ таквомъ храбростю, или паче съ таквымъ отчањїемъ, да имъ се самъ Корзаръ, аки побѣдитель ньинъ, чудїо и дивїо; но и они найпосле кровїю покривеныи падну, и Корзари притерче, да ихъ посѣку: побѣдитель пакъ храбрость ньину по досполнїю уважаваюћи нѣколико отъ

ныхъ собственномъ своїомъ рукомъ изсѣче, показуюћи имъ, да се противъ немощныхъ и слабыхъ ополчавати не треба, толико є Корзаръ тай храбрость ныну уважавао. Таки заповѣди, да имъ се ране привїю. Росалїа є между тимъ у ладьи безсовѣстна лежала; и Корзаръ Селїмъ къ ньой дойде. Видећи ю чисто се окамени. Кадъ бы Ангели умирати могли, то бы у часу своимъ смертномъ Росалїи подобныи были. Очи су їой затворене быле, власи черне као углѣнъ, часть єдну образа нѣногъ осѣнаваху, и бѣлину нѣгову узвышаваху. Селїмъ никакове друге страсти кромѣ войне, и никаква друга добра, кромѣ злата, не познаваюћи, Росалїю ни за што друго ни є держао, но за добитъ само неоцѣниму, за кою треба да се стара, да ю обдержи. Таки заповѣди, да се у собу погинувшегъ Капитана унесе, и у нѣгову постелю метне. Мало по томъ Росалїа пробудисе, и очи оттвори: гди су? гди су? живе ли їоште или не? то су їой перве рѣчи быле, кое є мало къ себи дошавши єзыкомъ заплетаюћи изговорити могла. Селїмъ є веће дознао быо, да є єданъ отъ тихъ юнака обручникъ Росалїйнъ, а другїй братъ нѣзинъ. Зато їой сада отговори: живе они їоште, живе, ран ньине нису тако смертоносне, и скоро ћешь ихъ видити. То їой та-

Аїанскимъ єзыкомъ рекне, мало на страну отиде, и после єдне четверти часа съ обойцомъ у собу къ ньойзи дойде. Антоніїи Франческо были су мало само у главу ранѣныи, но будуѣи да су се тако дуго борити морали, и много крови изгубили, то су у несвѣсть пали были. Обойца кодъ постелѣ Росаліїне на колѣна падну, єданъ єдну, а другіїй другу руку нѣну ухвате, любити ю почну, и сузама, топлымъ сузама орошавати непрестану. Не бойтесе, рекне имъ Селїмъ, добро ће Вамъ кодъ мене быти, я само оне робове продаемъ, кои самыи себе откупити не могу: но о томъ ћемо се у Трїполи разговарати. Блѣда луча надежде ланите — образе — Росаліїне орумени, а Антоніїи Франческо на колѣна предъ побѣдителя падну, и ноге му цѣливати почну.

Навезусе на море, и петъ дана пловивше у пристанище Триполитанско подъ градъ Триполи приспѣду. Пуцнява топова са тврдынѣ жителѣмъ града пришествїе ладье обяви; множество Триполитанаца на брегъ изиде, ладју да виде. И Отацъ Селїмовъ, Омаръ, на брегъ поиди, да побѣдителя поздрави. Загерли га мѣжко и отечески, и побѣдоносно восклицаваюћи кући га отправи. Робови за ныма све два и два у гвоздју слѣдоваху. Само оба Сїцї-

лїанца Антоній и Франческо съ Росалїомъ безъ окова идяху; Росалїа є великимъ покриваломъ (Schleyer) отъ главе до пете покривена была. Цѣо спроводъ овай кући Омаровой дойде, и нове робове подъ затворъ метну, а Антонїа и Франческа са сестромъ њїовомъ Росалїомъ у прекрасну собу уведу. Селїмъ рекне имъ, да се на софу (канапе) єдну посаде, и заповѣди робовомъ, да имъ што за єло донесу. Между тимъ се Омаръ съ њима у разговоръ пусти. Франческо є няйманъ уморенъ био, и онъ на вопросе Омарове оправдати стане, мѣсто рожденїя, Фамїлїю и намѣреніе путешествїя свога искаже му. Омаръ то саслушавшїй къ Росалїи и къ жениху нѣномъ окренесе. Єданъ рѣчи Росалїйне пресѣцаше, и сузе деркћаюће отвѣте нѣне угушаваху. Небойсе, небой мила ћерко! рекне їой на то Омаръ, єви люди насъ варвары называю, истина, да су многїи отъ насъ имена тога достойныи, но єви га незаслужую. Между тимъ се воће и проча оправленїя за њи трое донесу, Омаръ къ сыну свому Селїму отиде, и турски позадуго се съ њимъ разговори: потомъ окренесе къ Росалїи, и рекне їой: Ты и Твои праїоцы єсте мои, сыиъ є мой васъ мени предао: при промѣни овой ништа изгубити нећете.

Сви трое на колѣна предъ нѣга падну; Росалїа му обшивъ кафтана нѣговогъ любити почне, и великодушїю нѣговомъ препоручисе. О разумѣмъ Те! разумѣмъ мило дѣте мое! отговори їой Омаръ, небойсе ништа, Ты ћеш другарица кћери мое быти, а овой ћу обойцы вручити, да ми зиданъ сеоскога дома мога надгледаю. Оди за мномъ. Сладкимъ удивленїемъ сви трое на Омара гледаху, сердца ныина у благодарителности утопливахусе. Росалїа красне руке свое къ небу подигне, о мати моя! о хранителю Мой! и овамо си Ты насъ прашила! Омару се то на жао даде, и єдва могаше сузу сакрыти, коя му око наводньи; за тимъ сужну Росалїю за руку ухвати и рекне їой: оди мила ћерко! я ћу Те къ Софани моїой — тако му се кћи нѣгова именована — отвести.

Кућа Омарова была є нѣколико само стопа отъ кућне Селїмове далеко. Антонїа и Франческа старомъ єдномъ Арапину преда, и заповѣди му, таки лѣкара да имъ доведе. Лѣкаръ овай быо є родомъ изъ Француске, и онъ є єданъ путъ Омару у робство пао; но после нѣкогъ времена Омара отъ тежке болести єдне излѣчи, и тако отпущенъ буде, у граду Триполи станисе, и отъ художества свога живяше. Лѣкару є тому Лафорсъ име было, онъ та-

ки къ Омару дойде, Омаръ му съ израженїямъ найтопліимъ оба ранѣника препоручи, да се за ньи подхвати, и надъ ньима лебди. То учинивши окренесе къ Росалїи, и рекне їой: ето! садъ нетреба, да се за ньи старашь, при томъ можешь ихъ и свакїй дань посѣщавати, што Ти долущамъ. А садъ айдмо къ моїой кћери.

ГЛАВА ВТОРА.

Кћи Омарова Софана была є прекрасна: живописацъ Кореджїо, да є лѣпоту праву описати хотѣо, морао бы ню за прописъ узети, у ньой бы идеалъ праве греческе лѣпоте нашао био. Мати є нѣна Гркиња изъ острова Корфа была, жена красна и блага, Омаръ ю є съ таквомъ нѣжностїю любїо, коя є у Варварїи Афрїканской дотле нечувена была. Софана, иста мати, любовь ту Омарову съ пуномъ мѣромъ наслѣди: Омаръ є само за ню живїо и дыхао; слава Селїмовогъ оружїа честь и удостоянїе подавала му є; но у сердцу Софанїйномъ праву є срећу свою налазїо, онъ є све драговольно чинїо, што є она само захтевала.

Омаръ съ Росалїомъ у собу нѣну ушавшїй рекне їой: ево Ти Софано Моя! другарице

едне. Софана сѣ налонѣ свое устане, и кѣ Отцу у обятїя потерчи; но до полѣ собе дошавши стане, и удивисе странномѣ и божественнокрасномѣ существу, кое сѣ Отцемѣ нѣнымѣ идяше. Іошть є непрестанно туга на лицу Росалїїномѣ была, їошть мназови суза нѣныхѣ са свимѣ осушеныи были нису. Но испыи тїи знацы невинности нѣне їошть угледнїомѣ чиняху ю: велико нѣно черно око на Софану умиляпый взорѣ бацы, и Софана, погледѣ такавѣ после матере свое никадѣ допле не видѣвши, сѣ пріятельностїю кѣ ньой приступи, и руку їой пружи. Непознанна сила Росалїю принуди, да малу крину бѣломѣ подобну Софанину руку кѣ персима своимѣ привуче, и топлу сузу на ню излїе. Софана то видећи кѣ Отцу побѣгне, и рекне му: Та дѣвойка ова плаче! тко є она? шта їой се то догодило?

Омарѣ (таліанскимѣ єзыкомѣ). Я се надамѣ, да ће їой Софана моя сузе нѣне обрисати и осушити. Она є са женихомѣ и са братомѣ своимѣ на ладьи оной была, што є Селїмѣ освоїо.

Софана. Немой сладка моя! плакати, у кући могѣ Отца нитко ни є несрећанѣ.

Росалїа. Я самь великодушїе нѣгово веће искусила; никадѣ заборавити нећу, шта є ме-

ни, цѣлали шестивенникомъ моимъ нещастнымъ учиніо.

Омаръ Може быти, да ћу Вамъ нѣкада и више учинити моћи. Давно самъ већ другарицу єдну кћери моїой тражїо, данась самъ ю ево нашао. По праву побѣде морала бы Ты робкињомъ моїомъ быти; но ако ми по вольи узидешь, то ће право то на Твою страну прейти, и окове Ти Твое скинути.

Омаръ потомъ отъ ньи отиде, и Софана съ найжалостивїомъ невинностю Росалїю замоли, да їой повѣсть нѣну приповѣди. Росалїа їой то учини, и када їой о соозу предстоявшемъ съ Антонїемъ говорити почне, Софана се у ню загледи, или паче очї о съ нѣ не скидаше; и изъ глубине сердца уздане. Утѣшисе добра сестро! рекне Росалїи! све ће боль быти. Колико имашь већ година?

Росалїа: Шестиадесеть.

Соф И већ невѣста? Я самъ сада четыриадесеть година, после две године могусе и я удати, онда ћу Отца могъ молити, да Те мени даде, а я ћу Ти свободу поклонити.

Роса. Уздышући — Добра и благодушна дѣвойчице! Кадъ бы Отацъ Твой новца отъ насъ узети, и насъ освободити хотѣо.

Соф: Отцу момъ новцы не требаю, онъ е

богатъ, и весма богатъ. Онъ є нѣкадъ робомъ био; но Господарь нѣговъ — Дей — омилуе га, и да кћерь свою за нѣга. То є мати брата моѓъ Селїма была. Я ю нисамъ познавала. Но моя, моя мати... о да си ю познавала, тако є лѣпа, тако добра была. Сад већ две године има како се у вѣчность преселила, и їошть єднако, Отацъ мой за њомъ тужи, никако ю прегорити и прежалити не може. Кадъ бы годь отъ дѣлъ своихъ куће дошао, свагда бы се покрай нѣ посадїо, и мене на крило свое метнуо, а мати бы му моя у струну — гитару — ударала, и талїански узъ свиралу пѣвала. Кадъ бы пѣсну свою и свирку совершила, свагда бы ю Отацъ мой полюбїо, и любимомъ своїомъ Єлє, номъ и добрымъ ангеломъ своимъ назвао. Знаш ли и Ты пѣвати, и у струну ударати?

Росал: Пѣвати знамъ, но братъ мой у струну много болѣ отъ мене удара.

Соф; Твой Братъ? То морамъ Оцу момъ казати, занста ће му мило быти, кадъ то чуе. Онъ весма радо струну и пѣсне талїанске слуша. Мати моя научила ме є нѣколико пѣсана, и често му ихъ пѣвати морамъ. Она ме є и много другихъ спиварїй научила, но то нитко другїй не смѣ знати. То самь їой се морала на умерломъ часу нѣномъ завѣщати.

На то Омарѣ у собу уйде, и вечерати почиу, по начину европейскомѣ на столице за прекрасну трапезу посадившїйсе. Росалїа є трећа до Омара сѣсти морала: никада се, вели Омарѣ, нисамь обвыкнути могао, да ми по афрїканскомѣ начину куваю, нити да ми опѣ патоса трапезу начине. Две богато обучене робкинѣ послуживалесу около трапезе. Росалїа є изъ свегъ поступания Омаровогъ искусила, да су двѣ ове служкинѣ само быле; но весма їой се чудновато высоко — и страхопочитаніе видило, сѣ коимѣ су ню служкинѣ исте послуживале. Валя да те, веляше Росалїа у себи, за повелителницу свою держе, о Боже! кадѣ бы слутенѣ то ньино основанно и истинно было. Страшна та помисаль погрузи ю тугомѣ, и отузме їой сву волю кѣ єлу. Островидящїй Омарѣ то є у очима нѣнымѣ читао. Да бы ю какѣ мало развеселїо, поведе разговорѣ о будущимѣ нѣнымѣ забавама; Ты си, рекне їой, отданась нераздѣлима другарица и шестьвенница мое кћери; она є отѣ добре нѣне матере таліански учила, желїо бы, да са свимѣ совершенна у єзыку истомѣ буде. Она истинна прилично говори, но читати слабо зна; у мене има разныхѣ книга, кое ће Ти при поучаваню Твому велику услугу чинити моћи: а будући да самь сѣ иностран-

ны трговцы добро познанъ, то прилику имамъ, число кньига истыхъ и умножити. На то му Софана каже, да Росалїа и пѣвати и у струну ударати зна: таки се заповѣди, да робкиня єдна струну нѣну донесе. Струна є ова, рекне Софана, матере мое была, хотѣла є и мене научити, у ню да ударамъ, но єдва самъ попервъ єдну пѣсну научила, кадъ ми се мати преставила. Свакїй дань морамъ пѣсну ту Отцу момъ да пѣвамъ, и докъ годь само жива будемъ, свагда ћу ю наймилїе пѣвати. Омаръ любве-полнымъ и отеческимъ погледомъ на ню погледи, и Росалїа, незнаюћи ил' да засвира, ил' да и непочинѣ, почне само перстыма гдикою тек' жи-цу дирати. Но на єданъ махъ рекао бы, да їой є самъ Ангелъ Хранитель храбрость и смѣлость улїо, омужисе, пѣсну єдну славулю подобно отпѣва, и у струну ако не са свимъ совершенно, а оно поне умилято и прїятно удари. Омаръ їой главомъ нїаюћи задовольствїе свое покаже, и яко се побуди. Софана їой образъ гладити почне говорећи: хоћешь ли и мене то научити? окренесе къ Отцу своему, и рекне му, и Братъ нѣнъ у струну удара, и їошть болъ отъ нѣ, дай и нѣга да чуемо. То ће моћи быти, отговори на то Омаръ, кадъ му се ране залѣче: Лѣкаръ ме увѣрава, да ће и онъ и Антонїй

за 14 дана са свимъ оздравити. Супра ћу Те Росалїо! къ њима опвести.

После тога є и више другихъ пѣсана пѣвати морала. Она є найпре у Омару страшилище само єдно сматрала, но видећи како съ њомъ поступа, сва та вообразїя исчезну; и кад ю Омаръ у собу єдну таки до собе кћери свое опведе, то се више уздержати ни є могла, но падне на колѣна предъ нѣга, любећи му руку нѣгову съ сыновнымъ высокопочитанїемъ и чувствованїемъ. Великодушный муже! рекне Омару заплетаюћи: не могу Ти довольно благодарити: но кадъ єданъ путъ, само после много година да буде, кадъ єданъ путъ на устїю гроба стоятти будешь, онда Ангелъ єданъ име Росалїе на уво да Ти прешапће, и дѣло ово Твое данашнѣ предъ Тобомъ у вѣчность да носи. Омаръ ю ћутаюћи съ землѣ дигне, и къ персима своима пригерли, суза топла низъ образъ нѣговъ сронисе; главу свою замотна, и берже болѣ на полѣ исперчи.

ГЛАВА ТРЕЋА.

Тихо и мирно преспавала є ту ноћ Росалїа, као што уморены ладьаръ после бурѣ на осъ-

нѣномъ брегу спава. Воображеніе нѣно сладко отпочиваше, и богу сновидѣнія служити не хтѣде. Тако є у безсовѣстности мирной дотле лежала, док' ю косъ на прозору — пенджеру — Софанїйномъ бывшій пѣванѣмъ своимъ не пробуди. Већ є луча сунца ютреннѣгъ покроваць персїйскїй озарявала, кой є постелю нѣну покрывао. Росалїа устане, и лупу нѣку у собици Софанїйной чуе: таки се обуче, и на перстыма до дверій собе дойде, крозь кое се у собу Софанїйну улази, и у кое є окно єдно уметуто было, свиленомъ завѣсомъ прикривено. Росалїа завѣсу ту полагано развуче, да види, єли Софана већ будна. Софана є веће будна и устала была; и у ютреннѣ лако одѣло обучена предъ столомъ — асталомъ — єднымъ отъ шимширова древета сѣдила. На столу тому было є огледало єдно, и зато є Росалїа мыслила, да є само столъ, при коемъ се Софана облачи. Но Софана, ледьа своя къ дверма окренувши, и Росалїю невидѣвши у перце єдно сакрывено дирне, и на мѣсто огледала образъ распятїя Хрїста Спасителя изиде. Росалїа позорїю овомъ зачудьена єдва дыхати смѣде. Софана предъ образомъ истымъ клекне, и молитву єдну тихо очита Устане потомъ на ноге, и образъ истый опетъ, као што є было,

намѣсти. Росалїа се берже болѣ на перстима кѣ постельи своїой повратн, у постелю легне, и после єдне четверти часа столицомѣ єдномѣ задерма, као да є онай часъ устала.

Софана двери оттвори, и видећи Росалїю, да є обучена, кѣ ньой дотерчи, и добро ютро пожели їой. Росалїа позоріемѣ торжественнымѣ видьенымѣ тронута руку Софанїйну узме, и изѣ цѣле внутренности полюби. Немой, немой, Росалїе! рекне їой на то Софана, руку свою натрагѣ тергнувши, Отацѣ мой казао ми є, да Те као сестру мою держимѣ: онѣ є бьио веће данасъ кодѣ мене, Ты си їоште спавала, нисмо те хтѣли пробудити. Отацѣ мой отишао є брата и любезника Твога да посѣти, а кадѣ дѣла своя сверши, онда ће Те кѣ ньима отвѐсти. Да видишь само, шта Ти є донео.

Узмусе подѣ руке, Софана ю у свою собу отведе, и ту їой три хальине преда, тако богате и красне, као што су и у Софане саме быле. При свакой хальини и по єдно закрывало быяше. Само робкинѣ, рекне Софана Росалїи, безѣ закрывала иду, а Отацѣ мой то неће, да Тебе овде за робкиню держе. Оди амо, я ћу Те обући. Росалїа се заустеза, то да не чини, но свевсуе, Софана ю є морала обући, и мѣ-

сто служкинѣ їой быти. Кадѣ се веће обуче, Софана ю предѣ огледало єдно велико отведе, єсамли Те, вели їой, добро обукла? Росалїа єдва сама себе познати могаше, и зарумениившисе Софани исповѣди, да їой єодѣло турско по вольи. Я бы радо присутствовала, рекне їой Софана, кадѣ Те Отацѣ мой брату и любовнику Твомѣ представи; како ћею Ти се зачудити?

Росалїа: А зарѣ то быти неможе?

Соф: Отацѣ мой мысли, да се то непристои, а то ми є весма жао. Кадѣ се они исцѣле, рекао ми є, онда ћу ихѣ обойцу видити.

Рос: О како самь я у несрећи моїой срећна: никадѣ нећу доброту благородногѣ Отца Твога заборавити.

Соф: Я самь Ти їошть ючерь казала, да є онѣ добарѣ. Кадѣ ми є мати моя умрела, све є њне робкинѣ освободїо: то већ братѣ мой учинїо на бы, опѣ є ютрось овде быо; молимѣ Те само... но забранѣно ми є казати, шта є Отацѣ мой за Те и за Твоя два друга платїо.

Рос: Надамсе, да ћу то дознати, надамсе, да ћу и њему и кћери његогой доказати, да благодѣянїа своя неблагодарномѣ существу указали нису.

Соф: Немыслимъ, да си намѣрила, намъ за любовь нашу платити?

Рос: Не! не! божественна душо! о Боже! таковъ цвѣтакъ дао си на овой земльи да процвѣта, кою толике сузе орошаваю.

Соф: Не разумѣмъ Те. Заръ Ты мыслишь, да у Твому само отечеству добрыхъ людїй има? и мой Отацъ єсть изъ Твое землѣ (полагано) и онъ є био Хрїстїанинъ. Но ни є, као што и сама видишь, и као Турчинъ, горїимъ постао.

Док' су се ныи две тако разговарале, между тимъ и Омаръ дойде. Росалїа єъ великимъ страхопочитанїемъ предъ нѣга изиде. Омаръ за нѣколико магновенїя съ отеческомъ пріятельностію на ню погледи, а потомъ ю ѣутаюћи у чело полюби. Росалїа му благодарити хтѣде, но онъ ю предвари, и рекне їой: покри лице Твое Росалїе! мы ћемо къ нашымъ болестникомъ ићи. То Ти їошть садъ казати могу, да се добро находе.

Росалїа са Омаромъ крозь великїй вертъ идяше, на краю нѣговомъ стояо є красанъ домъ єданъ. У дому овомъ живила су оба госпа — ибо ихъ робовима назвати не можемо — у прекрасной єдной соби, прозоре нѣне вїнова лоза осѣняваше. Присутствїе Омарово ни є могло Росалїю задержати, да часъ Брата, а

часъ любовника свога не загерли и не полюби. И да то учинила ни є, тежко бы ю обойца познали были. Зачудесе обойца, ню у таквому одѣлу видећи, но чело Антонїево мало намершитисе. Омарѣ то примѣти. и запыта га, зашто се тако снуждїо, зарѣ Ти ни є по вольи, што Росалїю єднако, као и кћерь мою держимѣ?

Антон: Опрости ми Господине! Мени є за дивно чудо: Росалїа є..

Омарѣ: Твоя невѣста, о коїой ћешь вѣровати, да є добродѣтельна, док' Те не принудимѣ, и о моїой добродѣтельи да се увѣришь.

Антон: — Руку Омарову ухвативший — Непонятно: заиста самь о ньой увѣренѣ, и док' годь сердца узимамѣ, свагда ћу Те, найблагороднїй мужу! благосиляти.

Омарѣ га по рамены удари: у любвеполномѣ нѣговомѣ погледу первый слогѣ велике тайне лежаше. У єданѣ путь се кѣ Франческу окрене: Гледай, вели му, ше нито скорїе оздрави, моя кћи жельна є, да Те чуе, како у струну ударашь. Я ћу на посао у село мое изићи, и ово вече опеть ћу натрагѣ доћи. Между тимѣ ће Росалїа кћерь мою учити, после єдногѣ часа дойти ће робкиња єдна по ню.

Со тимѣ ихѣ Омарѣ остави, и Росалїа

Аншонїю и Франческу повѣсть вечера ючерашнѣгѣ и ютра данашнѣга искаже. Съ удивленїемъ великимъ повѣсть нѣну обойца слушаху, и када имъ о потайномъ ономъ Софанїйномъ огледалу казывати поче, обойца се као иза сна пробудише. Сада знамъ, шта є и како є, рекне на то Антонїй, Омаръ є їошше пріятель старогъ свога вѣроисповѣданїя. Или сада великодушїе или покаянїе сердцемъ нѣговымъ владаю, шако се свему опъ рѣдкога мужа тога надапи можемо, Взаимно часъ на перси любезника, часъ на перси брата свога налажѣшсе, услаждавашесе Росалїа изгледы, кои їой се у будуще показываху. Надежда ю у наймилїя вообразїя заведе, надежда їой помогне у будущность гледати. Велика є то за мене срећа, рекне Антонїю свому, да решетке и зидови нову повелительницу мою опъ Тебе сакриваю: иначе бы за судбыну любве наше стрепити морала. То рекши съ непреводимымъ ображенїемъ Софану свою опише му, и повише се при описываню внутренъ нѣне лѣпоше, негол' при внѣшнымъ побужденїямъ нѣнымъ задержи: и їошть съ описанїемъ тнмъ готова не буде, а Надина — робкиня єдна — у собу уйде, и къ Софанию позове.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТА.

Ране Антоніеве и Франческове дань на дань већма и већма залѣчивахусе, свакій дань имала є Росаліаньима или ноѣ знакъ доброће покровителя ньиногъ, или честный карактеръ сердца Софанійногъ приповѣдати. Чувствительно нѣно и благо сердце, развіяюћејсе ружи подобно, све се више и више расцвѣтавало, и себе срећнымъ чувствовало, што се єдно существо добро нашло, кѣ коему се прилѣпити могло. Пріятельство слабо када дворове, и монастыре посѣћује, а іошть рѣдше у памныце златне харема турскогъ улази: но срећа за обыпательнице нѣгове, те є и оно сердцу ньиномъ отъ потребе. Сердце Софанійно благо, чисто и меко было є са свимъ за пріятельство створено. У персима нѣнымъ почивала є симпатіа нѣка кѣ человѣчеству, кое ни она сама знала ни є. Мати нѣна, кћи Свещенника єногъ греческогъ, у робство падша, перве искре пріятельства светогъ у сердцу Софанійномъ подпалила є: сердце Софанійно требало є пріятельску душу гди да упази, и веће се таки ньойзи са свимъ предавало. Іошть ни цѣла седмица прошла ни є, и веће є союзъ сестрински између нѣ и Росаліе заключенъ было. Софани

се чинило, као да є съ Росалїомъ єдномъ сисомъ одоена, и довольно се начудити неможе, како су тако дуго єдна отъ друге далеко живити могле.

Омаръ є на союзъ тай ньимъ съ великимъ удовольствомъ мотрїо, и чинїо се, као да на ньи и непозорствуе. Онъ бы кадкадъ при обучаваню ньиномъ бывао, и радоваосе како ревности учитељнице, тако и неусыпномъ труду ученнице: као да є она цѣло богатство вѣжества свога у єданъ дань исчерпсти, а ова га у єданъ дань себи прискорбити хотѣла. Читаюћи књиге славнѣйшыхъ Списателя Таліанскихъ, Петраркине и Метастасїеве духъ ньинъ сердце Софанїйно вдохновляваше, и када бы Росалїа изъ књига истыхъ по кое мѣсто съ одушевленїемъ читала, свагда бы се око Софанїйно отъ радости сїяло, или красна суза низъ образъ їой се ронила. Изъ Списателя Тасса избирала бы Росалїа свагда она само мѣста, коя су побудителна естественна позорїя, или высока чувствованїя добродѣтељи описывала, а она бы попечително избѣгавала, коя бы Софани као Маомеданки зазорна и соблазнителна была. Росалїа бо ни є хотѣла Софани открыти, да ю є примѣтила, како се предъ образомъ распетога Спасителя Богу молила. — Омаръ є све то при-

мѣчавао, но и невѣштѣ ихъ се чиніо, и често є младой учительницы кћери свое показывао, да є съ поучаванѣмъ нѣнымъ задоволянъ.

Росалїа при свемъ томъ умилномъ и прїятномъ послу и на дѣло їоште прїятніе, на посѣщаванѣ своихъ другова заборавила ни є. Они су їой сладко отдохновеніе бывали, и свагда се отъ ныихъ веселїя куѣи враћала, видећи, да є ныима отъ дана до дана болѣ. Антонїй є Лѣкару своѣ Лафорсу писмо єдно, вручїо, да га у Палермо отправи: у писму є первымъ своимъ сродникомъ нещастїе свое, явїо, и ныихъ преклиняо, да нѣга и другове нѣгове што скорїе искупе. Лафорсъ писмо исто Омару преда, и овай му препоручи, писмо то да отправи, праведно є, вели, да Фамїлїа нѣгова некуси, у чїе су руке пали. Писмо то Лафорсъ Капитану Дубровничке — Рагузанске — єдне ладье преда, ладья є ова намѣравала у Ливорно полазити.

Между тимъ се оба прїятеля совершенно излѣче. Франческо никаковогъ знака рана своихъ ни є имао, све су на верху главе быле. Но Антонїю є язва мала на челу остала была. Онъ се съ знакомъ овымъ храбрости поносїо, ибо га є любу свою защищаваюћи и бранећи добїо было. Када га є Росалїа первый путъ безъ за-

воя упазила, у обятїя му полети, и язву нѣгову румену полюби. Любимый Мой! рекне му, у сладкомъ восхищенїю, вѣнцы лаврови сушесе, и рука судбыне саме круне царске расдрусгава; но ово украшенїе Твога чела єсть печатъ союза нашегъ, кой никадъ пройти неће. Я га у момъ сердцу носимъ, никакова сила человѣческа, ни сама рука смерти неће ми га оттергнути.

И Софана є радость Росалїйну, што су Антонїй и Франческо оздравили, съ њомъ дѣлила, и тако Отцу свому желю свою повтори, да бы рада была, Франческа чути, како у струну удара. Омаръ Росалїи єданъ путъ при трапези рекне: сутра ћемо Твога Брата чути, како свира, кадъ съ Надиномъ къ нѣму пойдешь, немой заборавити, и струну нѣгову да му понесешь. Росалїа му на то рекне: таки ћу му ю у ютру послати, о како ће му мило быти, када струну свою опеть види; а нуждно ће му быти, да ю мало преправи, и да се найпре їошште мало упражньи, давно веће ни є у ню ударао. Росалїа то рекши ни є могла да не уздане, опоминяюћисе прошастыхъ времена, и чувствующи садашнъ свое станъ. Омаръ на ню любвеполно погледи: о любима кћери! добро у Твомъ сердцу я видимъ, да се Ты скорбишь, но скорбъ Твоя мене не вре-

дьа: буди само терпѣлива, дойти ће време, да ћеш се робства Твога сь радостїю опоминяти. Со тимь ю умилято по ланити — образу — заруменѣной удари, и отиде.

Супрадань на вече сь обе дѣвойке, и сь Софаномь и сь Росалїомь кь болѣстникомь отиде. Обе су биле закриваломь покрывене, и само єдно милокровно и весело око Софанїйно исподь закрывала се видяше, око є то огледало душе нѣне было. Напредь су две робкинѣ, Надина и Фатма, са шербетомь и сь прочима опоравленїяма ишле, и обойцы пришествїе посѣтителя обявиле. Росалїа ихь є пре тога їошть научила была, да бы противь обычая маометанскогь учинили, кадь бы турской жени безь дозволенїя у очи погледали. Кадь є Омарь са Софаномь и сь Росалїомь крозь верть ишао, почне Францеско у струну свою искусным перстомь ударати. Софана у умиленїе дошавши стане, никадь допле такве свирке чула ни є. Согласїе свирке и нѣныхь гласова сва нѣна чувства плѣни. Мало по мало Франческо у тихе и умилне гласе заведесе, кои у сердцу Софанїйномь отзываху. О како є то лѣпо, какол' красно милый Отче! рекне Софана Омару: айде кь ньима да уйдемо.

Како у собу уйшу, оба пришелца предъ ньи изиду, и съ высокопочитаніемъ. Омару и нѣговой кћери поклонесе. Франческо є спруну у руку держао. Не пребамъ Ти, рекне їой Росалїа, казати, кое є Братъ, кое ли любезнилъ и женихъ мой. Обойца доброту Твою къ мени познаю, какогодь шшо и великодушїе общегъ нашегъ Благодѣтеля, Отца Твога познаю. Софана є ћутила. Благородный спрукъ Франческовъ занимао є нѣне очи, кое су допле кромъ Отца и Брата нѣногъ све саме Арапе видяле быле. Свирай, свирай Франческо! рекне Омаръ свирачу, мы смо дошли, да Те чуемо, како свираш: со шимъ кћерь свою и Росалїю за руку узме, и съ ньима се посади. А Теби Антоніе не преба, рекне Омаръ, мѣсто Твое да Ти покажемъ, на Росалїю указуюћи. И Франческо нѣколико пѣсана узъ струну отпѣва, и сестра му помогне. На лицу Омаровомъ веселїе є изваяно было. Софана ниш' є што чула ниш' видила, кромъ пѣвача и нѣгове струне, ниш' є съ нѣга очїю своихъ скидала. По полъ часа заповѣди Омаръ робкинямъ, шербетъ и проча опоравленїя свакомъ редомъ да даду. Кадъ є Росалїа пѣвала, бацыла є закрывало свое преко главе, Софана є їошше закрывена была. — Омаръ їой ябуку єдну пружи, и рекне: и Ты

можешь закрывало Твое оставити. Софана тако и учини, и Антоній и Франческо съ восхищеніемъ образъ Софанійнъ, красанъ као лице зоре увиде, изъ черта лица Софанійногъ небесна невинность и небесна доброта просвѣтляваху.

Да є Франческо тада свирао, то бы му струна изъ руку испала была, тако се лѣпоти и невинности Софанійной зачудіо быо. Очію своихъ са нѣ скидао ни є, но Росалія му намигне, и тако къ себи дойде. Заруменѣнъ савъ очи свое спусти, и у струну гледаюћи пѣсну Софани наймилію отпѣва, кою му є Сестра пре їошть сообщила была. И Отацъ и кћи умиляшо єдно друго погледаху, и обое заєдно милокровно на Росалію очи баце. Но кадъ Росалія съ Братомъ заєдно пѣсну єдну пѣвати почне, обое зѣло восхищеныи буду. Пѣсна та гласила є овако:

У потоку бистровидномъ силногъ Цара кћери
Ловила є сипну рыбу до саме вечери.
У мрежицы три рыбице пребѣле извуче,
Све три рыбе уловлѣне жалостно се пруће.

Перва рыба предъ Княгиньомъ на перая клекне,
Тужнымъ гласомъ и плачући ово ньойзи рекне:

„Отпусти ме, ахъ да идемъ вѣрной Сестри
моїой,“
„Я бы за ньомъ све тужила у водицы Твоїой.“

На то ньойзи та Княгиня ове рекне рѣчи:
„Не губисе, нити вени за ньомъ так' тужећи,“
„Я ћу Теби заступити те Сестрице нѣж-
ность,“
„Кодъ мене ћешь зато остат' на велику
радость!“

А втора се рыдаюћи предъ Княгиньомъ пружи,
Говорећи: „Свѣтла Круно! Женихъ за мномъ
тужи,“
„Несрећанъ є онъ безъ мене, све єднако плаче,“
„А зато се мое перси на жалость привлаче.“

На то рыби царска Кћери ово отговара:
„У моїой ћеть Ты барицы себи наћи пара,“
„Любезникъ ће овай Теби и превѣранъ быти,“
„Зато с' немой за прошастымъ тако ни скор-
бити.“

Жалостиво и послѣдня тужно ахъ! уздане,
И овако царской Кћери молитисе стане:
„Отпусти ме Отцу моему, увы мене тужне!“
„Плакапи ћу ядна за ньимъ безъ подпоре
нуждне.“

Тимъ тронута царска Кћери мрежу ньой от-
твори,
Уздышући изъ свег' сердца рыби отговори:
„Никако Ти Отца Твога замћнит' не могу,“
„Зато Т' ево и оппущамъ, и даемъ свободу.“

Софана пріятельицы своїой Росалїи у об-
ятїя падне, Омаръ є зѣло восхишенъ быо. Ви-
дит' ћемо, рекне имъ, не могул' Вамъ я како Отца Вашегъ замћнити. Просвирай гласъ тай їошть єданъ путъ, рекне Омаръ Франческу, после ће моя кћи нѣну пѣсну опитѣвати. Софана чуюћи да и она пѣват' мора, смутисе, но Отацъ їой камигне, и она се охрабри; шпо є више пѣвала, то є све то више цѣло содружество чистымъ и славулѣвымъ гласомъ заузимала: и кадъ већ у-
ћути, Франческо недвижимъ и нѣмъ съ струномъ своїомъ у руцы стояше. Росалїа му стру-
ну изъ руку узме, и Надини служкиньи преда, примѣтивши, да се Омаръ оплазити справля. Обе дѣвойке закрывало свое навуку, и за Ома-
ромъ пойду. Омаръ при походу свому и Ан-
тоніїю и Франчеєку руку списне, и ни рѣчи не рекши, на двери пойде. Софана є за єдно магновеніе ока їошше стояла, ништа не говоре-
ћи, на ньой се то добро видило, да се сама съ собомъ борила. Но охрабрившисе, рекне Фран-

ческу: хвала Ти Франческо! велику си ми радость приузрокова: то изрекши Отца подъ руку узме, и оиде.

Цѣо ньинъ повратакъ безъ разговора пройде; Омаръ дубоко замыслѣнъ чиніосе путешественица своихъ и невѣштъ. Софана бы радо была говорила, но будући да є Омаръ ћутіо, то є и она ћутила. А како у свою собу уйде, свою Росалію: загерли, говорећи Росаліе! Росаліе! како є красно ово вече было! Обойца ми се допадаю, но Твой Братъ, Твой Братъ... о кадъ бы свират' знала, као онъ, и кадъ бы пѣсне тако правит' могла, као што што ихъ онъ прави. Не знамъ зашто толико рабра не быхъ, Отца могъ да замолимъ, да ме Франческо струну учи Но видећи Отца при вечери весела, обеси му се около врата, и почне га молити, да ю само Франческо учи, радость ону и уве селеніе, кою ће му свиранѣмъ своимъ нѣкада принети, съ тако живымъ боима опясываюћи му, да їой Омаръ на послѣдакъ осмѣиваюћисе рекне: „Видит' ћемо мала волшебницо! што ћемо чинити, када само у село опидемо.“

ГЛАВА ПЕТА.

Софана отсадѣ веће неуморимо и непрестанно сѣ Росалїомѣ своїомѣ о брату и о жениху нѣномѣ говораше. Свагда бы име Францесково перво было, кое бы їой на уста долазило, о Антонїю є само дружства ради споминяла, боећисе, да даваюћи Францеску преимущество надѣ Антонїемѣ, Росалїю со тимѣ не увреди. Росалїа є со тимѣ задовольна была, любовь само, а никакву поревньивость не познаваюћи. Њой є Антонїй нѣнѣ све на свѣту био, и она є хотѣла, и она нѣму све да буде. Рѣдко бы са Софаномѣ о повратку свому у отечество говорила, но никада се ни є издала, да за часомѣ онымѣ гине, кой ће любовь нѣну увѣнчати. Она є добро примѣтила, да є братѣ нѣнѣ велико впечатлѣнїе у сердце Софанїйно учинїо, и добра и невинна Софана ни найманѣ се трудила ни є, впечатлѣнїе то да сакрїе. Кадѣ бы годь Росалїа путешественине свое посѣтила, свагда бы ю замолила, да ихѣ отѣ нѣ поздрави, и кадѣ бы се годь Росалїа опѣ ныхѣ повратила, свагда бы ю пытала, єли што Францеско о њой говорїо? Говори богме! и то често, рекне їой єданѣ путѣ Росалїа, и весма много, оиѣ

завиди срећи моїой, што самь непрестанно кодь Т бе. Добрый Франческо! рекне на то Софана: бы ли онь мене радо учїо? О кадь бы само што скоріе у село наше ишли! видити ћешь, да ћу весма прилѣжна быти.

Жеља Софанїйна буде после нѣколико дана испунѣна. Єдань путь їой Омарь при вечери рекне, да ћею супра у село иди. Софана є опь радости скакала, и Надини зарь и десеть путїй струну свою препоручивала, само ю, молимь Те, не заборави, и добро на ню позорствуй, ибо ћу ю потребовати. Єли Отче мой любимый? О я нисамь обѣщаніе Твое заборавила.

Омарь. Я Ти нисамь ништа обѣщао. Међу тимь ако є Росалїа сь прилѣжаніемь Твоимь задовольна....

Соф: Росалїа є заиста сь прилѣжаніемь моимь задовольна! єли Росалїе?

Омарь. А Франческо хоће...

Соф. Онь ће хтѣти: онь мора хтѣти, єли Росалїе?

Рос: — осмѣиваюћисе — Онь ће све хтѣти, што Благодѣй нашь усхтѣ. Благодѣю се нашемь сь радостю само повиновати морамо.

Ом: Нѣга при зиданю зданїя могь потребуемь. Но..

Соф: (осмѣюћисе) Та на то и Антонїа употребити можешь. Єли Росалїе?

Рос: Може.

Соф: Ето видишь милый Отче!

Ом: Све ће то быти, кадь само на мѣсто дойдемо. Са зоромь ћемо отити.

Добро Омарово лежало є само єдну милю отъ града далеко: Софана и Росалїа путовалесу на носила, коя су мазге вукле; а Омарь Антонїй и Франческо ишли су покрай ньи на коньи: у запворены пакь колы за ньима два роба съ шолико робкиня слѣдоваласу. Село то Омарово лежало є у прекрасномь заливу єдномь на брегу морскомь Смѣюћисе холми безчисленны древесы воћны осѣнћныи верпове ињгове обколѣваху. На холмићу єдномь стояло є домь увеселителань на подобїе округа єдногь по паліанскомь вкусу начинѣнь. Зданїе є ово погледь по цѣломь мору давало. Обыталище пакь, по обычаю, у зачелю дворища — авлїе — єдногь стояше, кое є яблановы посадьено было, со тимь долньимь собамь хладь непрестанный чинило, и непсчислимымь птицамь обыталищу служило. Изь внупренићѣгь уређенїя видилосе, да духь, кой є зданїе ово черпао, ни є изь Афрїке быо; обычай Афрїканскїй ни гди повређень ни є быо, но свуда се поправљень чи-

няше. Чистъ вкусъ у собама царствоваше, и сва заведенїя побудителногъ овогъ усамлѣнїя показываху руку человѣка, кой є нарав познавао, и ню само руководїо, а не поправляо.

Омарь є самъ оба странна по добру своmъ проводїо. Они су га увѣравали, да се никадъ тому надали не бы, да бы у Варварїи той такове красоте найти могли, похвала ньина Омару є мила была, кою су они вкусу нѣговому давали. Я самь пре тога, рекне имъ Омаръ, све отмѣнне талїанске вертограде видїо, што самь годь само запамтїо, и у овомъ мѣсту употребити могао, све самь се трудїо, подражавати тому. Излишно бы было казати Вамъ, да я у овой земльи рожденъ нисамь. Я самь био младъ трговацъ; потребитость родителя моегъ принуди ме, срећу мою у Александрїи да потражимъ; и я самь вашымъ трагомъ прошао. Єданъ само поступъ, кой Вамъ може быти поволянъ быт' нећe, окове мое рабске раскине, и мене на верхъ богатства и чести подигне. Ничимъ манѣ нисамь ни у самой любви срећанъ био, докле жену єдну не найдо, коя ми є прїятельицомъ моїомъ постала. Одиме за мномъ. Молчаюћи обойцу на подножїе єдногъ холма отведе, уходъ нѣговъ чбумъ Кипрескїй закрываше. Она є, рекне имъ, на овому добру умерла.

Со тимъ шушань мало раскерчи, у нѣму є мала пещера єдна была, у зачелю нѣномъ зрацы сунца Антонїю и Франческу черну плочу отъ мармора покажу, на плочи той само име „Єлена“ съ златны словы изрезано бяше: Омаръ натраг ъ усшупи, и уходъ се самъ отъ себе затвори. Антонїй и Франческо позорїю овомъ удивесе, Омаръ пакъ ништа не говорећи дома пойде. И тек' што до куће дойду, а Омаръ молчанїе то торжественно съ овымъ рѣчма пресѣче: она є была мапи мое Софане. Антонїй и Франческо ожалостесе, и обойца Омару поклонившисе, у обыталище свое пойду, но Омаръ Франческу рекне: Спаня, да Ти нѣшто кажемъ, моя кћи была бы рада, да ю Ты у струну ударати учишъ. Франческа мравп чисто пройду. Кадъ то чуе: окаменисе саьъ, и поћути, но къ себи дошавшїй Омару отговори: Ваша желанїя... Твоя желанїя Господине! єсу закони мени весма милып и драгїи. Супра ћемо се више о томъ разговарати, рекне му на то Омаръ, и отиде.

Антонїй уздышући поредъ друга свога идаше; на лицу нѣговомъ изображавашесе жалостиво нѣко расположенїе. Шта Ти є Браше? запыта га Франческо. Чини ми се, да си нѣшто зле волъ. Како могу добреволъ быти, отговори

му Антоній, кадь намь свакій дань нове и нове окове налажу. Ако насъ дотле отавде не отпусте, докле мы цѣлу кућу не сазидамо, и кћерь ньину искусномь у струни не учинимо, што ћемо дуго їошть у робству овако стенятн. Е Бога Ти! манисе тога, кућа є већ до полакь готова, а кћи ће, надамсе, орудїемь избавленїя нашегь быти.

При зиданю куће Омарове было є єдно дванадесеть робова или Ренегата, ови су весма незадовольныи были, што су сада подь другимь быти морали, а пре тога су Надзирательи надь прочима были. Но поступанѣ Таліанаца нашыхь, и пріятельность ньина кь робовомь на скоро имь сву злу волю отузме. Антоній имь їошть ко тому обећа, да ће имь лѣпо награжденїе учинити, ако зиданъ за два мѣсеца соверше: онда Ти се посленницы ови упну, и двогубомь ревностію радити почну. Посленницы су се награжденїю тому отъ страие Омарове надали, Омарь пакь ништа о томь и не знаюћи радовао се, што му зиданъ тако успѣва, узрокь успѣха тога у дѣятелности промотривои намѣстника своихь траженѣи.

Кадь бы се посао дневанъ совершїо, отвео бы Омарь Франческа у собу кћери свое, и свагда бы при обучаваню нѣномь присутствовао.

Софана є време то свагда са дѣтинскомъ нестрпѣливостію очекивала, и часъ бы на Отца, а часъ на учителя свога погледала, кадъ бы пѣсиу кою способно и добро истерала. Струну своюникадъ готово изъ руку, а Учителя никадъ изъ памети испущала ни є. Свагда бы се са Росалїомъ о нѣму разговарала, и често бы їой рекла: о данась самь се сбогъ врућине улѣкила, Франческо неће самномъ задоволянъ быти. Сутра ћу рано устати, я ћу пѣсну моюїошть нѣколико путїй просвирати. Како ће се Братъ Твой Росалие! чудити, кадъ му пѣсну ову безъ найманѣгъ запинаня описвирамъ?“

Ове и тимъ подобне рѣчи Софанїйне откыле су Росалїи, да се потайна нѣка страсть у сердцу нѣномъ породила, о чемъ сама добра Софана ни саняла ни є. Истинна, да дѣвойчица єдна отъ шестнадесеть година по правди болѣ огледало свое, негол' душу човѣческу познае; но кадъ дѣвойка отъ шестнадесеть година невѣстомъ веће постане, то ни нѣна мати често у познаваню сердца женскогъ искусснїя ни є отъ нѣ, особито ако кћи бистру главу и нѣжно чувствующе сердце има, као што га є Росалїа имала. Съ почетка се Росалїа откровенїю своми радовала, но на скоро їой разумъ нѣнъ бездну ону покаже, у кою бы ню за-

єдно са другови нѣны проникша та Софанїйина любовь извергнула. То помыслиѣши устрашисе, и науми, ни рѣчице описадѣ не рѣши, коя бы искру тинлюѣу їоште вѣма подстакла. Ничимѣ манѣ предосторожна Росалїа ни є свагда довольно мудра была, да завѣтѣ овай свой не преступи.

Софана ю єданѣ путь запыта, єли и братѣ нѣнѣ вѣ женихомѣ? А ни є їошть! ни є, отговори їой на то Росалїа; братѣ є мой Адвокатомѣ быо, и подѣ надзирателствомѣ мога Отца радїо, кой є тако некорыстолюбивѣ быо, да се ни є обогатити хотѣо. Великодушїе тетке мое было бы га у состоянїе привело, да себи мирну и спокойну старость, а сыну своѣ пристойно придержанїе прискорби, но опредѣлѣнно наслѣдїе нѣгово сѣ нами заєдно Побѣдителю є у руке пало. Софана є ћутила, єдва кѣ себи дойде, и рекне ахѣ добрый Франческо! да є само Мати моя їоште жива! Погледѣ нѣнѣ сусретнесе са погледомѣ Росалїйнымѣ, зарумененшисе очи доле бацы; цѣо данѣ най непрестанно є замышлѣна была.

И при самомѣ поученїю Франческовомѣ была є смућенна, и кадѣ ю Отацѣ запыта, шта їой є, єдва се сыротица сети, жалость свою да сакрїе. Данась ми нѣкако, вели, не иде отѣ

руке, морамъ што свирати, што већ знамъ. Отсвира и отпѣва пѣсницу, што їой є Францеско на гласъ нѣнъ наймилїй сочинїо быо. Пѣсну ту отпѣвала є гласомъ тихымъ и умилнымъ, као што духъ зефїра умиланъ быти обычествуе. При послѣднѣмъ спїху грудь се нѣна надме, и мокро нѣно око на око деркпаюћа Франческа погледи. Колѣна Франческова своевольно подклецаваху, и изъ свїю сила бѣданъ упеписе мораде, да къ ногамъ младе Софане не падне.

Росалїа знатно позорїе ово примѣти, сердце се нѣно узмупти, и о обоимъ деркпати почне. И Омаръ є то примѣтїо, и на Франческа важнымъ и пронзающимъ окомъ погледи, со тимъ га, као стрѣломъ каквомъ скоропролетућомъ изъ сладке те несвѣсти испергне. По томъ пакъ устане, и съ умиляпымъ гласомъ рекне му: за данасъ є већ доспа; со тимъ отиде. Франческо клецаюћи за ньимъ пойде, неимаюћи толико мужества, на Софану да погледи, коя є као сѣнка каква у Елїсїю спояла, и садъ первый путь заборавила, Отца свога при отлазку да загерли.

ГЛАВА ШЕСТА.

Франческо онесвѣщенъ дома пошли. Антоній му и десетъ вопроса учини, и Франческо єдва на єданъ отговори: и оно, што є отговарао, све є тако замершенно и сметенно было, да га Антоній найпосле ништа ни пытати не х'тѣде, надаюћисе, да ће му Росалїа загонетку ову разрѣшити. Ако се и єсть Софана съ пѣсномъ своїомъ Отцу окренула была; ако и ни є отсужденїе княгинъ онесилне у пѣсни горе речено й израженїе праве любве было, какогодь што не бы псаломъ кой Давїдовъ оди Анакреоновой подобанъ быо, ничимъ манъ Франческу се весео изгледъ со тимъ веће показывао, што є Софана пѣсни нѣговой толико преимущество дала, и со тимъ сердце нѣгово, рекао бы, оятарила — електрисирала. — Внутренић нѣко — пророчище — оракулъ све є у нѣмъ говорило, она Тебе люби; и Франческо є у рѣчма Софанїйныма смысаль онай тражїо, кой никакавъ разуманъ и совѣстанъ чловѣкъ у ныма тражїо не бы.

Тако є Франческо цѣлу цѣлцату ноћ себи воображавао, санъ є отъ трепавица нѣговыхъ бѣгао, и кадъ га є сутрадань у ютру сестра нѣгова посѣтила, нашла га є тако блѣда и из-

нурена, као да се деветь дана у монастыру каквомъ покаявао. За име Божїе Браше! рекне му она, шша Ти є? како то изгледашь? Францеско прећути, и уздыханїе само єдно изъ дубльина грудїй нѣговыхъ мѣсто отговора изиде.

Антон. Као што га садъ видишь, тако Ти є и ючерь на вече дома дошао, ни єданъ вопроєъ, и ни єдна молба моя никако га принудити не може, да ми сердце свое открїе.

Росал. Ючерь на вече? То Ти я ключъ тайне нѣгове открити могу.

Садъ му цѣло приключенїе порповѣди, и овако заключи: я се боимъ, и страшимъ како за Те Брапе мцлый! тако и за обое насъ. Да є Омаръ найманъ само подозрѣвао, и да ни є и съ очима и съ ушима на кћерь свою пазїо, що бы мы већ досадъ прошли были. Опоминѣшлисе їошше, шша намъ є єданъ путь Лафорсъ о казни говорїо, кою робови прїимити имаю, кои кћерь Господара свога любе?

Антон. Я самъ Франческо! готовъ, їошть єданъ путь поредъ Тебе са Корсары туђисе, но ше Ти исповѣдамъ, да никакве волѣ не имамъ даписе, да ме поредъ Тебе на колацъ натакну. Мрави су ми узъ кожу онда їошть ишли, кадъ самь Те слушао, съ каковымъ сладко- и краснорѣчїемъ преимущества ученице Твое похва-

люешь. Я самь Ти се на то восторгу — ентузіасму — Твому подсмѣвао, а Ты си уѣутіо био, но видимь, да Те подсмѣванѣ то мое їоште исцѣлило ни є.

Росал. Тысящу путіи сама самь себе отъ ючерь укоравала, што самь доброй Софани даръ Твой свирачкіи похвальивала. И да рекнемо, да за насъ и за самогъ себе и не маришь, та зарь нећешь хтѣти, невинномь и добромь ономь дѣтету безнадеждну любовь да улїешь?

Ант. Тако Ты зарѣ хоћешь Отцу нѣномь великодушіе нѣгово къ намъ найгоромъ неблагодарностю да наплатишь?

Францескъ на сва та укорав ања ни рѣчи говорїо ни є, све мышце лица нѣговога бурю ону показываху, коя є у грудма нѣговыма бѣснила. Напосле му се потокъ суза низъ ланите лити почне, и съ жалостивымъ гласомъ обоимъ рекне: Вы у свему право имате, я самь био већ започео, звѣромъ да постанемъ, опростите ми; Обое ихъ пригерли, и къ сердцу своме привуче. Но о! тко може, рекне имъ даљ, Ангела тогъ видити, видити и нелюбити га, особито, зашто бы Вамъ то таїо, особито кадъ ме благохотна пріятельность, и умилань и милокрованъ ѣнъ погледъ посведневно їоште већма къ любопобуждава. Како ћу я погльдъ, шай, какол'

обволшебствованіе насмѣяванѣ нѣно подносити моћи?

Анш. Много бы болѣ было, кадѣ бы се какогодь званія Твога освободити и опростити могао; но будући да то сада быти не може, то описада на персти Софанїйне гледай, а на очи нѣне и не пази, та Ты и онако са перстыма само радити имашь.

Рос. И кадѣ осетишь, да се персти нѣныи сердца Твога коснияваю, а Ты на Отца нѣногѣ погледай. Што Ти се онѣ добровольнїй и немарливїй показывао буде, то ће све то више сердце Твое потрести.

Франческо. Да самь я самѣ овде, то бы я много безбѣдніе средство знао, коимѣ бы се избавїо.

Рос. А средство єто?

Франч. Бѣство.

Рос. Бѣгство? и Ты бы Благодѣя Твогѣ преварїо, и може быти на вѣки мучителѣмѣ — тиранномѣ — ученїо?

Франч. Великодушїе Антонїево довело бы мене у состояніе, честь мою кодѣ Омара новцемѣ да искупимѣ.

Анш. На што Ти сва та вообразїя? Ты ниси самѣ овде, те ниси, а и да єси самѣ, опетъ лако Ты оцавде избѣгао не бы, као што

Ты мыслишь. После нѣколико седмица морамо мы отговорь каковь изь Палерма добити; и онда ће време быти, са Омаромь говорити, особилю како ће се зидань наше овогь мѣсеца їошть совершити. Ако намь непредосторожность Твоя нову какву несрећу не навуче, то ћемо їошть пре зиме, со тимь и пре бурногь времена землю Отечества нашегь поздравити.

Франчесно имь се на то обећа, да ће најспрожіе на се позорь давати. Росалїа тако сь најумилнїимь воображїяма у собу свою отиде. У вечерь Франческо са Омаромь у собу Софанїйну дойде. На лицу нѣговомь їошше су се знацы непреспаване ноћи показывали, очи су му чисто попамниле быле. Савь се сырома стресе, надь у собу Софанїйну уйде. Зарь си болестань Франческо? упыта га Софана, тако си нѣшто савь пребльдїо. Нисамь болестань, отговори їой Франческо сь загушльивымь гласомь, но ноћась ми нѣшто ни є добро было, сада ми є опеть мало боль. Да бы пакь очевидномь недоумѣнїю Брата свога помогла, извади Росалїа струну, и пружи ю Софани, коя жалостивымь окомь їошть еднако на лице Францусково гледаше. Омарь є ћутїо, и онь се нѣшто смућень видяше, и позорїя овогь и невѣштъ чинящесе.

Франческо з нову пѣсну съ собомъ донео быо, и Ученицы своїой предложїо; Софана кушати почне, да ю отсвира, но будући да є мало потежка была, то ю непогоди, и тако и другїй путь прокуша ю, но опеть ю непогоди. Франческо їой персти намѣщати стане, и рука му се задеркће. Франческо осети, да є и Софанїйна рука деркгала. Росалїа му на то рекне, отсвирай Ты найпре. Франческо то учини. Лѣпо, весма лѣпо, рекне му Софана, садъ ћу и я, мыслимъ, сама моћи погодити. Но и трећїй путь не издѣйствуе, и Франческо їой опеть персти намѣстити мораде. На послѣдку погоди. Побѣдоносно окренесе Софана Отцу свому, и пѣсну му отсвира. Весма добро дѣте мое! отговори їой Отацъ, скоро ћеш и безъ учителя свирати моћи. Со тимъ устане, и Франческо за њимъ у вертоградъ отиде.

При вечери была є Софана са свимъ жалостна, видило їой се, да їой є нѣшто на сердцу лежало. Отацъ нѣнъ навыкнутъ веселостю нѣномъ вечеру да зачини, упыта ю, шта є то, ше є тако невесела. Глава ме боле, отговори му она, и Омаръ їой є вѣровао, или паче показываосе, да їой вѣруе; болесть ту нѣну запари дневной приписуюћи рекне їой, да чашу єдну воде отъ бадема попїе, и у постелю легне.

Росалїа ю у собу нѣну отпрати, и кадѣ ю Надина свуче, а Росалїа ю полюбити и опити хтѣде рекши їой: Ты треба да отпочинешь, супраѣе опеть све то пройти. Софана задержаваюѣи ю отговори їой: истинна, да морамѣ отпочинути, но я то немогу, о Росалїе! Росалїе! мени є часѣ добро, а часѣ зло, часѣ тежко, а часѣ лако на грудма: никадѣ не знамѣ, шта ми є: їошше ми є ючерь тако быти почело, кадѣ є братѣ Твой кодѣ мене быо: до полноѣи ни тренула нисамь, тысяща мыслїй пролетале су ми тамо амо, и тако ми се чинило, као да су ми све те мысли на сердце падале. Сердце ми є тако куцало, чини ми се, да самь свакїй куцакѣ чула. Данась ми є їошше горе было. Кадѣ є Братѣ Твой онако блѣдѣ и жалостивѣ кодѣ мене быо, изѣ гласа самь хтѣла плакати. Не знамѣ, зашто самь се Отца моѣ спрашила и бояла, и сама самь себе принуждавала, само весела да се покажемѣ. Кадѣ самь пакѣ свирати почела, опеть ми є исто то дошло, зарѣ є пѣсна она тому узрокѣ была? кадѣ ми ю є Братѣ Твой напредѣ свирао, свакїи ми є гласѣ на сердце падао; а кадѣ ми се перстїю моихѣ дотаче... О то Ти не могу Росалїе! описати, крозь свѐ ме є жиле, као огнѣнна нѣка спруя пролазила. Осецшила самь, да му є рука

деркала: радо бы ю между мое стиснула была, и запыгала, зашто деркће? Но и моя є рука деркгала, и да смо самыи насъ двое были, опеть бы само уздысала была. То Теби Любима Моя! све кажемъ, но Оцу моимъ. . . О никадъ толико мужества имала не бы, мћму то казати, ако и єспь тако добаръ и предобаръ. Весма ми є тежко Росалїе! што га се отъ нћкога доба тако боимъ.

Росалїа то саслушавши чисто се окамени, не знаюћи, ил' да ћупи, ил' да їой што проговори. Погледи нћжно на ню, суза топла изъ очїю їой полети. Найпосле їой рекне: мени се све чини Софано! да свиранћ много у щутке — нерве — Твое дћйствуе: остависе струне, или свирай кадкадъ само, докле се впечатлћніе то не изгуби. Твой Оцацъ и онако є казао, да Ты учишеля дуго їоште потребовати хћћешь. О! рекне їой на то Софана, та ме є рћшь, какогодь ножъ каковъ, у сердце текнула. Я самъ се веће тако на Твогъ Брата навыкла, да никако поднети не бы могла, да нћга не видимъ. Росалїа но чуюћи шта є друго чинити могла, но съ жалостивомъ нћжностю ню гледаши и дивити їой се. Софана їой їоште ближе приступи, и образъ съой Росалїи на раме метне: Послушай ме, рекже їой, шта самъ нћшто но-

ћась мыслила: и кадь бы се Ты сь Антоніємь Твоимь у Отечество повратила, то бы Франческо овде остати могао. Дей є Отцу моему кћерь свою дао, зашто не бы и мой Отаць мене за Брата Твога дати могао? Шта? рекне їой на то Росалїа, зарь Ты незнашь, да є то велико преступленїе у овой земльи, Маомеданку за Хрїстїанина єдногь дати. Маомеданку? отговори їой на то Софана смћюћисе, и кь дверма полагано отиде, да искуси, єсу л' добро затворене. Видећи да се ничегь бояти не има, огледало свое узме, стражню страну нћгову оптура, и образь распетога Хрїста на столь положи. Закуни ми се, рекне Росалїи, на колћна предь образь истый клекнувши, и Росалїю такожде кь земльи привукши, закуни ми се, велимь, тимь образомь, да никому откриш' нећешь, што ту видишь, и што чути будешь.

Росалїа їой се закуне, и обћща, да ће заиста ћутити.

Обе се загерле, и тћсно загерле; Софана по томь устане, образь распятїя сакрїе, и рекне їой: оди родьенна Моя! у Твою собу, тамо смо болћ опть робкиня удалћне. Узмусе подь руку, и тако Росалїа са Софаномь у собу

свою отиде, у кою се ни откуда, но крозь єдне само двери, уйти не може.

Софана се покрай Росалїе посади, и овако їой говорити почне: Ты знашь, да є Мати моя Грекиня была, Отацъ є мой ию више, него самогъ себе любїо. Пре нѣ имао є онъ и више жена, но поредъ нѣ и после нѣ никакове више не имаде. Често самъ я чула, гди бы їой онъ говорїо: Теби благодарити имамъ, што самъ се къ добродѣтельи повратїо. Любовь матере мое была є између нѣга и мене подѣлѣна. Кадъ самъ мою десету годину већ доживила, узме ме на колѣна своя, Отацъ мой ту ни є было: и саме смо у усамлѣной нѣной соби быле. Мое дѣте, рекне ми она, не знамъ, колико ћемо їошть заєдно быти: душа є Твоя чиста и добра, досадъ самъ ю научила, єдиннога невидимогъ Бога да познае, но сада є време дошло, да Ти кажемъ, да ни є Богъ тай вовѣки невидимъ заостао. Онъ се людма у образу человѣческомъ показао, и надъ свимъ прочимъ, што человѣчество познае, већний быо. Онъ є добродѣтель посредствомъ добродѣтельи проповѣдао, никаковогъ другогъ оружїя, кромъ добродѣтельи, не потребуюћи, да цѣло содружество людїй около себе скупи, кои су се по томъ по цѣломъ свѣту распространили, и науку нѣгову расплодили.

Я Ти противъ Юнака Маомеданскогъ ништа не говоримъ, но књигу ћу єдну съ Тобомъ читати, изъ кое ћешь могъ хероя познати, онда између њи двойце избирай, кому ћешь слѣдовати, и когъ обожавати.

Кадъ бы годь насъ две саме биле, свагда бы са миномъ изъ те књиге читала? она ме є учила, Пророка нѣногъ любити и почитовати. Єдномъ Отацъ мой нѣкудъ отиде, и мы саме кодъ куће останемо: тай дань ноћу Мати моя мене Пророку своме посвети, и ученицомъ нѣговомъ учини. По томъ књигу ту сгори, и рекне ми: она бы Тебе и Твогъ Отца несрећнымъ учинити могла: содержаніе нѣно у сердцу Твомъ задержавай. О судбыни Твоій старат ће се самъ промысаль Божій. Отацъ мой знао є зато, но никада ни є са мномъ о томъ говорїо, и на смертной своїой постельи топеръ казала ми є Мати, да и онъ то зна. Но я самъ їой се завћщати морала, да тайну ту никомъ казати нећу. О кадъ бы она сада между нами была, заиста бы ми дозволила, Теби Росалїе моя! тайну ту открити да смѣмъ. Сада видишь, да я Маомеданка нисамъ, и да Твой Братъ. . . ту се тергне, и стане, огнѣнно руменило лице нѣно обојаше.

Росалїа є дуго на врату нѣномъ молчаю-

ћи плакала, а яки удари сердца нѣногѣ Софани мѣсто нѣ отговарали су. Ангелу, рекне їой, како Ти изразити могу, што ощущавамѣ, за саме небесне блаженне было бы магновенїе ово красно. Но чувайсе любезна моя! Отцу Твомѣ о желанїю Твомѣ ништа не казуй; кадѣ бы желанїе то Твое нѣму, као што се я боимѣ, неповольно было, то бы Ты и сама себе а и мога Брата у велику бѣду бацыла. И со тимѣ бы веће Братѣ мой у бѣду пао, кадѣ бы мысли Твое великодушне само погодити могао. Софана на то сва пребледи, и Росалїю запыта, а зашто то? Ибо бы онѣ, отговори Росалїа, непобѣдиме тегобе, или управ' ређи, ибо бы онѣ невозможностѣ провидїо, да ће до среће оне и кадѣ дойти, кою му Софана, кадѣ бы властна была, подноси и подае.

Соф. — узданувши — Тако Ты му нећешь ни казати, да ми є онѣ по вольи? Я бы му и сама већ казала была, да се нисамѣ Отца могѣ бояла, кой свакїй путь сѣ ньимѣ кѣ мени долази.

Рос. Видишь Софано! како се и сама боишь, да се Отцу Твому исповѣстю томѣ не замѣришь. Вѣруй ми, боязльивостѣ та Твоя ни є безѣ основанїя, Отацѣ Твой нетреба тайну ту сердца Твога ни изѣ далека да позна: кадѣ се мы у Отечество наше вратимо, онда ћу я Брату

њомъ казати, шта є благородна Софана къ њему чувствовала.

Соф. Ах! но я онда ни чути нећу, шта ће онъ Теби на то отговорити, пакъ . . . ту се већ суза уздержати не може, топле сливахусе оне на грудь Росалїйну. Росалїа ни є знала, шта да ради; часъ бы доброй Софани свирѣпу надежду улити, а часъ у перлу землю сакриписе хотѣла. Но на послѣдку єцаюћи рекше їой: Буди ми задовольна Софано! я ћу се їошше мыслити, може быти, да ће ми средство какво на умъ пасти, кое ће насъ све умирити и упокоити моћи. Иди, лези, и спавай. со шимъ ю загерли, и у собу њну отпрати.

ГЛАВА СЕДМА.

Росалїа се мыслила и мыслила, и свагда є у недоумѣнїю была, или сердце оно, предъ коимъ бы клекнути морала, да превари и обмане, или да га са свимъ расцепа. Полъ ноћи по постельи као на ражню превертаюћисе ни ока на око метнула ни є, уздысала є, плакала є, и Богу се молила. Найпосле на мысаль єдну дойде, при коїой се съ тихымъ осмѣиванѣмъ мало позабави, и по полноћи заспи. Кадъ се пробуди, очи отпвори,

а Софана много чувствителнїя, негол' што є икадь дотле была, поредь постелѣ нѣне сѣди, и муве отъ нѣ тера. Добро ютро Сестро! рекне їой, и полюби ю полюбцемъ тако топлымъ, да бы Франческо цѣлу годину живота своѓ за нѣга дао быо, еси ли се, молимъ Те, предомыслила?

Рос. Єсамь; цѣлу ноћ была самь непрестанно съ Тобомъ и бдїюћи и саняюћи забавлѣна.

Соф. Єл' Ти Росалїе моя! средство кое на умъ пало?

Рос. И да бы се и како предомыслявала, то найпре треба, мы свободныи да будемо, пакъ онда ће се моћи мой Братъ Отцу Твому отхрити. Како мы само у Отечествто наше дойдемо, таки ће онъ Отцу Твому писати, и...

Софана се на те Росалїйне рѣчи намергоди, и упыта ю: зашто небы му таки писао? То не бы, отговори їой Росалїа, безъ найвећше бѣде и за Тебе и за нѣга быти могло. Опомеписе, што самь Ти ючерь казала! да бы очи свое къ Теби подигнути могао, то бы се морао вѣроисповѣданїя — закона — своѓ отрећи, а можешь ли то Ты отъ нѣга искати?

Софана — дуго мысливщисе — то не. Испшина, да мой Отацъ тако добаръ будући...

Рос. По свой прилицы о вѣроисповѣданїю

своме увѣрен био ни є, и за то є могао другого прїимити. А кадь бы то Брать мой учинїо, то бы онь совѣсть свою повредїо и отягошїо; Ты бы престала, нѣга почитовати и уважавати, а нѣга бы покаяніе мучило, и онь бы престао, Тебе любити.

Соф. Бы ли онь то могао учинити? Мени се нини, да я никадь не бы престала, нѣга любити. Моя Мати никадь ни є престала, Отца могь любити, и онь ню и садь їоште люби. Онь често на гробу нѣномь плаче. Єдан путь ћу Ти гробь нѣнь показати. О добра Мати моя! кадь бы она їоште живила, то бы я њој притекла, и она бы моме Отцу за мене говорила.

Рос. Ако ништа друго, а оно бы Ти поне болѣ што совѣтовати знала, негол' што Ти нескуссна, и єдва седамнадесетогодишня дѣвойка совѣтовати може.

Соф. Ахь! кадь бы Ты Росалїе! Брата Твога само за совѣть пытала, онь є старьій онь Тебе!

Рос. Пре бы умрети волѣла, него нѣму изгледь таковь указати, кой се у пропасть безконечну окончава. Заборавила си, што самь Ти ючерь рекла?

Между тимь нѣтко на двери Софанїйне куцне. То є Отаць нѣнь био. Софана поити,

да му оттвори, а Росалїа берже болѣ одѣло свое огерне. Я самь, рекне имь Омарь, дошао, да Вамь кажемь, да ме послови мои и дѣла на нѣколико дана у градь позываю: и Вы ћете са мномь ити. Антоній и Франческо овде заостаю, да надь посленицы надгледаю. Преправ'тесе само, до єдногь часа пойти ћемо. Омарь ихь остави, и отиде. Софана ћутаюћи сѣдне. Росалїа є са свимь смутна была; но тежко їой бы, отъ другова своихь отити, и ничимь манѣ опеть се со тимь утѣшавала, мыслећи, да ће то єдно єдинно средство быти, коимь ће се воображенїе подпалѣно Брата нѣногь и пріятельице нѣне мало расхладити моћи. Єдва єдно магновенїе ока угради, да се сь Братомь и са женихомь своимь опрости. Антоній є сь путешествїемь овымь са свимь незадоволянь био, и мыслїо, Богь зна, ита се їошть случити неможе. Франческо у несвѣсти быяше, и подозрѣнїе свое отъ Сестре сакрываше, да ни є Омарь какогодь сердце нѣгово искусїо? Она є їошть у обятїямь Жениха своегь была, но Надина їой дойде, и обяви, да на ню чекаю.

Преселенїе ово у градь было є и Софани и Росалїи право заточенїе. Росалїа се свакояко усилявала, невеселость и незадовольность

сьою предъ Софаномъ да сакрїе. Состоянїе Софанїйно сердце їой є парало. Она є непрестанно замышлѣна была, сви предмети внѣшныи за ню су исчезли были. Често ни то примѣчавала ни є, кадъ бы се заєдно са Росалїомъ по вертограду проходала. Кадъ бы до дома увеселителногъ дошла, што су иностранцы тїи видали, свагда бы предъ ньимъ као укопанна стояла, и съ укоченымъ очима на прозоръ онай гледала, съ коега є свиранѣ Францеско во у струну первый путъ чула была. Ако ю є Росалїа изъ изумлѣнїя тога пробудити хотѣла, то є морала име нѣгово викнути, и онда бы се животъ опетъ у око нѣно са свимъ тамно повратїо, и онда бы опетъ штогодь проговорити знала. Омаръ є Софану рѣдко развѣ при трапези видао. Нѣколико дана примѣчавао є онъ ню ћутаюћи, и надаосе, да ће му она сама прошенїе нѣно представити, кое ни є тако вѣшто предъ ньимъ сакрити знала. Найпосле ю запыта: шта Ти є любима Софано! Ахъ! ни є ми ништа Любимый Отче! отговори му, бѣдна Софана, нити ми є зло, нит' добро: я морамъ часъ уздысати, а часъ плакати, нит' знамъ, зашто, нит' кроз што. Росалїа їой ту бесѣду прекине, сердце є нѣно већ деркташи почело, ако бы се исповѣдь та и далъ продужила.

Мало ходи, рекне Росалїа, опкако смо овде, єдва самь ю два или три пута наговорити могла, вертоградъ да посѣти. Скоро ћемо се опеть у село повратити, рекне їой на то Омарь, онда ћеше Ти болѣ быти. А зашт' спруну Твою съ собомъ нисп понела? запыта ю Омарь, милокр'вно на ню погледавшїй. Софана погледа погъ сносити не могавши къ нѣму приперчи, и запламтѣнно лице свое у перси нѣгове сакрїе.

Сутрадань се Талїанскїй єданъ Монахъ Омару приави. Омарь гасъ обычнымъ человѣколюбїемъ дочека и прїими. Кодъ Тебе има, рекне му Монахъ, три роба изъ Палерма, я самь у име Сродника ныныхъ дошао, да Те молимъ, да опредѣлишь, колико новца ишпешь, да ихъ нещастне освободишь.

Омарѣ. Єсу ли кодъ мене нещастныи, то нек' Ти самыи кажу.

Монахъ. Я то добро знамъ, како великодушно Ты съ ныима поступашь.

Росалїа и Братъ нѣнь описалису Отцу своме доброту Твою тако, да су се сузе скорби пречестнога Старца тога у сузе благодарснїя и благослова промѣнуле.

Омарѣ — пронутъ — добрый човече! Желанїе нѣгово испуним' ћу се; но я нуждне узроке имамъ, младиће те їошше засадъ отъ мене

ме отпустити. По свой приличы радѣ бы Ты био, сѣ њима разговоритисе? Дойди ми опеть у ютру, я ћу Ти роба єдногѣ дати, кой ће Те на добро мое отвести.

Отацѣ Бенедетто — тако се Монахѣ тай звао — отиде, незнаюћи, ил' се више боятии, ил' надати има. Онѣ є био старый пріятель Октавїевѣ, дѣца Октавїева почитовала су нѣга, као свога Отца. Кадѣ є онѣ за нещастїе њїово разумѣо, самѣ отѣ Отца њиногѣ поиште, да у Трипол иде, и за освобожденїе њино ради: отѣ Октавїа у Палермо отиде, ту векслу єдну за Трипол отѣ друга єдногѣ Антонїевогѣ получи. Бенедетто є и Антонїа познавао, доста путїй видяо га є кодѣ уйца нѣговога Октавїа у Неаплю; онѣ му є и дозволенїе извадїо, да може сестричину свою Росалїю за жену узети. Бенедетто є свободу имао, робове за кое му драго новце искупити, зато се ни сумняо ни є, да у дѣлу свому успѣти неће.

Супрадань даде га Омарѣ на добро свое отвести. Тек' што га Антонїй и Франческо сѣ берда опазе, на комѣ су се сѣ послениць свои забавляли, таки му сѣ оптвореннымѣ обятїяма на сусретѣ потерче. Отче Бенедет-

то! повикну обойца, заиста изъ Неапля идете, шта намъ ради нашъ Отацъ?

Бенед. То ћете изъ овога писма видити. Онъ ме є амо послао, да Васъ искупимъ.

Анп. О хвала Богу!

Бенед. Я се боимъ, да намъ се препятствїя каква не учине. Господаръ Вашъ дочекао ме є весма пріятельно, но за свободу вашу неће ни да чуе: Имамъ, вели, важнїихъ причина, да их їоште овде задержимъ.

Анп. Причине те мы знамо, за четырнадесеть дана и оне ћею се побѣдити.

Бенед За четырнадесеть дана? Но толико ће се и галїа Француска, на коїой самъ я прекоючерь допловїо, овде задержавати.

Антоиїй и Франческо потомъ Бенедетта у обыталище свое отведу. Ту га, по заповѣсти Омаровой, добро угосте. Ништа другого їошть имъ недостаяло ни є, кромѣ Росалїе, и радость бы ньина совершенна была. Бенедетто их за ню запыта, и кажу му, да се она у граду находи. Благородный Омаръ, рекне му Франческо, неће Ти заиста забранити, да и ню видишь.

То є сутрадань было. Росалїа радостю погружена и изванъ себе у обятїя нѣгова полети. Ха Бенедетто! не снивамъ ли? Любимый, пре-

честный Бенедетто! Вы отъ могъ Отца, отъ доброга могъ Отца идете? Она се трудила, узе свое предъ Омаромъ да сакрїе.

Бенед. Єсть кћери моя! отъ Твогъ Отца долазимъ, и єданъ бы дань блаженства могъ будущегъ зато дао, кадъ бы му сада у овому магновенїю мѣсто мое уступити могао.

Омаръ. Отацъ нѣнъ видити ће ню опетъ, ючерь самъ Ти то казао. И я самъ самъ Отацъ, и рука моя на сердце отеческо метнута више Ти ємствуе, негол' да бы ю на самъ Коранъ метнуо.

Монахъ Росалїи писмо єдно преда. Она га полюби, и по томъ у груди свое метне. Ты ћешь, валяда, рекне їой Омаръ, писмо то читати, иди мое дѣте! у Твою собу. Ты ћешь землака Твогъ и више путїй у напредакъ видяти. Садъ га моромъ отпустити, Дей ме єкъ себи позвао. Перси на перси метнувши Росалїа Софани велику радость свою обяви, и дозволи їой, да и она у отпечаћено и отпворено писмо свободно гледати смѣ. Отацъ Твой, Росалїе! рекне їой Софана, Тебе тако силно люби, као што и мой мене люби, я га весма сожалуемъ. Но кадъ бы ми само у сердце мое погледати могао, то бы и онъ мене сожалїо. Цѣло вече, особито такъ при вечери, была є све замышлѣн-

на и као претучена. И Омарь є мало говорїо, на челу нѣговомь изображено є было нѣко невеселѣ. Кадкада бы погледь єдань пунь нѣжнога сожалѣнїя на кѣерь свою баціо, и таки бы опеть очи свое доле оборїо, или на Росалїю погледао. Софана є мыслила, да мысли нѣгове погадьа. Тако ћу скоро Росалїю изгубити? рекне му Софана.

Омарь — као иза страшногь каквогь сна — Изгубити? Не! не! изгубити ю нећешь, то Ти се именемь Божїимь заклинѣмь.

Со тимь Росалїю деркаюћу рукомь своїомь загерли, и кь персима своима преписне. Хоћею да нась разставе, но . . . но шшо я велимь? Опрости ми мило мое дѣпе! глава ми є забуѣна, а сердце мое . . . не! не! нећешь ше дознати, шта на нѣму лежи. Добру ноћ дѣцо! Со тимь скоро отъ трапезе устане, и отиде.

ГЛАВА ОСМА.

Садь є редь на Софану дошао, да она тѣши. Росалїа ни є више тужила, сердце нѣно было єкь Софани весма приверженно шако, да ни-пошшо ни є хошѣла, Отца нѣногь ньой обтужити. Туга є у сердце нѣно заперена была.

Велике и запламнѣнне сузе изъ очїю нѣныхъ полете їой, очи су їой затворене биле, и кадкадъ бы ихъ само оттворила, да бы по кой путь на небо погледала: Боже! Боже! Ты ме видишь, видишь и разумѣшь! И Софана ни рѣчи ни є говорила. Рукомъ своїомъ Росалїю загерливши сузе нѣне са ланшта нѣныхъ слюбивала є, какогодь што щедрый зефїръ росу вечерню съ увенутогъ крина слюблюе. Опорависе, опорави, Пріятельице и Сестрице моя! рекне їой умиляно: Отацъ мой ни є неправеданъ, онъ є добаръ и предобаръ, то Ти се и Твоимъ и моимъ Богомъ заклинѣмъ: сердце ми само каже, да ће се онъ предъ Тобомъ оправдати: разстанакъ Твой, о шай ће ми сердце мое распарати: но Ты ћешь морати свободу Твою получити.

И полноћи већ дойде, а оне їошше єдна другой на персима лежаху, ни єдно уздыханїе єдне безъ уздыханїя друге изишло ни є. Росалїа єдва мало предъ зору заспи. Кадъ се пробуди, єдва є главу подићи могла. Софана їой предъ постелю дойде, и видећи, гди съ затвореныма очима и съ упаднутыма ланшта-ма у постельи лежи, сама на се заборави, и само тугу и жалость пріятельице свое ощущаваше. Охрабрисе Любезна Моя! рекне їой, сутра ћемо се опеть у село повратити. Како бы се

Женихъ Твой забринуо, кадъ бы Те у оваквомъ состоянїю видїо.

Мой Женихъ! то є све было, што є Росалїа съ пронзающымъ гласомъ отговорила.

Када време обѣду дойде, принуди ю Софана, да съ њомъ на обѣдъ иде. Отцу момъ не бы по вольи было, рекне їой, кадъ бы се Ты показывала, да отъ нѣга бѣгашь. Омаръ се савъ стресе, кадъ ю опази, савъ се намерщи, тако изможденну видѣвши ю. Блѣда и нѣма сѣдяла є покрай нѣга. Софана ю нудила, да єде, и она є єла само окушавала, но єла ни є. Сви су при трапези умукли были, а досадъ су се весма повѣренно єданъ съ другимъ разговарали. И Омаръ є мало єо, и пре обычнога времена отъ трапезе устао. Отходећи Софану съ пламеннѣйшомъ нѣжностїю полюби, и къ Росалїи се окрене: немой ми се, рекне їой, оболеспити мило мое дѣте! после три дана є рожденный дань Софанїинъ, дань тай и Ты праздновати, и съ нами торжествовати морашь. Сутра ћемо се у село опеть вратити.

Софана є Росалїю непрестанно тѣшила. Омаръ є до полноћи кодъ ньи быо, доброта нѣгова побудителна породила є нѣко спокойствїе у души Росалїйной, и путешествїе на село опеть блѣдомъ лицу нѣномъ часть єдну руменности

и цвѣта нѣногъ пода. Но туга нѣна испредъ очїю любве никако се сакрити не могаше. Сердце нѣно са свимъ є клонуло было, и єдва се отъ плача задержати могла, кадъ є Жениха своегъ загерлила. Теби се неповольно што догодити морало, запыта ю Антоній, шта Ти є Росалїе? сузе їой низъ лице потеку, и она му позорїе ючерашнѣ проповѣди. Антоній зубма шкрипећи рекне їой: подозрѣнїе мое са свимъ є основано было; Омаръ садъ почнѣ, личину — ларву — съ себе скидати. Садъ тек' отвѣтъ онай разумѣмъ, што є Оцу Бенедетту дао био. Заклетвопреступниче! шта Те є друго, но потайна страсть, кою више побѣдити не можешь, шта Те є друго принудило, да насъ не отпустишь?

Франч. Подозрѣнїе Твое чини ми се неосновано. Заръ нисмо мы у нѣговой власти? Зашто бы се онъ предъ нами претварати морао?

Рос. Та єдна мысаль само досадъ ме є чувала, да не отчаемъ. Я се тѣшимъ мыслећи, да онъ друге какве причине има, да насъ не отпусти, а не такве, отъ коихъ бы се стидити и срамити морао.

Ант. То є све єдно, или насъ ови, или они окови овде задержавали; но тако ми свемогућегъ Бога! я ћу их знати разбити. Ако онъ повѣре-

ніе наше кѣ нѣму обмани, то ћемо и мы нѣгово кѣ нами обманити.

Франч. Любимый Браше! Ты си свагда тако нагао.

Ант. — разяренѣ — А Ты си опетъ весма спокоянѣ и тихѣ. А то є зато, што бы Ты радїе у Триполи остао, неголи я.

Рос. О Антонїе! Антонїе! я Те їошше не познаемѣ. Мы Омара докучити и поняти не можемо; но да онѣ заклетвопреступникѣ и лицемѣранѣ быти може, противѣ тога се сердце мое узбунюе.

Ант. — огорченѣ — Твое сердце? Но шта онѣ быо, да быо, оку момѣ и руцы моїой онѣ изѣѣи неће.

Франч. Необузданна Твоя яростъ, Браше! моћи ће насѣ све їошъ у бѣду бацыти. Ако насѣ Омарѣ, као што Ты мыслишъ, превари, то ће претворностъ и за насѣ єдно єдинно средство избавленїя быти. Найманьїй знакѣ неповѣренїя нашегѣ кѣ нѣму учинїо бы, да и онѣ кѣ намѣ повѣреніе изгуби, и тако измежду Росалїе и насѣ гвозденну стѣну за преграду метне. Зато треба, тако да се показуемо, као да мы ништ' знали не бы, и као да се ничегѣ не боимо, а проче времену и небу да оставимо. Епіога, гди оттуда иде.

Омарѣ ихѣ обойцу сѣ обычномѣ пріятельиостію поздрави. Чело нѣгово было є мало ведріе, ничимѣ манѣ їошше нису бразде туге и жалосши на нѣмѣ са свимѣ избрисане быле. Онѣ сѣ ньима зиданѣ прегледи, а Росалїа между шимѣ кѣ Софани отиде. Онѣ имѣ каже, да є сѣ посломѣ ньинымѣ задоволянѣ. Ючерь ме є, вели имѣ као мимогредѣ, Бенедешто посѣшїо быо, но будући да смо намѣрили были, изѣ града отити, што самь му казао, амо да дойде, тако ћеше тога пріятеля Башегѣ скоро опеть видити. Я никада Калугьере нисамь миловао, но Бенедешто ми се види, да є честанѣ и почитаемѣ мужѣ. Іошть єдно Франческо! преко сутра є Софани моїой дань рожденїя, я знамѣ, да Ты стїхове правишь; весма бы ми мило было, кадѣ бы Ты за дань шай, аки за праздникѣ домашньїй пѣсницу єдну сочинїо. А у очи дана тога треба, да їой мало посвираш, и пѣсницу ту узѣ струну опѣваш. Франческо се савѣ усплаири, и отѣ радости и отѣ жалости уздеркће. Но Франческо! рекне му Омарѣ, Ты ћутишь, та зарѣ ми нећешь молбу мою презрѣти и отбити?

Франч. Ахѣ Господине! не знамѣ, шта ћу да сочинимѣ . . .

Омарѣ. Е Бога Ти! шта ћешь да сочинишь? Што Ти сердце Твое каже. Та Ты ученницу Твою

познаешь. Она Те се већ зажелила, морамъ Те супра къ ньой оптвести.

То рекши отиде. И Ты мыслишь, рекне Франческо Антонїю, кадъ ихъ Омаръ остави, да насъ овай мужъ преварити може.

Анп. А зашто не? тако се змїя єдка у цвѣће сакрыва. По свой прилицы каесе онъ садъ, шпо намъ є обѣћао, да ће насъ освободити; и сада намъ, видишь, замку запиньъ, да бы само поводъ каковъ нашао, да насъ опеть натраг довуче. Узмисе добро у паметь Браше! Ты си сада на великомъ искушенїю. Єдна рѣчь може насъ са свимъ упропастити.

Франч. — осмеливаюћи се — Не бойсе, не бой: Я ћу Теби пѣсну мою найпре дати, да ю Ты прочитаешь, и после ћу ю употребити. Сама поревньивость — Eifersucht — найострїимъ насчарма своима ништа у ньой наћи неће, што бы зазорно было. Антонїй є уѣутїо. Франческо му є огледало єдно показао, отъ кога є онъ лице свое окренуо, ибо му є оно образъ поревньивости нѣгове указывало. Поревньивость се та у сердце Антоніево противъ волъ нѣгове увукла, и єдва су разумъ нѣговъ, и полюбцы Росалїйни надъ ньимъ толико превозмогли, да се мучителница та любве у сердцу нѣговомъ укоренила ни є.

Сутрадань Отацъ Бенедетто на добро Омарово дойде. Найпре се Омару преяви, и Омарь се съ њимъ у собу свою попайну више отъ єднога часа затвори. Остатакъ дана провавїо є кодъ своихъ земљака, а предъ вечерь опеть у градъ отиши. Пре него што є у градъ дошао, дозволи му Омарь, да се и съ Росалїомъ разговори. Росалїа му све тайне и сву бригу свою искаже и повѣри. Бенедетто їой говорити почне, да се охрабри, и увѣри ю, да онъ Омара за неспособна держи, да ће надежду нѣну обманути. Бенедетто є то съ тайнопуным осмѣиванѣмъ нѣкимъ рекао. Росалїа другомъ своимъ разговорь свой съ Бенедеттомъ сообщи, и Антонїй то чуюћи повикне: тимъ начиномъ ни є то само санъ єданъ, што сам ь я мыслїо, као што ме є Братъ Твой убѣдити хотѣо. Вѣруй ми Любо моя! Бенедетто се са Омаромъ держи, и съ нами є увѣрителнымъ тимъ гласомъ говорїо, рекши: я сам ь Омара за ово дана познао, онъ є благороданъ мужъ, много отъ великодушїя нѣговогъ надаписе можете. Безъ сумнѣ ћете Вы причину двоумнога поступаня кь Вами по времену дознати, и нѣму у свему право дати. Таково изясненїе Свещенника єдногъ о невѣрнику єдномъ ни є єстествено, или управ' да Ти кажемъ, оно є са свимъ по-

дозрително. А мени се опеть чини, рекне Франческо, да є Бенедетто найнеподозрителнїй свѣдокъ, о невѣрнику тому тако свѣдочећи. Росалїа ни є знала, кому страну у томъ да держи, разумъ нѣнъ обойцу є обтуживао, а сердце є обойцу оправдавало.

Омаръ ни є заборавїо, да є кћери своїой обећао, да ће їой Учителя нѣногъ єданъ путъ довести. Хотя да га є Софана съ нестрпљнїемъ очекивала, да їой дойде, ничимъ манъ сладкїй нѣкїй страхъ нападне ю, кадъ се Франческо њой приближи. Росалїа ю запыта, шта ће свирати, и со тимъ ю освѣсти: Дай ми само, отговори їой Софана, послѣдњ пѣсне, да видимъ, єсамъ ли за ово осамъ дана, што струне ни видила нисамъ, штогодъ заборавила. Она є све пѣсне отсвирала, и гдикоя мѣста и повторити морала. Тежка она пѣсна и сада їой отъ руке не пойде, и Франческо їой опеть персти намѣщати мораде. Време къ вечери науки овой конацъ учини. Омаръ є весма добро расположенъ быо: весела свѣтлость супрашнѣга дана чинила се да їошть оно вече лице нѣгово озарява. Софана се нѣшто замысли, но само умиляте мысли почну се на челу нѣномъ описывати,

Кадъ сама са Росалїомъ буде, рекне їой: неисказанно Ти се Росалїе! радуемъ, што самъ о-

пешь овде! Не могу Ти исказапти, како ми є было, кадь самь. Твога Брата видила. Безь нѣга ми се струна не мили. При послѣдньй пѣсни — знашь, кою мыслимь — хотѣла самь видипти, хоѣеюл' ме опеть онако мрави пройти, кадь ме рука нѣгова додирне, и помысли само, исто онако ми є было, као што ми се и онда случило: и чини ми се, да ми є и горе їошть было. Може быти, да є по зато, што самь полагано, но полагано перстъ нѣговь преписла была. Не знамь, ели онь то осетїо, ибо я сердца нисамь имала, да га онда погледимь. Ниси Ты Росалїе! примѣтила? Нисамь, отговори їой Росалїа, я нисамь онда на то позорствовала, и кажемь Ти, да се другїй путь у такову шалу не упущашь. Отацъ Твой не бы съ шаломь таквомь задоволянь быо. Е! Ты опеть мыслишь, рекне їой Софана, да онь све за зло прїима, найпосле неѣу на Твогь Брата ни последати смѣти. Росалїа очути, хотѣвши отъ разговора тогь да престане. Софана є мыслила, да ю є со тимь увредила: не! не! Сестрице! рекне їой, я Те нисамь оскорбити хотѣла. Зарь ѣемо се у очи могь рожденногь дана первый путь свадьапи?

Около полноћи тиха мусїка изь сна ю пробуди. Скочи са постелъ, и на прозорь потерчи.

Сребренно свѣтило мѣсеца покаже їой Франческа, гди їой у струну удара, и узѣ свирку свою ову пѣсну пѣва:

Благодатно лице сунца
Кругъ свой дневный обишло;
Часъ полноћи веће куца,
На небесы изишло,
Свѣтило мѣсеца.

Успавано све єстество
Благодари своґъ Творца,
Свако пое садъ существо,
Што настаде већ ноћца,
Свака тварь почива.

Я усамлѣнъ не почивамъ,
Очи санъ ми некраде;
Већ богиню я призывамъ,
Стїхотворну да даде
Силу момъ садъ гласу.

Сутра ће намъ осванути
Дань Софанїйнъ рожден'я
Домашнїћ ће огранути
Часъ сладкога весел'я
Са зоромъ прераномъ.

Петнадесеть лѣта има,
Откак' живи Софана,
И откако краснымъ чинма
Обузима зарана
Знанныма свимъ сердца.

Кой донесе тад' Софану,
Сидьи и сад' Ангелу!
И донеси нѣном' дану
Две ружице, пребѣлу
Съ пребѣломъ червенну.

Съ червенномъ їой кити власи,
За знакъ наше радости
А съ пребѣломъ перси краси
Знаменѣмъ невинности
И ока и сердца.

А я да самъ любичица,
По путиħу што цвѣта,
Нѣна бы ме ахъ ножица,
Кад' бы пошла, да с' шета,
Досадъ већ' сгазила!

Мусїку ту свою съ знатномъ ючерашньомъ пѣсномъ заключи, и крозь сводове древесне у-
течe. Софана у собу Росалїйну оттерчи, Ро-

салїа є їоште на прозору стояла. Єсил' чула Сестрице! запыта ю Софана сь свѣтлымь очима гледаюћи ю, єсил' чула, молимь Те? О добрый Франческо! Тако онь мысли, да бы я любичицу ону сгазила? О не! не! узбрала бы ю са земльице, и метнула бы ю покрай бѣле оне ружице до могь сердца. Кажи му то супра! знамь, да му я то казапи не смѣмь: при томь и ову мою сузу отнеси му. Со тимь Росалїйну руку узме, и сь ньомь сузу єдну оттре, коя їой се низь ланите нѣне сронила была.

ГЛАВА ДЕВЕТА.

Красна, као небесна кавва кћи сьдила є Софана, у невинность обучена на своїой столицы. Главу рукомь подбочила, на ведромь и веселомь нѣномь челу знацы прекрасне пайне изображеныи быяху. Кадкадь бы се и осмѣнула, као што се дѣше у сну на доброга своґь Ангела осмѣуе, и онда їой пренебесань огань изь очїю нѣныхь сваше. Росалїа нехотѣћи ю у мыслима узнемирывати, ћутаюћи трапезу сь цвѣћемь свѣжымь накити, на трапези той хотьла є Софана ручакь єдань Отцу своме дати.

Омарѣ у собу уйде. Софана предѣ нѣга истерчи: сѣ благословомѣ отеческимѣ кѣ пресима своима привуче ю, и нѣколико низова перкрасногѣ бисера на вратѣ їой метне. Бисерѣ є овай, рекне їой, Твое матере быо, она є образѣ и подобїе свое у Теби заоставила. Софана руку Отца и дарѣ нѣговѣ излюбивши на колѣна предѣ нѣга падне: смѣмѣ ли Васѣ Любимый Отче! сада и о чему другомѣ молити, што є сердцу мому исто тако драго, као што є и дарѣ овай? Говори Софано моя! говори, шта иштешь? Свободу мое Росалїе, отговори Софана, колѣна нѣгова кѣ персима своима притиснувши. Нека буде, отговори їой Омарѣ подигнувши ю, и їошть єданѣ путь загерливши ю. Рѣчь свобода Росалїю као удараџѣ какавѣ ятаранѣ затресе, и она предѣ Омара на колѣна клекне, силе не имаюћи, да ихѣ обухвати, а їошть манѣ да што проговори. Софана види, да ће у несвѣсть опѣ радости пасти, изѣ обятїя Отца свога истергнесе, и кѣ Росалїи притерчи. Нѣжныи полюбцы, и позыванѣ Софанїйно опеть ю кѣ себи приведу. Росалїа є хотѣла нѣшто говорити, но уста никако оттворити не може. Омарѣ самѣ ю на столицу отнесе, и за руку ю ухвати: добро! добро! мое дѣте! я у сердцу Твомѣ читамѣ, шта бы ми рада рећи. Но їошть два лица кѣ

содружеству нашемъ недостаю, иди Надпно! и другове Росалїйне зови, пакъ насъ саме оставн.

Франческо и Антоній дойду.

Омаръ: Софана ме є на дань нѣнъ рожденный молила, да їой на даръ свободу Росалїйну поднесемъ, никада їой їоште никакову молбу нисамь отрекао. Росалїа є свободна, и изъ благодарности на любви, кою є она кћери моїой, као сестри своїой, указывала, даемъ їой власть, да єднога отъ Васъ двойце освободи.

Росалїа незнаюћи, кога да избере, сва преблѣди; потокъ суза изъ очїю нѣныхъ потече їой, она се часъ у Брата, а часъ у любезника своґъ загледала.

Ант. Не избирай Росалїе! не избирай! Ты мене добро познаешь, Ты знашь, да си Ты мени све на свѣту; но я самь дара тога недостоянъ, што Омаръ єдномъ отъ насъ поклонити жели. Я самь се о найблагороднїй измежду человѣковъ! о честности Твоїой сумняо, и мыслїо, да Ты зло намѣреніе са мномъ имашь, нехотѣвши новце искупленїя да узмешь. Великодушїе Твое мене уничтожава: даръ Твой лежао бы ми на сердцу, као каква гердна стѣна. И кадъ бы у обятїямъ Росалїе мое было, и тамо бы ме фурїа срама гонила; ибо и она, чуй Росалїе! и Ты ниси отъ подозрѣнїя могъ чиста была. Зато Бра-

та Твога Росаліе! избери, онь се свагда противь мога подозрѣнія ополчавао, онь є любимаць и подпора старогь Твогь Отца; а Ты неподражаемый муже! бацы ме между послѣднѣ робове Твое, отсуди ме на найтежше послове, и кадь се чрезь много година тако покаемь, онда ми прегрѣшеніе ово опрости, кое я самь себи никадь опростити нећу.

Ом. Младый Пріяне! Мѣсецы и године покаянія Твога єсу већ свершене: данась я само пращати могу, и невѣста Твоя спрожія быти неможе оть мене. Єли тако Росаліе?

Росаліа предь Омаромь недвижима стояше, сви власићи — Fasci — лица нѣногь играли су по њой. Тко бы могао казати, шта є она онда чувствовала: ни сама знала ни є, какова се чувствованія у њой пораждаху. Найвећшій степень чувствованія єсть несвѣсть, а за овомь иде нечувственность, у тому состоянію находиласе Росаліа, кадь ю є Омарь оно запытао. Но Франческо се њой приближи. Ты си веће изабрала, рекне їой, Антонїй є Твой Женихь, и већ само смущеніе оно, у коемь є мало пре био, показуе, да бы безь Тебе Сестро Моя! но вѣки нещастань био. Онь ће мене Оцу нашемь замѣнити, а ћу овде остати. Лице Софанїйно засвѣтилисе, као сунце ярко; она

се осмѣивала, и мыслила, да се само осмѣује, но у єданъ путъ їой се изъ пурпурныхъ нѣныхъ устна рѣчи ове измакну: о добрый, и предобрый Франческо!

Ом. Я вѣ видимъ, да распри овой конацъ єданъ путъ учинити морамъ, Антоніи свободу свою опъ мене нѣе да прїими; а оно нек' ю изъ руку невѣсте свое прїими: а да бы и я радости Софанїине и Росалїине участникомъ био, то прїими Ты Франческо! свободу изъ моихъ руку.

Лице Софанїйно, рѣчи ове отчине саслушавши, све се смути, мутна магла на чело їой се навуче, а на лицу Францусковомъ радость и жалость заєдно изображене бияху. Сви су као громомъ удареныи стояли, као да бы на пророчище нѣко изъ облака говореће саслушавали. Франческо хотяше предъ Омаромъ на колѣна клекнути, не знаюћи, шта да му рекне. Омаръ га задержи, загерли, и рѣчи му ущеди, говорећи: доста є већ, доста, не могу се више задержати; Франческо! Ты се сада у обятїямъ стрица Твога Анжела находишь; ходите и Вы дѣчицо! у обятїя Брата Отца Вашегъ, когъ сте за мертвога держали! Росалїа и Антоній баце му се у обятїя. Первый, кой є измыслїо, паузе у кньигама метати, имао є по свой прилицы позорїе -- сцену

— овомѣ подобно да опише, и нипошто се усудити ни є смѣо, описывати га.

Превысоко и неименуемо восхищеніе лице Омарово разведри. После нѣколико мїнута рекне имѣ: Сада ни є дѣцо моя! време, да Вамѣ приключенїя моя проповѣдимѣ, но данась ћете ихѣ їошть чути.

Софана свему приключившемусе заєдно сѣ прочима довольно се начудити не може, но облакѣ є сѣ чела нѣногѣ исчезнуо быо. А како ми Ты Софано! ту стоишь, рекне їой Омарѣ смѣюћи се, валяда се боишь, браћу Твою отѣ стрица сестринскимѣ полюбцемѣ полюбити? Антоніїй и Франческо кѣ ньой полете, но Франческо пре кѣ ньой дотерчи. Франческо їой руку стисне, списакѣ овай више їой є много показао, шта онѣ жели, него што бы їой полюбацѣ нѣговѣ показати могао; но истый предосторожанѣ полюбацѣ быо є первый полюбацѣ любве, волшебство нѣгово тако є силно у претанке щутке — нерве — Софаніїне дѣйствовало, да полюбацѣ Антоніевѣ ни осетила ни є.

Сердце отеческо Омарово увеселявалосе дѣцу ову около себе скуплѣну видећи. Види и поставлѣну трапезу: како ми се чини, вели, валяда хоће Софана на дань свой рожденїя да насѣ

части, то є весма лѣпо. Ове рѣчи Росалїю изъ восхищенїя нѣногъ пробуде: она притерчи, да редушомъ буде, Софана є заиста спомоћницу єдну и попребовала. Очи Софанїйне све су на Франческа гледале, онъ є спроћу нѣ сѣдїо. Откако ю є Отацъ позвао быо, Браћу свою да полюби, отъ тога доба ни є се веће више бояла, на Франческа гледати, кой є на крыли надежде летїо, и узъ свакїй нѣнъ погледъ сердце свое ньой шиляо. Омаръ є слабо на ньи и пазїо, више се съ Росалїомъ и са Антонїемъ разговарао. Но на єданъ путъ разговоръ поведе о пѣсни, кою є Франческо Софани сочинїо, и у очи дана нѣногъ опипѣвао и описвирао: Ты си, веляше му, лѣпу пѣсну моїой Софани сочинїо. Єл' и Теби по вольи Софано!

Соф. — осмеиваюћи се — О красно! и прекрасно!

Ом. Но да си Ты любичицу ону на спазицы Твоїой примѣтила, шта бы їой урадила?

Софана оћути, и сва се зарумени.

Рос. Я знамъ, шта бы съ ньомъ учинила была. Она бы ю узабрала, и за перси свое заденула.

Софана Отцу на груди падне.

Рос. А любичица? она бы опеть мѣстанце по волѣла, негол' лею єдну у самому раю.

Ом. Видишь, како Ты што добро знашь. Єл истина Франческо?

Франч. — предъ Омара падшїй — єсть! єсть истина, и кадъ бы знао, да ћу сбогъ тога живота лишенъ быти, и опеть кажемъ: єсть пѣла истина!

Омаръ на то дерктаюћу Софанїйну руку у руку Франческову метне, и рекне: нисамь я тако слѣпъ био, као што самь се вами показывао. Узми ю Сыне Франческо! Твоя е. Онай махъ, како самь Те видїо, и како самь име Твое чуо, онай махъ самь мыслїо, ню за Тебе дапи: но найпре самь хотѣо сердца ваша наблюдавати, да видимъ, слажу ли се она съ моимъ желанїемъ. И ово образїе къ чувствованїю зрителя принадлежи, а бое къ нѣму изванъ предѣла художества описателна спое.

Блаженъ сѣдїо є Омаръ между блаженныма, кое єнъ таковыма учинїо био. Очи му се суза напунише. О Єлено! Єлено! овай дань да си доживила! Но ако ништа друго, а оно ће поне непео Твой дѣше Твое любимо у ново Отечество пратити. И я ћу га пратити. Да дѣцо моя! и я ћу съ Вама ити. Путъ нашъ мора се у пайносши держати; само самь се съ Отцемъ Бенедешшомъ о нѣму договорїо. Чуюћи име Бенедешшово Антонїа ножъ чисто у сердце

текне: о звѣру, рекне полагано самъ у себи, главу доле обори. Вы не знате дѣцо! продужи Омарѣ бесѣду свою далѣ, Вы незнате, да ми є Бенедетто тай искренъ пріятель у младости моїой быо. И ако и єсть придесеть година прошло, како га видїо ни самь, ничимъ манѣ таки самь га познао, онъ мене ни є познао быо, ибо є мыслїо, да самь већ умрео. Я самь самъ гласъ тай по Италїи разнео быо, да бы судбину мою отъ Фамїлїе мое болѣ запаяо.

На то имѣ и Бенедетто дойде, и содружество ньино умножи: чувствителна душа нѣгова участницомъ буде веселоблагословенногъ овогъ дана. Дань имъ за тилыїй часакъ пройде. Сто путїй су Франческо и Софана єдно другомъ заклинялисе, да ћею єдно другомъ вѣрныи быти, Антонїй и Росалїа мыслили су, да садъ первый путъ єдно другомъ кажу, да се любе.

Предъ вечеръ ихъ Омарѣ на мѣсто єдно отведе, откуда се цѣло море превидити може. Небо звѣздама осуто надъ теменомъ ньинымъ трепташе, издалека се тихо жуборенъ мора мирно движућасе почуе. Како є лѣпо овде мила дѣцо моя! рекне имъ Омарѣ, и опеть ћу умилно и пріятно пребывалище Сыну моему радо оставити. Иди Франческо! и донеси Твою

струну, и отсвирай намъ їошть єданъ путъ Твою пѣсну, а на концу праздника овогъ, и къ заключенїю торжества проповѣдит' ћу Вамъ приключенїя мога живота. Франческо струну донесе, отсвира и отпѣва пѣсну, и Росалїа му у томъ помогне: стогубыи отзыви рѣчи ньине и гласъ отъ окололежећихъ холмова повтораваху. Сузе пренебесне радости изъ очїю цѣлогъ содружества течаху, и Росалїа Стрица свога загерливши радостїю погружена рекне: Божествеиный мужу! како красно испуняваш пророчество Твое, да се нећемо робства нашегъ никадъ каяти!

ГЛАВА ДЕСЕТА.

Омаръ приключенїя своя овако имъ проповѣди: я самъ найстарыїй Сынъ Отца нашегъ Негронїя быо. Будући да онъ никакова имћнїя ни є имао, по ме опредѣли, Терговацъ да будемъ; трговина ми є много безбѣдниї ужитакъ обѣщавала, негол' што ми є спаза ученнога мужа обѣщавала; наука ни є Отцу моему ништа друго давала, но само найнуждниѣ и потребито прикормленїе. Кадъ се терговини научимъ, будемъ у писарницу єдну у Ливорну позванъ, и намъ-

ценѣ. Истинна, да самь у ньой кору хлѣба заслуживао, но коя полза, кадѣ никаква изгледа нисамь имао. Почнемѣ срећу мою у Малткама — у Венеціи — тражити, но и ту ю не найдемѣ. Шесть година дана єднако самь другому радіо, а себи єдва две стотине цекина ущедіо, зато наумимѣ, изѣ Италіе далѣ нудѣ отићи; имаюћи пакѣ довольно добрыхѣ препорука натоваримѣ нѣшто робе о собственномѣ момѣ трошку, и пойдемѣ у Александрію.

Галіа, на коіой самь био, падне єдномѣ овдашнѣмѣ Корсару у руке, и мене заєдно сѣ цѣлымѣ имѣніемѣ моимѣ заробе: Побѣдитель ме Дею овдашнѣму вручи. Осамь мѣсеціи стеняо самь у оковы. Посао, кои су ми наложили были, био є весма тежакѣ, а строгость Надзирателя нашега учини ми га несноснымѣ. Єданѣ путѣ ме яко тући стане, я чисто побѣснимѣ, на землю га свалимѣ, и био бы га удавіо, да другіи притерчали, и изѣ руку моихѣ избавили га нису. И мене Дею обтуже као преступника, Дей ме осуди, да сто дегенека по табаны добіемѣ: Вы морате ружну ту казнь добро познавати: смерти самой био бы онда угрожавао, но дегенецы много несносніи ми быяху, негол' смрть. Да бы пакѣ казнь ту избѣгао, кажемѣ имѣ, да ћу се потурчити, и тако ми окове опрѣше. Дей ме

между свое Послужитељ узме, и после краткогъ времена надзирателѣмъ бывшегъ могъ Надзирателя постанемъ. Достоинство мое на то употребимъ, да судбину нещастныхъ моихъ другова оплакшамъ, и то могу казати, да ме є многа гдикоя благодарна суза за благость мою наградила.

Отъ дана до дана све миліи и миліи Господару моему бывати почнемъ, и будући да самъ весма ревностно єзыкъ ньіовъ научіо, то ме наскоро за Писара у своемъ Кабинету узме. Я самъ му многе и важне услуге чиніо, зато ми после нѣколико година кћерь свою за жену даде. Вѣно — миразъ — богато, кое самъ покрай нѣ добіо, до пюгъ ме є довело, да самъ се опеть у терговину упуститти могао. У тргови ме є и Тастъ мой помагао, зато самъ у ньой и успѣвао, и за шестъ година више отъ 100,000 Піастрій стекао.

Но при свемъ томъ и уживанѣ живота заборавіо нисамъ. Найбогатіія трапеза, и шестъ найкрасніи робкиня морале су чувства моя удовольствовати, оне су ихъ само ушупити могле. По нѣкомъ времену куваре мое и наложнице промѣнимъ. Востокъ ми є морао посластице свое, а Европа лагаріе — Flitterwaaren — нѣне давати. И тако ужитакъ за ужиткомъ, и лудостъ за лудостію, никадъ ситъ био нисамъ. Што самъ се

више у похоти изнуравао, то ми є све празднїя и празднїя грудь моя бывала. Богатство мое непрестанно се умножавало, но задовольство се све то већма умалявало.

Жена моя после десето-годишнѣга супружества умре ми, и єдногъ сына остави. Селїмъ любимцемъ дѣде своегъ постане, онъ га є зарана їоште у оружїю обучавао. Онъ тек' двадесеть и петъ година има, и веће се между найхрабрїи Войницы наше Државе брои. Дей ми є често срећу сваку съ њимъ желїо, а я самъ се у потаи побѣда њговыхъ свагда стыдїо и срамїо. Но наскоро мысли мое промѣнимъ, а то ми греческа єдна робкиня учини. Знате већ, тко є моя Єлена была. Ню є Корсаръ єданъ съ єдне Млетске — Венецїанске — галїе заробїо, и я ю отъ њга купимъ. На колѣна предъ мене клекне, и съ склопљнымъ рукама молити ме стане, честь нѣну да поштедимъ, сузе нѣне на сердце мое падну. Зато почнемъ кушати, не бы ли се она како ненасилїемъ у мене залюбила; свагда самъ їой тако предусрѣтао, као нещастльивомъ єдномъ существу, кога нещастїе почитовао самъ. Што ме є више побудителность и умилный характеръ нѣнъ къ њой привлачїо, то ми є све лакше бывало заборавити, да самъ їой Господаръ, и све самъ се трудїо,

да їой се као пріятель, ако не као любовникъ покажемъ.

Поступанѣ мое ню восхити; посведневно се повѣреніе и благохотѣніе нѣно къ мени умножавало. Консулъ овдашньій добіе после шестьмѣсецій налогъ, да ю отъ мене искупи. Я ю къ себи дозовемъ, и рекнемъ їой: Ево Ти Пріятельице Моя! човека єдногъ, кой ми новце искупленія за Тебе дае, хоћу ли ихъ узети? Не! не! отговори она, мени у обятія полетивши, то судбину мою опредѣлює: я Ты оно даемъ, што Ти Корсаръ, кой ме є Теби продао, никако ни є могао дати, ево Ти сердца могъ. А Вами Господине Консуле! дати ћу писмо єдно на могъ Отца, я га добро познаемъ, онъ ће намѣреніе мое заисти оправдати. Ни самъ знао онда, шта є Отцу своемъ писала. Само ми є отговоръ нѣговъ указала, онъ є отваженіе нѣно благословіо. Докъ' годь онъ издануо ни є, єднако смо се преко писма съ ньимъ разговарали.

Єлена є чисту ону добродѣтель притяжавала, кою добра наравь и мудро воспитаніе у човеку породити могу. Она є вѣроисповѣданіе свое любила, но ни є вѣровала, да є добродѣтель даръ єдног' єдиног' вѣроисповѣданія. Она є побожна была, но побожность нѣна была є блага и стерпѣлива, ни єданъ човѣкъ ни є бла-

годѣянїя нѣногѣ исключенѣ быо. Она є потайно наумила была, да ме не кѣ своему вѣроисповѣданїю, но кѣ высокимѣ онымѣ чувствованїямѣ добродѣтельи приведе. Благо посвѣѣномѣ Твомѣ пепелу, сладка и благородна супруго! предпрїятїе Твое приведено є у дѣйствїе!

Я се управо нисамь Хрїстїанства, но само суевѣрїя отрекао. Я Хрїстїанства ни познавао нисамь, и све самь га єднако сѣ суевѣрїемѣ держао, тако самь мыслїо, да ни є нуждно, нѣга ради, муке толике терпити, и окове сносити. Вѣра моя у єдинога Бога на небесы єднако є неповредима заостала, нит' є она со тимѣ што изгубила, што самь я кѣ Маомеданству прешао, и я Моамеда исто тако за Пророка Божїегѣ не держимѣ, као што га и Хрїстїани за таквога не почитую. Но садѣ опеть у Хрїстїанство прелазећи разумѣ мой хоћу да оснуемѣ, я се нећу стыдити, мысли мое у присутствїю самогѣ Бенедетта открыти: єданѣ путѣ самь се само сѣ ныимѣ о томѣ разговарао, и већ самь изѣ разговора тога видїо, да онѣ єзгро отѣ люске разлпковати зна.

Кадѣ с Софана, єдиный плодѣ наше любве, до тогѣ дошла, да є већ способна была, да їой се духѣ изобрази, предамѣ я изображенїе нѣно са свимѣ матери нѣной. Мати нѣна учинила

є отъ нѣ то, што є она сама была. Я самъ то добро знао, да ю она у своме вѣроисповѣданїю обучава, и радо самъ гледао, ибо є вѣроисповѣданїе Єлене мое добро быти морало, зашто самъ я посредствомъ нѣ добрымъ и срећнымъ постао. Но пре две године смерть ми ю похити. На смерти нѣной морао самъ їой се завѣщати, да Софана нѣна никадъ жертвомъ харема быти неће. Я самъ їой то радо и радо учинїо, ибо се и онако и онако отъ єдинногъ добра, што ми є їошть заостало было, разстати не мого, и онда самъ све єднако слушїо, да у овой земльи дане мое заключити нећу. Откако ми є Тастъ мой, Дей, умрео, све ми се достоинство мое мало по мало умалює. Наслѣдникъ нѣ[illegible]ъ, чо[illegible]къ преко сваке мѣре и разлога сребролюбивъ, мене за подозрителна Гражданина држати почне, свободна моя основанїя и непрестанно соображенїе съ Хрїстїаны, подозрѣнїе нѣгово противъ мене побуде. Но управ' є богатство мое побуждавало жедь нѣгову къ имѣнїю: я то знаюћи, трудїо самъ се почесто любовь нѣгову къ имѣнїю великимъ даровма и поклонима задовольити: а у потаи самъ све непрестанно мыслїо, како ћу се ногкшїю нѣговыхъ избавити. Ни єднога мирногъ часа не бы имао, да самъ намѣренїе нѣгово послѣднѣ искусити могао; злочестный

лухъ нѣговъ совѣтовао му, и добро мое и имѣ-ніе да прождере, а домашнѣ мое щастіе да разори.

Кядъ сте Вы любезныи мои! Сыну момъ у руке пали, самъ промысаль Божій предъ Васъ ме є извео: я самь дѣцу Брата мога и Сестре у Вами видіо, свакояко самь се усиляваши морао, радость мою предъ Вами да сакріемъ. Изъ довольно причина нисамь то момъ Сыну казао, и доста самь труда имао, док' самь га на то приволео, да Васъ мени преда. Намѣреніе мое, да изъ Триполи отидемъ, садъ на ново іоште већма оживи. Я самь све потайно, зато и полагано уредьивати морао, да бы само сѣнку сваку подозрѣніѣ избѣћи могао. Я самь іошше мѣсецъ дана после имао, да све уредимъ, као што требао; но Бенедетто амо дойде, и зато му двоуманъ отговоръ дадемъ. Пре нѣколико дана позове ме Дей къ себи, и каже ми, да му є сынъ мой Селімъ о Софани моїой казывао, и да є онъ радъ, да ю за наимладьегъ Сына нѣговогъ Хамета дадемъ, кога є оно дана изъ Цариграда очекивао. И Дей съ овымъ рѣчма заключи: надамсе, да Ты честь союза овогъ чувствуешь.

Сви се престраше, и зебсти почну. Софана ее у обятія Франческова сакріе. Росалія

руку Омарову полюбцы преиспуняваше. О Боже! Боже! то ли є узрокъ злога расположенїя Твогъ, кое самъ я тако зло толковала. О дѣцо моя! продужи Омаръ бесѣду свою, сердце мое са свимъ є као разбїено было. Свакояко самъ се усилявао, Дею похлѣбствовати, иначе бы сви пропали. Но садъ є већ преиуждно, што скорїе да отплазимо. Капитанъ галїе Француске, на коїой є Прїятель нашъ Бенедетто дошао, пойти ће до осамъ дана у Марсель, све ће насъ на ладьу узети. Преко полъ милліона Пїастра промѣнуо самъ посредствомъ мѣговымъ кое у драго каменѣ, кое пакъ у добре векселе, а толико ћу Сыну момъ кое у лежећимъ добрамъ, кое пакъ у роби оставити. Досада є потайно ово дѣло мое тако срећно успѣвало, да се заиста надапи могу, да ће га небо свемогуће и до конца мѣговога благословити и руководити. Но нуждна намъ є дѣцо моя! найстрожїя предосторожность, ако хоћемо, да намъ главе на нами остану. Зато на сваку Вашу стопу позорствуйте и бдите, да се предпрїятїе наше какогодь издало не бы. Бенедетто ће насъ їошће єданъ или два пута само посѣтити; но за сва ова усиловенїя наша довольно ћемо после нѣколико седмица само награжденыи быти.

ГЛАВА ЄДАННАДЕСЕТА.

Слѣдующи дани были су дани непресѣчногъ торжествованія добродѣтельи и любве. Росалїа є свакій дань, као и пре, Софану свою посѣщавала, и сердце нѣно съ будущностію услаждавала. Омаръ є свако вече Франческа къ кћери своїой водїо, но струна є сада веће отпочивала. Обое су повѣсти сердца свога єдно другомъ вовѣравали, и часъ рѣчма, а часъ и безъ рѣчїй завѣщаніе вѣчногъ своегъ союза повторавали.

Шестый данъ Бенедетто съ Капитаномъ галїе къ ньима дойде. После обѣда цѣло содружество на брегъ морскій отиде, море є у зидъ вертограда Омаровогъ ударало. Подъ извѣтомъ, да ћею се по мору проходати, на шайку єдну навезусе, шайка є ова непрестанно у заливу лежала, Роландъ, тако се Капитанъ галїе те Француске звао, Роландъ є на шайки той дубльину мора испытывао, и видїо, да галїа нѣгова са самъ удобно у заливъ истый уповити и къ брегу самомъ приближитисе може. Ту заключе, ако вѣтаръ поспѣшанъ буде, шаки супра на вече галїа изъ пристанища Триполитанскогъ да изиде, и у заливъ тай да доплови.

Супрадань се на путъ спремати почну. Ан-

шоній и Франческо найопимѣнніе драгоцѣности Омарове и найнуждніе посудье за путь уперше. Омарѣ Арапина свога Несира кѣ Лѣкару ономѣ Француском Лафорсу у градѣ пошлѣ, писмо єдно запечаћено даде му, и заповѣди, да га топерьь сутра на полдне преда. У писму тому опростїосе Омарѣ опѣ нѣга, и послао му векслу єдну отѣ две стотине цекина, кое ће му Консулѣ Француский платити: половину пакѣ поклона тога Лафорсѣ за себе да задержи, а половину Арапину листодавцу да даде. Све є вєћ преправно было. Осамь робова Омаровыхѣ, све самыхѣ Хрїстїана, были су на добру нѣговомѣ.

Ноћ є тиха, но са свимѣ мрачна была, вѣтарѣ є поспѣшно дувао. Около 10 часовѣ Франческо ладьу чуе, гди се кѣ брегу приближуе, и сѣ сладкимѣ умиленїемѣ Омару пришествїе нѣно яви. Омарѣ робове свое сазове, и овако имѣ говорити почне: Прїятельи мои! я садѣ у Европу путуемѣ; за награжденїе вѣрности Ваше покланямѣ Вамѣ свободу, и узимамѣ Васѣ сѣ собомѣ у Отечество Ваше. Сви на колѣна предѣ ньимѣ падну, и сѣ сузама радости благодаре му. Будући да самь я досада сѣ Вами, као сѣ нещастномѣ браћомѣ поступао, то ми се закуните, да ћете ме у свакой бѣди као мужеви защища-

вати. Сви єдногласно повикну: то Ти се заклинѣмо! По томъ имъ Омаръ заповѣди, све пушке и оружїе у шайку да поопносе, а самъ съ Антонїемъ и съ Франческомъ къ пещери отиде, у коїой су кости Єлене нѣгове биле. Омаръ камень єданъ са землѣ отвали, подъ ньимъ малый єданъ сводъ сакрывенъ бяше, и Антонїй и Франческо ковчегъ изъ гроба подигну. То ми є найдрагоцѣнніе сокровище мое, рекне имъ Омаръ, пре бы животъ мой, негол' нѣга, овде оставїо. И ковчегъ у шайку отнесу. После тога по дѣвойке отиду, кое ихъ съ нестрпѣнїемъ очекиваху. Обе робкинѣ Надина и Фатме гледалесу, шта се то ради, и довольно се начудити нису могле. Омаръ имъ рекне: мы идемо у иностранну землю, може бити, да ћемо се скоро вратити, а може бити, и никадъ више: я Вамъ свободу покланямъ: ако хоћете, можете и Вы съ нама поћи, но на свакїй случай, Вы сте свободне. Ако овде остати усхтѣте, то ћу Вамъ свакой по двеста цекина поклонити, а ако съ нама пойдете, то ћете два пута толико добити, или ћу Вамъ прикормленіе Баше, док' сте годь живе, обезбѣдити. Добре робкинѣ не знадоше, шта имъ се то случава И оне предъ Омара на колѣна клекну. Задержи Господару! Твое дарове, и допусти намъ,

премилымъ Госпожамъ нашымъ, док' смо годь живе, да служимо. Е добро! рекне имъ Омаръ, а Вы ходите за нами; сви къ шайки поите. Кадъ у шайку већ уйду, погледи Омаръ ïошть єданъ путъ на свое добро, и заповѣди робовомъ своимъ, да веслаю, и къ ладьи иду. За єдну четверть часа сви на галïи буду, и таки галïю оштисну.

Свѣжъ и поспѣшанъ вѣтаръ дувати почне, платна се разапну, и кадъ зора заплави, єдва су приморïе афрïканско као каковъ бѣо обшивъ видити могли, кой зелену поверхность мора окружаваше. Омаръ сада дѣцу свою загрли, и молећимъ взоромъ на небо погледи. Софана и Росалïа любезникомъ своимъ на груди падну. Капитанъ Роландъ быо имъ є собственну свою собу дао, да у ньой пребываю, тако су само неизбѣгаеме тегобе пловитвенне поднети имали. Галïа є као на крылы орловы по мору пловила, и предъ вечеръ ништа друго, но море подъ а небо надъ собомъ видити могоше. Вѣчномъ и єдинномъ Богу хвала! повикне Омаръ у восхищенïю свому, садъ смо веће избавлѣныи: садъ є попервъ Дей бѣгство наше чути могао: да и довольно причина имамъ и то мыслити, да га данась ïоште искусити неће. И да бы садъ све

свое Корсаре за нами послао, не бы насъ више стићи могао.

На столу свому писарномъ оставїо є био Омаръ нѣжно писмо Селїму своме, у коме се съ њимъ опраща, благословъ отеческій му дае, и сва добра и сву робу свою покланя. Писмо є то тако списано было, да га є Селїмъ и Дею самомъ показати могао. У особитомъ пакъ и приключеномъ писму яви му, да є онъ зато наумїо, съ бывшимъ робовма своима, дѣцама Брата и Сестре свое у Европу утећи, да бы Софану свою отъ насиле удае избавити могао. Да є Селїмъ писма та и пре нашао, негол што су бѣгство нѣгово дознали, то є Омаръ увѣренъ био, да га Селїмъ издао не бы, боећисе, да му Отца не стигну, а нѣга тако богатога наслѣдїя не лише, коему се тако рано їошть ни надао ни є.

Погода є цѣлогъ њиногъ пута прекрасна была. Кадъ бы се годь сунце раждало, и кадъ бы годь заходило, свакїи путъ бы се путнице очевидномъ покровителству Божїемъ радовали. Десетый дань галїа у пристанище Марсељско дойде. Кадъ на суво изиду, и утвари Омарове изъ галїе у гостилницу унесу, Омаръ Капитана отъ галїе лѣпо награди, а свакомъ робу своме по двадесетъ и петъ цекина на шрошакъ

дадє, и отпусти ихъ. Будући да су робови тїи понайвише ладьари были, то кодъ Роланда у служби заостану; а три ньи кодъ Омара службу прїиме.

Како се Бенедетто отъ тегобе пловитвенне мало опорави, таки у Авиньонъ отиде, да Посланнику Папїйномъ примиреніе Омарово съ церквомъ Хрїстовомъ обяви, и то издѣйствуе, да Франческо Сестру свою отъ Стрица за жену узети може. Между тимъ се цѣло содружество у Европейско одѣло обуче. Ако и ни є красота Софанїйна и Росалїйна одѣломъ овымъ ништа добила, ничимъ манъ обе су се Любезницомъ своимъ већма понраьявале: чинило Имъ се, као да невѣсте ньине со тимъ ѣстнїе ньима принадлеже. из-

ГЛАВА ДВАНАДЕСЕТА.

Како у Марселль дойду, таки Франческо и Росалїа Отцу свому Октавїю приѣствїе свое яве, непропустивше сообщити му, да съ ньима и воскресшїй Братъ мѣговъ Анжело, кой є Господарь ньинъ у Триполу было, заєдно съ кѣерю своїомъ у Европу иде, и да є кѣерь свою Октавїю за кѣерь опредѣлїо. Толико се веселыхъ

приключенїя у сердцу Октавїевомъ сада спеће, да заиста знао ни є, чему више да се радуе, или повратку дѣце свое, или таквой срећи Сыиа свога, или воскресенїю єдинногъ и любимогъ Брата свога.

Найпосле Бенедетто съ дѣла свога дойде. Папа є воспрїемленїе заблудившегъ своегъ Сына у крыло церкве свое подписао, и удаю Сестре за Брата отъ стрица печатомъ потвердїо: само име Софанїйно признати и задержати не хтѣде. Бенедетто га є увѣравао, да Софана у Арабскомъ толико значи, као єдно зерно бисера, зато и толико исто да єсть, као Маргарита, но никако успѣти не може; найпосле и то дозволе, но къ имену Софана и име маїои тере свое Єлена да придода. Тако и буде.

Изъ Марселья цѣло содружество пойде на колы у Флоренцїю, ту осамь дана пребуду, и памятнодостойности мѣстне прегледе. Изъ Флоренцїе у Римъ отиду, и ту све важности виде.

Октавїй старый и то чуе, и те ко му већ буде, очекивати, да єданъ путъ у Неапель дойду. Зато се самъ у Римъ отправи, и после три дана пребыванья ньиногъ у Риму у госпилницы изненада имъ дойде. Задуго є добрый Спарина надъ дѣцама своима, и надъ добрымъ и изрядныимъ Братомъ своимъ плакао. Сви су у са-

момъ восхищенїю даже утопльѣныи были, а Октавїа є прекрасна сна нѣгова тако обволшебствовала, да є таки сутрадань Брату своме, а Отцу нѣномъ рекао: Ни є могуће, часъ онай дуже очекивати, у коимъ ћу Ангела овогъ моїомъ кћерїю назвати моћи. Зато айде Брате! двогубу свадбу овде да торжествуемо, рекне му на то Омаръ, мы смо ю Тебе ради само досадъ отложили были. Предложенїе то Омарово сви драговольно прїиме. И Отацъ Бенедетто сва четыри щастльива существа благослови: после осамь дана изъ Рима у Неапель отиду. Омаръ велико єдно добро себи купи, и ту се съ дѣцомъ своїомъ стани, добро ово лежало є само нѣколико миля далеко отъ града. И Антонїй є желїо, да се гди близу ныи поселити може, желанїе нѣгово буде му испунѣно; и Октавїй и Бенедетто дане свое измежду оба поселенїя прїятельства и добродѣтельи проведу.

Изъ Г. Пфефла.

АДЕМДАЙ,

или

НУЖДНО и ИЗЛИШНО.

(Арабска єдна повѣсть).

Ноћу єданъ путъ младић нѣкій, именемъ Адемдай, убогъ рукодѣлацъ у Багдаду, по улицамъ великога овогъ града идяше. Дѣланїе свое дневно совершившїй, полагано уморене свое кости єдва вући могаше. Идући кући своїой у єданъ путъ вику нѣку на страни чуе, и при мѣсечини два човѣка упази, кои у Ерменско одѣло обученыи противъ шестъ разбойника браняхусе. Адемдай, храбаръ и чувствителанъ будући слабїима у помоћ потерчи, и хотя да є само подебео штапъ у рцы имао, ничимъ манѣ храбростю своїомъ и смѣлостю разбойнике истерастера, и со тимъ мирно путемъ далѣ пойде, и неосвертаюћисе на оне, кое є избавїо, ниши

чекаюћи, да награжденїе за дѣло оно получи, кое є безъ свакога корыстолюбїя учиніо.

Сутрадань опеть на посао свой, као и досадъ, изидье, и цѣо дань изванъ обыталища свога проведе. Около 10 часова у вечерь кући дойде, кодъ огня сѣдне, и о судби своїой тужитисе почне. О како се морамъ, говораше онъ, горко трудити, докле удный овай залогай хлѣба заслужимъ. Данась самь као червъ радїо, и єдва самь полъ драхме заслужїо. О Муамеду! Муамеду! кадъ бы само оно имао, што ми є нужно, та быо бы срећній отъ везира єдногъ.

Тек' што те рѣчи изговори, а нѣко му на двери куцне. Адемдай устане, да му двери оттвори, мыслећи, да ни є тко отъ сосѣда — комшїя — нѣговыхъ дошао, кой помоћи какве отъ нѣга потребуе: но зачудисе, ч'ловѣка едногъ у бѣло одѣло, као снѣгъ, обучена предъ дверма видећи. Непознанъ овай ч'ловѣкъ быо є стаса повысокогъ, и образа умилятогъ, но страхопочитателногъ. У руцы своїой держаше онъ штапић єданъ; превысока чалма главу нѣгову покрываше, и бѣла брада по персима му пала быяше. Адемдай, хотя весма смѣлъ и храбаръ, савъ се сгрози, образъ овай видећи. Но непознаный му овако говорити почне: „не бойсе Адемдаю! а самь Твой Хранитель — Геніюсъ — кой Ти долазимъ

добро да Ти учиним: я самь све чуо, што си Ты садь овде при огню овомь говорїо. — Єли Адемдаю! Ты бы желїо, само оно да можешь имати, што Ти є нуждно? — О Хранителю мой! отговори му Адемдай, отъ страха повратившїйсе, само бы то желїо, што ми є нуждно, мыслимъ, да то ни є много. — Заиста ни є, рекне му на то Непознаный; но у чему сето нуждно состои? Шта Ти треба, да можешь рећи, да оно имашь, што Ти є нуждно? — Весма мало Хранителю! само толико да ми є да имамъ, да бы гладъ мою свакїй дань утолити могао: древа, да собицу мою угрѣемъ, и одѣло, да тѣло мое покрїемъ; то само да имамъ, пакъ бы све имао, што бы се къ щастїю моемъ изискивало. — А колико бы новаца пребао, да све то себи прискорбишь? — съ єдномъ драхмомъ на дань могао бы све, што ми є нуждно купити. — Добро Адемдаю! рекне му непознаный, ево Ти осамь драхма! я ћу свакихъ осамь дана у ово испо време къ Теби долазити, и ако Ти єдна драхма дост' не буде, то ћу Ти све оно дати, што Ти устреба, да нуждна имати можешь. Но само Адемдаю! оно, што Ти є нуждно, ибо што є годь излишно, то Ти ни пошто нећу дати. То изрекшїй непознаный Хранитель Адемдаевъ исчезне.

Адемдаю сердце отъ радости играти почне, и съ восхищенїемъ осамь оныхъ драхма сматраше, кое му є непознаный дао. Осамь драхма! та цѣлога могъ живота тако срећанъ нисамь био — Но! садъ ми є животъ мой обезбѣдьенъ, и да се нимало мучити не морамъ: нећу више съ зноемъ цѣо цѣлцатъ дань радити морати, да бы само у вече мало куване пиринче єсти могао. То рекшїй около себе погледа, и дубоко се замысли. Тако ми вѣре! повикне, я самъ сметенякъ, заборавїо самь Хранителя могъ за маленкости нѣке молити, кое су ми заиста весма нуждне! Никакова покућства у соби не имамъ, а заръ то ни є нуждно, да у кући и покућства што имамъ. Каква ми є ово постеля, на коїой морамъ да спавамъ, а то є нуждно, да човѣкъ постелю има, ибо є спаванѣ исто тако животу нуждно, какогодь и єло и пиће. Нити имамъ какве столице, да се посадимъ, а морао бы нѣколико столица имати, єдну за мене, а другє за мое пріятелѣ, када бы ме посѣтили, ибо я да сѣдимъ, а они да стое, то быти не може. Ни стола не имамъ за єло; а кадъ се єде, то треба што удобнїе или коммоднїе да єдемъ —

И тако сирома Адемдай све, што му се чиняше, да му є нуждно, понакратко повтора-

ваюћи сѣ неописаномъ жељомъ очекиваше, да му Хранитель дойде. У вече кувану пиринчу єдући сье у глави счисли, шшо бы му їошше кѣ срећи нѣговой нуждно было. До душе, мыслаше у себи, и шо є заиста зло, шшо само єдну драхму на дань попрошшти могу. Сама и сува пиринча, какво є шо єло? а свакїи дань и све непресшанно пиринча, веће ми є догердила. Радо бы кадкадъ и їошше шшо кѣ тому имао, и да бы само у праздничне дане было. Хранитель мой рећи ће ми може быши, да шо ни є нуждно, но онъ не има у томъ нимало право, шо ћу му доказаши. Нуждно є, да ч'ловећкъ єло свое промѣни: ша Богъ є шолико добрихъ сшварїи за єло сошворїо, а шо ни є безъ причине и безъ каквогъ основанїя учинїо. Да бы пакъ єсши могао, шо є нуждно, да-ми се сердце єла зажели, а како ће га се зажелиши, кадъ све єдно ше єдно єдемъ? Праздницы су дани радосши и увеселенїя, а каково увеселенїе убогъ и сирома ч'ловећкъ има, кой нѣшша друго не єде, но само пиринчу? Зашо є нуждно, да кадкада єло промѣнимъ. Но будући да є пиринча найевшиніе єло, шо ми ово, шшо самъ за єданъ дань искао, никако доста быши не може, ако и друго шшо, а не саму пиринчу, єсши усхшѣмъ. Тако ћу Хранишеля могъ молиши, да-ми єдну дуахму за про-

сте, а по две за праздничне дане опредѣли, то заиста ни є много.

Хранитель Адемдаевѣ, као што є обећао, осмый дань дойде. Адемдай предѣ нѣга на колѣна клекне, и све му по реду изброи, што му є нуждно, и што є при первомѣ ньиномѣ састанку заборавїо бъо. . Хранитель све лѣпо саслуша, и рекне му: чувайсе Адемдаю! да што више отѣ ме не заиштешь, него оно, што Ти є нуждно: ако се усудишь што излишно искати, то знай, да ћу Те на вѣки оставити. Адемдай таки Хранителю своѣ доказывати почне, да, што є годь искао, ништа ни є излишно.

Адемдай тако Хранителя своѣ убѣди, и Хранитель му четыри денара даде, да покућство купи; кромѣ тога дозволи му и две драхме за праздничне дане, и обѣцавшїй му се, да ће опеть после осамь дана дойти, отиде.

Са зоромѣ пойде сутрадань Адемдай, да куп на покупуе; и даде прекупљно покућство у обыталище свое пренети, кое є у воображенїю своѣ дворомѣ царскимѣ већ учинїо быо. Но на скоро га туга обузме, видећи, како є покућство ново, а кућа му стара. Почне тако кућу са свїю страна прегледати, и найде, да бы ю са свимѣ покерпити и поправити пре-

бало, иначе бы се скоро са свимъ срушила. Дозове къ себи єдногъ зидара, и овай му каже, да бы за манъ новце нову новцыту кућу сазидати могао.

Сирома Адемдай на то се смути, мислећи, како ћу ново ово покућство у стародревну кућурину унети, да ми се єданъ путъ кровъ свали, пакъ да ми красно ово покућство поразбїя, а и мене притяжателя удави: нећеш заиста излишно быти, да нову кућу сазидамъ, ибо ће стара скоро пасти; а найнуждньїе є, да чловѣкъ подъ кровомъ живи, не боећисе, да ће га кой часъ греда каква убити.

Кадъ Хранитель трећїй путъ дойде, сообщи му Адемдай своя примѣчанїя; Хранитель ихъ тако одобри, да му є таки 50 денара дао, да бы малу свою кућицу на ново сазидао.

О да велике среће! рекне Адемдай, Хранителя єдногъ имаюћи, кой се попечително о томъ стара, да намъ све оно дае, што намъ є нуждно. Хвала му, велика! отсадъ веће нећу у оскудости быти. Свагда ћу га само о томъ молити, да ми оно даде, што є неотложно нуждно, и онъ ће ми то свагда учинити, а за излишно богме и не бранимъ. Што є нуждно, то све управ' и єсть, а излишно ни є ништа.

Тако нова кућа скоро готова буде, и Адем-

дай у нію са покућствомъ уйде. На све столице посадьивао бы се, постеля му є тако добра была, да ни є хотѣо изъ нѣ ни изпи. Са доданомъ ономъ драхмомъ могао се сваке седмице по єданъ путъ почастити. И заиста є сада све имао, што му є нуждно было. Нуждно? Може ли тко, говораше Адемдай у себи, рећи, да оно има, што му є нуждно, докле є самъ самцатъ? Има ли ѣоште какво добро овогъ свѣта, коемъ се заиста радуемо, ако га съ другимъ кимъ дѣлити не можемо? Видећи толике, коч по двадесеть и по тридесеть жена серайлу своме имаю, заръ є то за нѣга излишно, єдну поне да има? Єдна єдинна ѣоште жена, пакъ ћу онда све имати. О како бы лѣпо овде за жену єдну было; кућа бы ми се спо путїй лѣпша, а постеля тысящу путїй мекша чинила. Заиста ћу Храните ля могъ пытати, єли жена єдна што излишно?

У такове мысли углубљъ пойде Адемдай на торжище — пїацу — Багдадску проходатисе, и вида Трговца єдногъ, кой съ робовы тргуе; множество любивыхъ людїй около нѣга скупилосе было. Трговацъ є єдну младу и прекрасну дѣвойку продавао, свак' се божественномъ нѣномъ спасу чудїо и дивїо. Добрый Адемдай никако се уздержати не може, да ю и онъ не

промотри, и тек' што ю добро уочи, и сердце му у исто време любовь ощущавати почне. Зато како є неспокоянъ быти морао, видећи красноообучена єдногъ младића, гди къ Трговцу приступа, да дѣвойку исту купи, за коїомъ є онъ већ пламтїо. Дѣвойка покрывало лица преко главе пребацы, и толико дражести — Reize предъ свима открїе, да се Адемдай єдва задержати могаше, удивленїе свое предъ свима и велегласно да не изрази. Укоченъ савъ као стубъ каковъ стояо є Адемдай, ово зато, што є радъ био, красоту ту имати, ово пакъ зато, да ю како не бы изгубїо. Дѣвойка є ова, рекне Трговацъ робовный, Циркасскиня, има поперьв осамнадесеть година, удара у струну — гитару — пѣва прекрасно и изрядно, игра съ неописаномъ величественостю, и соединява у себи све дарове женскогъ пола. Она кошта 2000 Денара. Младић онай красно обученъ давао є веће 1500 денара, Адемдай се савъ уздержће, но Трговацъ при первой цѣни остане. Адемдай опеть свободнїе дыхати почне. Младић реченъ давао є Трговцу 1800 денара, Трговацъ се мало замысли, а Адемдая мертавъ зноя спопадне: но Трговацъ ни драхмице отъ 2000 денара попустити не х'тѣде, и младић онай, незалюблѣнъ будући толико отиде.

Бѣдный Адемдай дань тай као убїенъ, сердце нѣгово туга нѣка обузимаше, коя любовь нѣгову їоште већма подпаляваше. Но на срећу нѣгову Трговацъ са торжища отиде, красну Цїркасскиню и не продавшїй.

Хранитель Адемдаевъ морао є їошть то вече къ Адемдаю дойти, ибо є веће осмо было. Адемдай га є съ неописаномъ жедью очекивао, и тек' што Хранитель двери отпвори, а Адемдай на колѣна предъ нѣга падне. — Шта Ти є Адемдаю? упыта га Хранитель умилнымъ гласомъ, каква туга тебе печали? Зашто Ти потокъ суза изъ очїю Твоихъ тече? Заръ Ти нисамь обећао, да ћу Ти све то дати, што Ти нуждно буде? — Адемдай къ себи дойде, и рѣчь му прехвати: о Хранителю мой! Ты мыслишь, да си ми сва нуждна дао, кажи ми, молимъ Те, єли жена єдна што излишно? Заръ самь я на то осудьенъ, да све самъ самцытъ овако живимъ, а да никакове сопутешественице не имамъ, коя бы веселѣ и спраданѣ мое са мномъ дѣлила? Ако є жена єдна што излишно, то є заиста ово излишество весма нуждна ствар. — Хранитель се не може отъ смѣха задержати, и рекне му: имашь право Адемдаю! Ты потребуешь єдну Супругу. Жена є нуждна къ щастїю честногъ и поштеногъ ч'ловѣка. Ишти

за супругу кћерь каквогъ рукодѣлца, и я се тому противити нећу. Кућа Ти є нова и уредна, свака дѣвойка Теби равна радо ће за Те пойти. Ахъ! отговори му Адемдай, ни є то оно, што я желимъ. Я самъ залюблѣнъ. А кадъ є ч'ловѣкъ залюблѣнъ, то є за нѣга нуждно, да предметъ онай и получи, кой люби. — Нуждно є, те како їошть нуждно, отговори Хранитель. — О благо мени, повикне Адемдай, то ћешь ме Ты найщастльивїимъ ч'ловѣкомъ учинити, ибо си ми оно обећао, што нуждно успотребуемъ. Я самъ се даже до бѣшества у єдну младу робкиню залюбїо, коя є тако красна, тако красна, да їошть ништ' краснїе у животу момъ видїо нисамъ. Но цѣна є, кою за ню ишту, велика. — А колика? упыта га Хранитель. — Две тысяще денара, отговори Адемдай. — То є много, рекне му Хранитель, но будући да си се Ты залюбїо, то є нуждно, и толико денара издати. Кадъ бы се Ты разболео, то бы нуждно было, да се лѣчишь, ако бы лѣкови, и Богъ зна, почто были. А Ты си болѣстанъ и весма болѣстанъ бѣдный Адемдаю! ево Ти те две тысяще денара.

Со тимъ Хранитель отиде, и Адемдай отъ радости не-знаде, шта да ради.

И тако є Адемдай робкиню ону купїо, и со тимъ найдрагоцѣннїе сокровище получїо, же-

ну сирѣчь, кою є любїо. Већ вальда се неће ништа више тужити, ибо садъ све има, што му є нуждно. Между тимъ тек' што лѣпа Ассели — то є име жени было — ногомъ на прагъ нѣговъ ступи, сва се стресе, и повикне: О Боже! куда си ме довео? У овой кући я да живимъ? О Нещастниче! заръ си за се ону жену купїо, коя бы къ украшенїю сераила найбогатїегъ и найсилнїегъ чловѣка была? Заръ робиня бѣдногъ єдногъ чловѣка да будемъ, кой само тамну рупетину, а не кућу, има. Кажи ми, молимъ Те, како си могао оны 2000 денара за ме платити? Ты си морао ньи нѣгди украсти. Ахъ жалостанъ! отговори їой Адемдай, тихъ 2000 денара бы-
ли су цѣло мое имѣнїе, и я самъ ихъ прегорео, само Тебе да получимъ. Но небойсе ништа, мы нећемо истинна богатыи быти, нити ћемо раскошно и налишно живити, но све ћемо имати, шшогодь намъ нуждно узбуде.

Адемдай ово рекшїй ни є добро гледао, колико прихода на дань има, и заборавїо є, да є само єдна драхма на дань цѣло нѣгово имѣнїе, досада є съ ньомъ самъ за себе на край изилазїо, а сада бы морале две душе опъ тогъ живити. Но будући да є то и заборавїо, то мораде очекивати, док' му Хранитель не дойде, и овы осамь дана тако му се дугачкїи учине, као да су

ѣлы осамь година. Между шимъ кувао є самъ єла, коя є съ Асселїомъ своїомъ дѣлити морао.

Ассели ништа ни окусити не х'тѣде, и непрестанно горко плакаше, и тужаше. Тако млада и тако лѣпа, дарове такве имаюћи, да бы у серайлу Султана или Везира єдногъ свѣтлити могла, а садъ робкиньомъ простогъ рукодѣлца да буде? та мысль глубину сердца нѣногъ узмущаваше, и кадъ бы їой Адемдай блюдо — таньиръ — са пиринчомъ представляо, свагда бы га отъ себе оттурила. Ассели ни є могла на оны тверды столица сѣдити, а постеля, коя є Адемдаю тако добра была, была є Асселїи нѣговой найгорша отъ свїю постеля. И истинна, да є за двое мало неудобна была, ибо ю є Адемдай само за себе преправїо био. Кадъ бы їой Адемдай о любви своїой къ ньойзи говорїо, Ассели бы се таки огорчена отъ нѣга окренула, говорећи: како се смѣшь усудити, у тимъ простимъ и мерзскимъ керпама и дроньцыма предаме изићи? Ты кажешь, да нѣкаквогъ Хранителя имашь, кой Ти свагда, што Ти є нуждно, подае: заръ тай Твой Хранитель мысли, да є то излишно, да се чловѣкъ пристойно обуче? И я ћу несрећница принуждена быти, у такво одѣло обућисе. О Боже мой! да овога было ни є, досада бы већ у найбогатїимъ

Индїйскимъ веществамъ ишла! Виновниче моихъ страданїя, и Ты їошть можешь опъ мене искати, да Те я любимъ, Тебе, кога само изъ свегъ сердца мерзити морамъ.

Рѣчи ове Адемдая яко оскорбе, онъ чувствоваше, да є сада сто путїй несрећнїй, него што є за сыромашства свога быо.

Между тимъ осамь дана пройду, и Хранитель Адемдаевъ дойде. — Адемдай предъ нѣга изиде, и савъ огорченъ овако му говорити почне: Ты си ми обећао, да ћешь ми све, што ми є нуждно, дати, а я самь сада найнещастнїй ч'ловѣкъ овога свѣта. Како то, упыта га Хранитель нѣговъ съ удивленїемъ, заръ Ти нисамь све дао, што си опъ мене захтевао? — О запста, отговори Адемдай, я самь самъ кривъ, я самь мыслїо, да се оно, што є нуждно, у малимъ нѣчимъ состои, но садъ видимъ, да самь се преварїо. Ты си ми дозволїо, жену да узмемъ, ибо си мыслїо, да є жена за мене нуждна. Кадъ самь я самъ быо, онда самь єдну драхму на дань имао, а сада є расходъ мой двогубъ. Кадъ є нуждно было, жену имати, по є нуждно, дати їой, съ чимъ да живи? — То є весма нуждно! — Добро! Ассели моя нити хоће што да єде, нити' да пїе, нити мож' да спава, пуга їой неда. Єла, коя їой я даемъ, и дати мо-

ту, и коя су за ме добра была, немогу и нѣномъ желудцу поднети, кой се на лака єла научїо быо. Што є мени нуждно было, неможе и ньой нуждно бынти. Но будуѣи да самь ю веѣ єданъ путъ купїо, и будуѣи да ю више него сама себе любимъ, то є нуждно, да їой оно дадемъ, што їой є нуждно? — Тако є, отговори Хранитель, шта мыслишь, колико ѣе Ти на дань пребати, да їой све прискорбишь, што є ньой нуждно? — Я нисамь све то точно счислїо, отговори Адемдай, но мыслимъ, да бы два томана — отъ прилике три талира — на дань потребовао, съ ньима бы мы обое на дань добро на край изилазили, а да ни у каквой излишности нисмо. — Добро, рекне му на то Хранитель, ако ништа више не пребашь, него то, а оно сво Ти 16 Томановъ за слѣдующя осамь дана. Када ово време пройде, опетъ ѣемо се видити, а онда ѣу гледати, има ли їошть што, што бы Ты нуждно потребовао.

Со тимъ Хранитель пойде, но Адемдай га заустави, и рекне му, Ахъ! їошть бы нѣшто отъ Тебе искати имао. Я любимъ Асселїю, нуждно є, да и она мене люби? — Заиста тако є, отговори му Хранитель. — Но она неможе, у овому одѣлу да ме гледа, и каже, да бы она сада супруга богатога каквогъ лѣпо - и красно-

одѣвена мужа была, да мене само было ни є. Тако, ако є нуждно, да она мене люби, то є и то нуждно; да се я ньой допаднемъ, ако є нуждно, да се я ньой допаднемъ, то є нуждно, да одѣло мое промѣнимъ. Тимъ начиномъ не бы, мыслимъ, лѣпо одѣло излишно было. — Никоимъ начиномъ! — Асселя моя и то каже, да бы она сада у найкрасніимъ Индіискимъ вешцесивама ишла, да мене ни є, то єсть, она сяйность и блистанѣ весма милуе. Зато, ако я хоћу, да ме она люби, то є нуждно, да їой я све то дадемъ, што она милуе? — Безъ сваке сумнѣ! — Асселя има много дарова, она пѣва, и свира у струну. А я не могу плодове те славногъ воспитанія, кое є она получила, уполити, а кадъ человѣкъ дарова има, то є нуждно, да их и облагородьава и воздѣлява? Зато бы їой я весма радо лѣпу и добру струну купіо, то бы їой заиста велико увеселеніе учинило. — Све то, што ме молишь, чини ми се, рекне му Хранитель, да є весма нуждно, но шта ће све то коштати? — Отъ прилике тысящу дуката, отговори Адемдай. — Ево Ти их, буди ми здравъ, и купи, што Ти є нуждно.

Со тимъ Хранитель отиде, а Адемдай кући своїой пойде, очи су му отъ радости свѣтлиле, кою є сакрыти хотѣо. Хотѣћи пакъ Ас-

селїи своїой струну и проче ствари изненада да донесе, ни рѣчи їой о томъ говорїо ни є, шта се съ Храниτелѣмъ своимъ разговарао, но сутрадань рано уснане, да ствари речене покупус. Таки се самъ у найбогатїе одѣло обуче, а потомъ съ множествомъ Трговаца кући дойде; ови се не могаху довольно начудити, како тако богатъ чловѣкъ у малой пой кућици пребываше. Ассели є єдва поняти могла, шта є и како є. И єдва є Адемдая познати могла, у какво є одѣло обученъ быо. Адемдай къ ньой приступи, и рекне їой: нисамъ ли Ти казао, да ми мой Хранитель све дозволява, што ми є само нуждно? Зашо се любима моя Ассели! ништи' не старай, ни у чему нећешь оскудна быти, само ништи' излишно не ништи. Избери отъ овыхъ ствариї, кое ћею Ти се предложити.

Асселїи се рѣчи ове Адемдаеве веома допадну: и она найлѣпше ствари избере, и будући да є веома предосторожна была, што є у єданъ путъ толико ствариї узела, да є и за настоящу и за будущу нужду имати могла. Ассели струну бисеромъ украшену и искићену узме, и нѣвати почне, Адемдай мысляше, да є већ у раю. Съ укоченымъ очима є на устне ње не гледао, свака є нѣна рѣчь, свакїи нѣнъ гласъ нову рану сердцу нѣговомъ задавао. Ассели є нѣга

у пѣсни своїой опоминяла, да се на судбину свою више не тужи, ибо є сада младѣ, лѣпѣ и великодушанѣ, а жене таквогѣ само мужа любе и обожаваю: и будући да онѣ већ желанїимѣ нѣнымѣ удовлетворява, ньи благовонныимѣ тамїаномѣ кадећи и дражћи, то се садѣ у сердцу нѣномѣ изѣ єдине благодарности любовь, любовь пламеина кѣ своему Адемдаю радьа.

Кадѣ є Адемдай рѣчи ове саслушао, савѣ восхищенѣ отѣ радости му сердце играше. Плати за струну и одѣла, и Трговце отправи. Већ га Асселя нѣгова люби, шта му више треба? Зарѣ не има све, што му є нуждно?

Три дана имѣ у неописаномѣ веселю пройду. Четвертый дань около 6 часова у вечерѣ Адемдай мало проходаписе пойде, да мало отдане. Крозь нѣколико улица прошавшїй опетъ напраѣ дойде. На нѣколико коракляя от куће види младића єдногѣ, гди около прозора — пенджера — чепа. Младић овай био є лѣпо одѣвенѣ; но видећи, да нѣпко на нѣга пази, у померчини оной побѣгне. — Зашта є, говораше Адемдай у себи, младић овай намѣравао, у кућу мою да уйде, и младу мою робкиню да похити. А како не бы, кадѣ є тако лѣпа. Весма ми се познанѣ чини. То є онай младић, кой є 1800 денара Трговцу ономѣ за Асселїю давао; но я ћу знати и у

томъ му путъ препречити, нећу я више отъ куће отлазити.

Со тимъ у собу уйде, савъ намергодьенъ и као смушенъ, тежко дыхаюћи. Ассели га запыта, шта му є, но онъ їой ни рѣчи не отговараше, кадкадъ само по кой гнѣвлывъ взоръ на ню бацаше, аки бы тако у нѣнымъ очима потайно нѣко прегрѣшеніе открити хотѣо, кое бы казни достойно было. Найпосле већ неможе ревньивость — Eiferſucht — свою обуздати, и запыта ю, ни єл' она кога видила, гди около куће обилази? Ассели му се заклиняше, да никога видила ни є. Адемдай ю съ горкимъ насмѣиванѣмъ погледи, у истый махъ све спокойство и све щастїе свое изгубїо быяше. О неваляла ревньивости! какова си страшна болѣсть ты! Средства она тебе већма и већма подражую, съ коима бы человѣкъ мыслїо, да те залѣчи. Уидешь ли само у сердце єдно, то га са свимъ парашь; огань твой дубоко затворенъ све благополучїе ч'ловѣческо уничтожава. Ты му само сѣни нѣке показуешь, кое га плаше и страше; онъ све то вѣруе, што само изъ далека помыслава; онъ често и о невозможномъ помыслава, и отъ саме свое сѣни боисе и страши.

У таквомъ состоянїю находящесе бѣдный нашъ Адемдай, нипошто се више усудьивао

не бы, кућe оставити, коя му є сокровище оно у себи заключавала, што му є све то више драгоцѣнніе постаяло, што се више бояо, да га какогодь не изгуби. Кадь Хранитель Адем дая посѣти, найде га жалостива и замыслѣна. Шта є то, рекне му Хранитель, зарь іошть сва нуждна не имашь? — Ахь! іошть ми нѣшто кь тому недостае: зарь ни є нуждно, да человѣкь кадкадь отъ кућe отиде, или дѣла своя да соверши, или само свѣжа воздуха да почерпи? — Заиста є нуждно! — Зарь ни є нуждно, да человѣкь, кой лѣпу робкиню има, и кой ю люби, и безбѣданъ буде, да му ю нећею другїи похитити? — То є срећи нѣговой весма нуждно! — Но садь почитаемый Хранителю мой! ако све кодь кућe узсѣдимь, то ћу се разболѣти, а ако изь кућe отлазїо будемь, тко ће ми мою лѣпу робкиню чувати? Я бы морао ушкоплѣнике — еунухе — имати, кои бы ю чували, но я самь сирома, не имамь ихь сь чимь купити. — Ушкоплѣнике? запыта га Хранитель сь удивленїемь. — Да да ушкоплѣнике! зарь они нису оженѣному човеку нуждни? Или зарь є болѣ отъ пежке ревньивости умирати, негол' нѣколико удныхь ушкоплѣника имати? — Не! то ни є нуждно, да се сбоь такове маленкости Ты жертвуешь. А колико ушкоплѣника по-

требуешь? — Число ньино, отговори Адемдай, зависи отъ степена ревньивости онога, кой ихъ потребуе. Кадъ бы я мало само ревньивъ было, то бы и мало таковыхъ слугу потребовао; но я самъ ти тако ревньивъ, какогодь каковъ рисъ, и то Ти кажемъ, и да 6 ушкоплѣнника имамъ, то опетъ са свимъ миранъ было не бы. Зато ако спокойство совѣсти ништ' излишно ни є, то су ми 6 ушкоплѣнника необходимо нуждны. Хранитель Адемдаевъ на то ништа не отговори, и Адемдай бесѣду свою овако продужи: чини ми се Хранителю мой! да ми и ћупећи на то соизволяваш. Кућа моя пакъ ни є тако пространна, єдва я съ Асселїомъ моїомъ у ню стати могу: а кадъ шестъ ушкоплѣнника узимамъ, то ми є нуждно, и ньима мѣсто да опредимъ, гди ћею пребывати, я ћу ихъ и раанити и одѣвати морати, а на све то нису ми два Томана, коя си ми дао, на дань довольна. Зато, будући да є моя кућа малена, то ни є излишно, већшу да купимъ. Кадъ самъ ономадне по улицамъ Багдадскимъ пролазїо, видїо самъ красну єдну кућу, коя є на продаю, и то съ цѣлымъ покућиством. Кућа є весма лѣпа, и мени се допала, но мало є поскупа. — Пакъ што є зато, отговори му Хранитель, кућа є већша Теби нуждна, а я самъ Ти обећао, да ћу Ти све,

што Ти є нуждно, давати. — Самъ видишъ, рекне на то Адемдай Хранителю своему, да їошть ништ' излишно отъ Те нисамъ искао. — И ниси, рехне му Хранитель, но шта кошта та кућа? — 15000 Томана, отговори Адемдай. — И таки му Хранитель нѣговъ векслу єдну отъ 15000 Томана даде, коя ће му се у сокровищу Калифовомъ — Султановомъ — исплатити; къ тому придода и 1500 Томана, да бы ушкопљѣнике оне купити могао. О благодѣтелный Хранителю! повикне у восхищенїю Адемдай, колико самъ Ти дужанъ за благодѣянїя Твоя благодарити? Садъ ми їоште єдно недостае; будући да є кућа моя већша, то є нуждно, да се свагда у найболѣмъ станю обдержава, и да собе са покућствомъ чисте буду. Чистота є нуждна. Тако неће излишно быти, да два роба купимъ, кои ћею се о чистоти куће и покућства старати. — То єсть истинна, отговори Хранитель, два роба имати, то ни є много. — Со пимъ више Хранителю благїй! што и ушкопљѣницы мои безпосленныи быти нећею, на предметъ горећe мое любве пазећи. И тако ћу онда свега десеть людїй рааниги, а то съ два Томана на дань не учини: тому ће се свакїй дань 20 Томана изискивати, и нећею излишныи быти. — Айде де, отговори му Хранитель, ево

Ти 160 Томановъ за осамь дана, а 200, да робове съ ньима купишь, кои су Ти нуждныи. —

Со тимъ Хранитель отиде. Супрадань Адемдай рано устане, и къ Притяжателю прекрасне оне куће отиде, сумму новаца исплати, и кућу купи. При томъ и 2 роба са 6 ушкоплѣника купи, и съ ньима къ Асселїи своїой дойде, да ю у новъ дворъ уведе.

Кућа та была є весма лѣпа, и удобна, съ краснымъ куйняма, велики шталозы, и господскимъ и изрядныимъ собама и саалама. Са свїю страна около куће Адемдаеве были су найлюбезнїи сосѣди — комшїе — кои су се животомъ добро и по силамъ своимъ наслаждавали.

Данась Адемдай у нову свою кућу уйде, а супра већ сосѣди пойду му на посѣщенїе, ови су се трудили, радость свою изразити му, што тако доброга сосѣда имаю. Сви га къ пиршествамъ и на части позову, при конма се ништ' штедило ни є.

И Супруге сосѣда тихъ хотѣле су съ лѣпомъ Асселїомъ упознатисе, и отъ супруга своихъ дозволенїе получе, да ю свободно посѣщавати, и поклоне їой разне чинити могу, кои се обычно у Багдаду пришелцемъ при первомъ посѣщенїю подаю.

Када осамь дана пройду, а Хранитель Адем-

даевъ дойде, да га посѣти. Зачудисе, кадъ га види, са свимъ и дубоко замыслѣна. — Откуд' та печаль Адемдаю! упыта га, зарь ниси съ новымъ Твоимъ притяжанїемъ задоволянъ? — Я самь съ ньимъ весма задоволянъ, отговори му Адемдай, найбольїи люди єсу ми сосѣди, они су пришествїе мое найкраснїимъ торжествама прославили. — Тако морашь сада весма срећанъ быти Адемдаю! — Срећанъ? Ахъ добрый Хранителю! кадъ ч'ловѣка съ чимъ задуже, по єнуждно, да се оныма отдужимо, отъ коихъ смо што прїимили? — Тако є Адемдаю! обычай тако изискуе. Сви бы Те за сребролюбца держали, и свак' бы Ти се подсмѣвао, када не бы заямъ врашїо. — Тако, продужи бесѣду Адемдай, мене су сосѣди мои добро почастили, обѣде ми даваюћи пребогате. Волшебствене свирке между тимъ су зуиле, благоуханїя све по изборъ изъ сребренныхъ и златныхъ сосуда по воздуху разсипаласе; освѣтленїе — иллуминацїа — є величествено и прекрасно было: а на концу обѣда дошао є чопоръ єданъ младыхъ играчица, кое су у умилномъ играню све свое дражести показывале. А како ћу я мое сосѣде почастити? Откудъ мени сосуди отъ сребра и злата? Єсамь ли я у состоянїю, разна благоуханїя предъ ньима сажећи? Откудъ ми свирачи и играчи-

ће? А гди су ми робови, да толике мое пријателѣ послужую? Гди ли ми є искусанѣ каковѣ куварѣ, кой бы ми благоухаюћа єла сготовити знао? Отпудѣ видишь благїй мой Хранителю! да я їошть све не притяжавамѣ, што бы ми нуждно было. — Имашь право, отговори му Хранитель, на то нисмо ни єданѣ ни другїй мыслили. Све ћу я то поправити, што смо обойца заборавили были. Сутра ћу Ти, Адемдаю! найкрасніе посудье, робове за послугу, благоуханїя, свираче, и играчице, а особито изрядногѣ єдногѣ кувара послати. — О! отговори Адемдай, све ћешь то Ты послати, но хоћешь ли ми кѣ тому и толико новаца послати, да толике люде исплатити и издаити узмогу? Я имамѣ само 20 Томана на дань, а требало бы ми, 50 да имамѣ — Добро, отговори му Хранитель, имат' ћешь отсадѣ 50 Томана.

Сутрадань ето Ти множество робова, играчица, и свирача заєдно са куваромѣ и нѣговымѣ послужительма Адемдаю дойде. И тако Адемдай сосѣде свое весма добро угости и почасти, и осамь дана єдно за другимѣ траяле су те гостбине кодѣ Адемдая

Хранитель опеть дойде, да бы се о срећи Адемдаевой радовати могао, но опеть га тако срећна не найде, као што є мыслїо, да ће га найти. Ахѣ Хранителю мой! рекне му Адем-

дай; їошть се великодушїю Твомъ надамъ. — Како то, рекне му овай, я самь мыслїо, да си Ты садъ већ найсрећнїй чловћкъ овогъ свћта? — Іошть нисамь найсрећнїй, отговори му Адемдай, погледай само пріятелъ мое и сосћде, свакїй по нћколико лћпихъ и младыхъ жена има, а я само єдну имамъ. — А заръ треба чловћкъ више да има? — А заръ Ты Хранителю! мыслишъ, да бы Пророкъ — Муамедъ — дозволїо было, више жена узимати, да ни є мыслїо, да є нужднo, више их и имати? Простыи люди су само сь сдномъ женомъ задовольныи, ибо су сиромаси, пакъ немогу више ньихъ рааниши, ибо све не имаю, шшо имъ є нужднo. — А колико бы жена Ты потребовао? упыта га Хранитель. — Пріятельи мои имаю по 30, по 40 да гдикой и по 50 ньихъ, мени бы доспа ньихъ 20 было. — Двадесешь жена, чини ми се, да є мало излишно, рекне му на то Хранитель, єдна є къ щастїю чловћческомъ довольна, а 20 ньихъ суешу нћгову само удоволяваю, и що ми є весма жао, да си и Ты суешанъ. — А има ли когъ на свћту, кой суешанъ ни є? Я самь суешанъ, що исповћдамъ, а зашо є нужднo, да суеши моїой удовлетворавамъ, ако самь радъ срећнымъ быши. — Тако мыслишъ Адемдаю! да бы Ти 20 жена необходимо нужднe быле? — Необходимо нуждне, оп-

говори Адемдай, при шомъ и приходи да се умноже, да ихъ сви 20 обдержавати могу. — Е! добро! Сутра ће Ти Трговацъ єданъ робовный 20 лѣпихъ Цїркасскиня довести, кое Те ништа стати неће, а при шомъ ћешь три пута толико прихода имати, колико садъ што имашь. — О како Ти имамъ благодарити добрый Хранителю! Ты сваку мою молбу испуњаваш, но ня л доброту Твою зло не употребљавамъ, досадъ ништа їошше искао нисамъ, што бы излишно было. Но дозволи ми, їошть єдно примѣчаніе да Ти учинимъ. Кадъ ми 20 жена као нуждну ствaрь дозволяваш, то ћешь ми за сваку и по два ушкопљѣника дати: има, кои и више њихъ имаю; ибо кадъ ч'ловѣкъ 20 жена има, то є нуждно, да има, и тко ће на њихъ пазити. — Имашь право Адемдаю! рекне му на то Хранитель, таки сутра добити ћешь тихъ 20 жена, и 40 ушкопљѣника, а будући да ће се со тимъ кућа Твоя весма умножити, то Ти даемъ 200 Томана на дань. Лаку ноћ!

Хранитель Адемдаевъ одержао є рѣчь свою свето. Между тимъ дойду сосѣди Адемдаевы єданъ за другимъ, да се съ њимъ опросте; то му є весма жао было, ибо се съ њима већ обыкао быо. Сосѣди овыи нису га истинна на дуго време оставити намѣравали, но имали су пре-

красне вертограде около Багдада, и тамо су у пролѣће ити обычествовали, да бы свѣжій и чистій воздухъ, и увеселенїя єстественна уживали; тако су и жене и слуге свое съ собомъ тамо водили.

Жене Адемдаеве виде, да ихъ є све содруженство оставило. Рѣдко су могле изъ харема изићи; непрестанно су жалостиве и убїене быле, и готово су се све поболеле быле. Адемдай неѣ не знаде, како ће време да пробавля, и єднако се мучаше, што тако богатъ ни є, да и онъ добро єдно у предѣлу Багдадскомъ купи. И за то Хранителю своему овако говораше: веће ми є чисто срамота, добрый мой Хранителю! што Те їоште нѣшто молит' морамъ. Но Ты си ми обећао, да ћешь ми све, што є нуждно, дати, а єли то нуждно, да жене мое здраве буду; ибо сада непрестанно вену, и умрети ћею. Я самь нѣколико Лѣкара пытао, и сви кажу, да имъ є чистъ и свѣжъ польскій воздухъ нужданъ. Ты си ми већ толика добра учинїо, но перво добро єсть здравїе, а и мое ће дань по дань све слабїе быти. Єли нуждно, да ч'ловѣкъ забаву какву има, коя бы га увеселявала, и коя бы му се милила. Польскій воздухъ укрѣпит' ће мое здравїе, и добро какво близу Багдада забявлят' ће умилно духъ мой, у разныма обучаваюћи га. А

обучаванѣ є ч'ловѣку нужднo, тимъ начиномъ ништ' излишно отъ Тебе не ищемъ. Пріятельи мои казали су ми, да они добро єдно, 2 милѣ отъ Багдада далеко знаю, кое є на продаю, него є мало поскупо, 150,ооо Томана за нѣга ишћу. — Захпеванѣ Твое види ми се са свимъ правично Адемдаю! и я се немогу умспвованю Твомъ довольно начудити, нит' Ти могу у чемъ противусловити. Сутра у ютру дойди Калифу на Аудїенцїю, предай му ово назначенїе, и онъ ће Ти таки тихъ 150,ооо Томана исплатити. —

Адемдай, о услужности Хранителѣвой восхищенъ съ сладкомъ мыслїю заспи, да ће скоро прекрасно добро имати.

Рано у ютру берже болѣ обучесе, и додье Калифу на аудїенцїю. Великїй Харун-Ал-Рашидъ сѣдїо є на своемъ престолу у злату и драгомъ каменю. Сви нѣговыи Дворани заєдно са Мудрецы Царства около нѣга собраныи быяху. Адемдай се савъ уздеркће, престолу приближаваюћисе, на комъ є Владѣтель правовѣрныхъ сѣдїо. Но како се сгрози и укочи, кадъ у Калифу свога Хранителя позна, кой му є сва нужднa обећао, и толико благодѣянїя указывао. Недвижимъ предъ Калифомъ стоећи ни єдне рѣчи проговорити не смѣде. На то му великїй Харун-Ал-Рашидъ овако говорити почне: Я видимъ

Адемдаю! да си се Ты зачудїо: я самь єданъ отъ оныхъ Єрменскихъ Трговаца, коима си Ты животъ спасао. Када си ме отъ очевидне смерти избавїо, таки самь се самъ себи завѣщао, да Те онако наградимъ, као што бы мене и велике Твое заслуге достойно было. Но и то самь желїо, признателность мою да не познашь, и я о томъ да се радуемъ, што ћу Те срећнымъ учинити. Я самь се у необычно одѣло обукао, да бы само Ты мыслїо, да самь я вышше какво и божественнымъ силама обдарено существо. Кадъ самь первый путъ у колебу Твою ушао, радовао самь се самъ у себи о увеселенїю, кое самь Ти учинити хотѣо. Ты си онда самъ при димньику Твомъ сѣдїо, и ниси ништа више желїо, него оно, што Ти є нуждно. Я самь самъ искусити хотѣо, шта є то, што се нуждным называ, и коя є граница измежду нуждногъ и излишногъ. Сада пакъ несмысленно мое обѣщанїе натрагъ узимамъ. Я самь найсилнїй и найбогатїй Владѣтель на свѣту, и я не бы у состоянїю было, Теби оно, што Ти є нуждно, давати, и кадъ бы Ти сва моя сокровища, да и самъ мой престолъ дао. А Вы, Мудрецы могъ Царства! судите мало о томъ, шта є то нуждно, шта л' излишно. Ево Вамъ ч'ловѣка єдногъ, когъ самь я изъ найвећщегъ сиромашства испергао и

подигао: я самь му досадь мало по мало до 200,000 Томана дао, имѣнїе нѣгово єсть за приватна чловѣка велико; онь има найкраснїй дворь у Багдаду, 20 жена у своме харему, множество ушкоплѣнника, и 100 робова на послугу, и по нѣговому мнѣнїю їошть му све нисамь дао, што му є нуждно. Тимь начиномь є излишно єдна само воображена ствар, кою нитко не има. А нуждно, то є пропасть єдна, коя се напунила не бы, и да бы цѣо овай свѣть прогутала.

Иди Адемдаю кући, оставлямь Ти сва добра, коя самь Ти дао, нек' су Твоя; она нек' Ти награжденїе за услугу буду, кою си ми указао. Но тога се опричемь, да Ти све, што Ти є нуждно, у напредакь даемь, и будући да човѣку свагда понѣшто заостати мора, за чимь да чезне, то никада нећешь добра извань града имати, кое бы цѣль Твога честолюбїя было.

Тако Калифь Адемдая отправи. Адемдай ћутећи оде. И кадь бы годь по меканы перина спавао, и благоуханїя около нѣга спалываласе, свагда бы на прекрасно свое покућство погледао, и сь уздыханїемь рекао: О Муамеду! Муамеду! зашто ми све оно, што ми є нуждно, не даде?

(Г. Кастелљїомь.)

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

РТкСр I 63/1815.